

**СТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ББК72.3
С76

Редакционная коллегия:

А. П. БАЗИЯНЦ (ответственный редактор),
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ, С. Н. РОСТОВСКИЙ,
Н. А. ХАЛФИН, П. М. ШАСТИТКО

Сборник освещает историю становления советского востоковедения в 1917 г.— начале 20-х годов. В первой части даны статьи, показывающие формирование марксистско-ленинской методологии советской востоковедной науки, организацию академических научных учреждений и высших учебных заведений. Во второй части сборника публикуются документы и материалы.

С 1402000000-021 170-82.
013(02)83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Часть I

СТАТЬИ

А. Н. Хейфец, П. М. Шаститко

В. И. ЛЕНИН И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Русское востоковедение всегда занимало почетное место в отечественной и мировой науке. В дореволюционном русском востоковедении отчетливо прослеживалось прогрессивное демократическое направление, представителям которого было свойственно глубокое уважение к народам Востока, их истории и культуре, стремление постичь взаимовлияние и взаимосвязь культур Востока и Запада, заинтересованность в судьбах народов Азии и Африки, сочувствие их устремлениям к свободе и прогрессу.

Но при этом официальное, «казенное» востоковедение царской России отвечало интересам помещиков и капиталистов, нередко служило экспансионистским устремлениям этих господствующих классов. Даже для передовых представителей русского востоковедения были характерны, как и для буржуазного востоковедения других стран, односторонние филологическая направленность исследований, сосредоточение сил и внимания на изучении древних и средневековых памятников, игнорирование современных проблем, а порой и непонимание всемирно-исторического значения освободительной борьбы угнетенных народов Азии и Африки.

Между тем наступившее под влиянием русской революции 1905 г. «пробуждение Азии» сделало особенно актуальным подлинно научное изучение тех процессов, которые развернулись в странах Востока, выяснение их исторических, культурных, идеологических предпосы-

лок. Возникла насущная общественная потребность в коренной перестройке востоковедной науки. Такая перестройка стала возможной после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Становление советского востоковедения происходило в сложных и тяжелых условиях гражданской войны и иностранной интервенции, разрухи, а затем восстановления и реконструкции народного хозяйства. История науки знает мало примеров столь быстрой перестройки важной научной дисциплины, сопровождавшейся коренным изменением методологии и объектов исследования, структуры научных учреждений и учебных заведений. Все это во многом определилось выдающейся ролью, которую сыграл в становлении нового советского востоковедения основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин. Ряд работ Владимира Ильича, посвященных Востоку, стали для советских востоковедов образцами подлинно научного исследования современных востоковедных проблем. После победы Великого Октября В. И. Ленин активно участвовал в практической организационной работе по созданию советского востоковедения.

Методологической основой советского востоковедения с первых дней его создания был марксизм-ленинизм. Поэтому, изучая роль В. И. Ленина в становлении советского востоковедения, необходимо учитывать всю многогранную теоретическую деятельность великого продолжателя дела К. Маркса и Ф. Энгельса, при этом особо выделяя в трудах В. И. Ленина разработку тех или иных востоковедных проблем. Главное внимание в них уделялось вопросам национально-освободительного движения народов Востока, а это было особенно важно в той конкретной исторической обстановке, при которой проходило становление советского востоковедения.

Работы В. И. Ленина по востоковедным проблемам условно можно разделить на две группы.

К первой относятся труды, в которых востоковедные сюжеты рассматривались и исследовались для выработки и подтверждения общих концепций общественного развития, определения стратегии и тактики партии большевиков и международного рабочего движения,

разработки основ национальной и внешней политики Советского государства. О том, насколько важным В. И. Ленин считал привлечение востоковедного материала при разработке марксистской философии, свидетельствует его известная работа «О значении воинствующего материализма». В. И. Ленин писал, что «сотрудники журнала „Под Знаменем Марксизма“ должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем „Капитале“ и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), — т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застои и гниение во многих передовых государствах Европы, — каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹.

Вторая группа востоковедных исследований В. И. Ленина включает статьи, посвященные событиям на Востоке, в частности революциям в Азии в начале XX в.

Научные открытия и выводы по проблемам истории национально-освободительного движения народов Востока, содержащиеся в работах В. И. Ленина, сделаны на основе изучения широкого круга самых разнообразных источников.

Конспекты изученных В. И. Лениным работ, составленные им списки литературы и библиографические заметки в «Тетрадах по империализму», а также каталог личной библиотеки В. И. Ленина² свидетельствуют о том, что В. И. Ленин был знаком со всеми сколько-нибудь значительными исследованиями не только по вопросам колониальной политики, но и по истории важнейших стран Востока: Индии, Китая, Ирана, Турции, Индонезии, Египта, Кореи, Афганистана, стран Океании и др. Так, ленинская «Тетрадь материалов о Персии», составленная уже после написания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма», содержит конспекты книг Деморньи и Егера³, а также библиографическое описание и ссылки на работу Брауна «Персидская рево-

люция»⁴. В библиотеке Владимира Ильича хранилась и книга П. Сайкса «История Персии»⁵, на форзаце которой была сделана собственноручная надпись: «Ленин»⁶. Личная библиотека В. И. Ленина свидетельствует о его глубоком интересе к проблемам освободительного движения в Индии. Здесь были представлены книги: Д. Андерсона «Британская администрация в Индии», «Статьи и речи Сурендраната Банерджи, им самим избранные», «Индия требует самоуправления», изданная в 1917 г. в Стокгольме Центральным комитетом Лиги индийских мусульман-патриотов за границей, большой том документов «Индийский национальный конгресс», работы Б. Ч. Пала «Новая угроза для экономики Индии», Ладжпат Рая «Английский долг Индии», М. Н. Роя «Индия в переходном состоянии» и «Что же нам нужно?», Г. В. Вольфа «Кооперация в Индии» и др.⁷

В. И. Ленин стремился как можно полнее ознакомиться с самыми новыми исследованиями и документальными источниками по индийскому освободительному движению. Беседуя в феврале 1921 г. с индийским революционным эмигрантом Абдуррабом, он просил его составить список литературы и источников по этой теме. Получив список, состоявший примерно из 40 названий и включавший труды Ганди, Тилака и других индийских деятелей, документы Индийского национального конгресса, материалы о пенджабских событиях 1919 г. и т. д., В. И. Ленин поручил советскому представителю в Лондоне Л. Б. Красину приобрести эту литературу. Вскоре это поручение было выполнено, но далеко не полностью: большинство книг из-за отсутствия их на лондонском книжном рынке пришлось заказать в Индии⁸. Кроме того, В. И. Ленин заказал книги об Индии, изданные в других европейских странах. Библиотекарь Ш. Манучарьянц пишет в воспоминаниях: «По просьбе Владимира Ильича были выписаны книги об Индии»⁹.

В. И. Ленин скрупулезно выделял и собирал содержащиеся в европейской литературе сведения об источниках непосредственно восточного происхождения. Так, конспектируя книгу Егера «Персия и персидский вопрос», он сделал следующую запись: «Ссылка на вышедшую, во время печатания, книгу „Персия и европейская война” одного „персидского патриота” (Цена? Место издания?)»¹⁰, пометив ее двойной чертой на полях и ли-

терами НВ. Эта краткая заметка говорит о пристальном внимании В. И. Ленина к материалам, характеризующим позиции участников освободительного движения в странах Востока. О том же свидетельствует и другая запись, которую Ленин сделал, ознакомившись с опубликованным в «Die Neue Zeit» пересказом статьи А. Джекса (Шанхай) из «The Socialist Review». Он отметил: «Автор дает переводы статутов китайских социалистических партий и организаций» — и написал: «Социализм в Китае»¹¹.

Благодаря революционным связям большевиков с деятелями национально-освободительного движения ряда стран Востока в распоряжении В. И. Ленина имелись и документальные материалы. Известно, например, что представители Иранской социал-демократической партии¹², как и Демократической партии Ирана¹³, направляли В. И. Ленину и ЦК РСДРП свои обращения. Ленин получил информацию о революционных событиях в Иране от непосредственного их участника — Г. К. Орджоникидзе¹⁴. Он содействовал публикации и редактировал доклад В. Триа (Мгеладзе) «Кавказские социал-демократы в персидской революции»¹⁵. Показателен и такой факт: в начале августа 1908 г. член ЦК РСДРП И. Ф. Дубровинский направил в Константинополь (Стамбул) делегата V съезда партии И. В. Шаурова с поручением изучить обстановку в Турции и присылать информацию о ходе турецкой революции в ЦК партии и в газету «Пролетарий»¹⁶. «Наблюдая за турецкими событиями,— писал в своих воспоминаниях И. В. Шауров,—я пытался извлечь из них пользу для нашей революционной политики»¹⁷.

Число подобного рода источников, поступавших в распоряжение В. И. Ленина, многократно умножилось после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Это были самые разнообразные документы о послеоктябрьском революционном подъеме в странах Востока, которые В. И. Ленин тщательно изучал. С особым вниманием он относился к материалам деятелей освободительного движения. Характерен такой пример. В начале августа 1920 г. Владимир Ильич ознакомился с материалами первого съезда Иранской компартии и другими документами о положении в Иране, присланными ему М. П. Павловичем (Вельтманом)¹⁸. Ценную

информацию В. И. Ленин извлекал из встреч и бесед с представителями стран Востока.

Даже краткий, фрагментарный обзор этих источников позволяет утверждать, что Ленин в своих оценках и выводах относительно востоковедных проблем основывался на фактическом материале, содержащемся в обобщающих работах по истории и экономике стран Востока, отражавших новейшие достижения науки того времени, а также в разнообразных первоисточниках, часть которых была недоступна даже профессиональным востоковедам.

Ленинские работы были посвящены наиболее актуальным проблемам жизни народов Востока и стали исходными пунктами в дальнейших исследованиях советских востоковедов. Важной задачей науки было определить место народов Востока в поступательном развитии человечества. В начале XX в. решение этой проблемы было неразрывно связано с правильной оценкой первых азиатских революций. В. И. Ленин указал на связь между этапами антиколонизаторской борьбы и первыми буржуазными революциями, знаменовавшими «пробуждение Азии». В статье «Китайская война», разоблачавшей интервенцию капиталистических держав в Китае во время восстания ихэтуаней, он характеризовал его как «нападение китайцев на европейцев», вызванное грабежами и насилиями европейских капиталистов и покорных капиталистам европейских правительств, как «мятеж», аналогичный национальному восстанию 1857—1859 гг. в Индии¹⁹. В заметках по книге Г. Вегенера «Современная Индия»²⁰ читаем: «Главная опасность восстания сипаев (1857)—переход туземной армии к повстанцам. Спасли раздоры разных наций и спячка масс»²¹. Антиколонизаторские выступления, подобные индийскому восстанию и восстанию ихэтуаней, В. И. Ленин рассматривал как движения средневекового типа. Так, народные выступления в Китае он назвал старыми китайскими бунтами²². Азиатские революции начала XX в. ознаменовали, по мнению В. И. Ленина, переход от борьбы средневекового типа к сознательному демократическому движению.

В. И. Ленин исследовал причины этого процесса, заключавшиеся прежде всего в созревании в ряде стран колониального Востока объективных предпосылок для

буржуазных революций и складывании революционной ситуации. При этом он указывал на тесное сочетание внутренних факторов и внешних влияний. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию,—писал В. И. Ленин. — Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»²³.

Важной проблемой востоковедной науки было исследование социально-экономического строя аграрных азиатских стран. Анализируя эту проблему на примере Китая, В. И. Ленин пришел к выводу, что «источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было прикрепление его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы»²⁴.

Из ленинского анализа внешних и внутренних факторов, подготовивших азиатские революции начала XX в., логически вытекало и определение характера этих революций. «В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего „востока“. И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»²⁵.

Неизменно учитывая своеобразие и особенности развития стран Азии и Африки, В. И. Ленин подчеркивал, что наступление эпохи буржуазных революций в Азии означает, что страны Востока вступили на тот путь, по которому ранее прошли европейские народы. Он был решительным противником противопоставления Востока Западу, идеализации Азии, неоднократно указывал на влияние передовых идей Европы на освободительное движение народов Востока. Констатируя, что в Западной Европе уже кончилась эпоха буржуазных революций и европейская буржуазия превратилась в реакционную силу, В. И. Ленин ставил вопрос: «Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока?» — и от-

вечал на него: «Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад»²⁶.

В ленинских трудах много внимания уделяется проблемам взаимодействия и взаимосвязи национально-освободительных движений в странах Востока с общественным развитием капиталистических государств. Новый этап в освободительной борьбе народов Востока, наступивший в начале XX в., В. И. Ленин определил как «пробуждение Азии». «Это большинство,—говорил он о народах Востока,—которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль»²⁷. В. И. Ленин считал, что «открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии», наступила эпоха «этих бурь и их „обратного отражения“ на Европе»²⁸.

В ленинских работах раскрывается соотношение классовых сил в национально-освободительном движении народов Востока. Руководителем азиатских революций начала XX в. была буржуазия. В. И. Ленин в связи с этим указывал на революционную, прогрессивную роль национальной буржуазии в странах Востока. «А в Азии,—писал он,—есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»²⁹. Но в этих же революциях выступала и либеральная буржуазия, которая, как отмечал В. И. Ленин, более всего была склонна к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией, к измене революции³⁰.

Главной движущей силой буржуазно-демократических и национально-освободительных революционных движений начала XX в. в колониях и зависимых странах В. И. Ленин считал крестьянские массы. В крестьянской демократии он видел основной источник революционных потенций буржуазии. «Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин»³¹. Исследуя идеологические основы прог-

раммы выдающегося представителя крестьянской демократии Востока Сунь Ятсена, В. И. Ленин обратил внимание на ее народническую окраску. «Его сходство с русским народником так велико, — констатировал он, — что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений»³². В. И. Ленин указывал на проявления народнической идеологии и в других странах Востока. Так, изучив книгу Ж. Ф. Нахаса «Экономическое и социальное положение египетского феллаха»³³, он сделал следующую запись: «Точка зрения — архихарактерна: либерально-народническая, совсем как в России 1880—1900 годов!»³⁴.

В. И. Ленин считал проблему соотношения демократизма и народничества в азиатских революциях начала XX в. одним «из самых серьезных вопросов»³⁵. Он глубоко проанализировал ее на примере Китая. В Китае и в других странах колониального Востока в силу их социальной структуры существовала благодатная почва для распространения мелкобуржуазных народнических взглядов. Естественно, без правильного представления о соотношении демократизма и народничества в революционном движении и идейной жизни этих стран невозможно доскональное изучение истории азиатских революций начала века. Разработка этой проблемы В. И. Лениным имела и сохраняет до сих пор первостепенное значение для советского востоковедения.

Анализируя соотношение классовых сил в первых революциях стран Востока, В. И. Ленин много внимания уделял выяснению роли рабочего класса. Он придавал принципиально важное значение первым шагам рабочего движения в этих странах. Уже через несколько дней после Бомбейской стачки 1908 г. он констатировал, что «пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы»³⁶. В. И. Ленин отметил начавшуюся в период младотурецкой революции пролетарскую борьбу «в империи оттоманов»³⁷. Роль рабочего класса он рассматривал с точки зрения как реального соотношения сил в ходе революций начала XX в., так и исторической перспективы. В первой крупной политической стачке рабочих Бомбея в 1908 г. В. И. Ленин видел залог сокрушения английского колониализма в Индии³⁸. «У европейского сознательного рабочего, — писал он в 1908 г., — уже есть азиатские товарищи, и число

этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»³⁹.

Центральное место в ленинском анализе истории этих революций занимает вопрос о роли народных масс, о степени их активности, их способности оказать влияние на ход и результаты революций и противостоять соглашательским устремлениям либеральной буржуазии. С этой точки зрения В. И. Ленин рассматривает историю и своеобразие каждой из трех азиатских революций начала XX в.

Наиболее обстоятельно проблема роли народных масс рассмотрена В. И. Лениным в статьях, посвященных китайской революции 1911 г. Именно в этой революции чаяния народных масс; в первую очередь крестьянства, получили свое отражение в платформе Сунь Ятсена. «Без высокого, искреннего демократического подъема, который зажигает трудящиеся массы и делает их способными совершать чудеса и который виден в каждой фразе платформы Сунь Ятсена,— писал В. И. Ленин,— было бы невозможно действительное освобождение китайского народа от векового рабства»⁴⁰.

Отличительной чертой ленинского подхода к истории первых азиатских революций является рассмотрение их с точки зрения перспектив общемирового революционного процесса. Только такой подход позволяет правильно определить историческое значение «пробуждения Азии», роль национально-освободительного движения угнетенных народов как важного союзника социалистического пролетариата. Отсюда вывод В. И. Ленина, сделанный им на основе изучения всей совокупности проблем национально-освободительной борьбы народов Востока в начале XX в.: «Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории»⁴¹.

Именно поэтому, несмотря на то что ни одна из азиатских революций начала XX в. не привела к освобождению от империалистического и феодального гнета, В. И. Ленин с большим оптимизмом говорил о перспективах освободительной борьбы народов Востока. Он считал, что «никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»⁴². Уже в статьях, посвященных

«пробуждению Азии», красной нитью проходит мысль о тесной взаимосвязи двух потоков международного освободительного и революционного движения: борьбы рабочего класса капиталистических стран за социализм и национально-освободительного движения угнетенных народов колоний в зависимых странах. «...вся молодая Азия,—писал В. И. Ленин в 1913 г. в статье „Отсталая Европа и передовая Азия”,—то есть сотни миллионов трудящихся в Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы и народы Азии»⁴³.

В. И. Ленин вновь вернулся к обобщению опыта и итогов революционных событий периода «пробуждения Азии» в годы первой мировой войны, когда разрабатывал основные положения теории социалистической революции. Развивая выводы, сделанные ранее, он определил роль национально-освободительных революций как составной части общего процесса мировой социалистической революции: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁴⁴.

В. И. Ленин был свидетелем нового подъема национально-освободительного движения угнетенных народов, начавшегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Он внимательно следил за этими событиями. В его статьях и выступлениях послеоктябрьского периода освещены важнейшие проблемы и этого этапа. Среди них большое место занимает вопрос о влиянии первой мировой войны на страны колониального мира. В. И. Ленин указал на значительное ускорение капиталистического развития этих стран в годы войны: «...Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направительно окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу»⁴⁵. Важное значение имело и то обстоятельство, что империалистические державы широко использовали солдат своих колоний. «Империалистическая война,— говорил В. И. Ленин на II конгрессе Ком-

мунистического Интернационала,— помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили уменью владеть оружием»⁴⁶. Англия и Франция помогли народам колоний «познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами»⁴⁷. В. И. Ленин подчеркивал, что Восток «пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения»⁴⁸.

Ленинский анализ положения стран Востока в годы первой мировой империалистической войны показал, как в результате внутреннего развития в странах колониального мира складывались объективные и субъективные предпосылки для восприятия того глубочайшего влияния, которое оказала на эти страны победа Великого Октября. Анализируя новые черты национально-освободительного движения в странах Азии и Африки в послеоктябрьский период, В. И. Ленин прежде всего подчеркивал расширение его масштабов и размаха по сравнению с первыми азиатскими революциями. В статье «К десятилетнему юбилею „Правды“» он констатировал, что за двадцатилетие, прошедшее с начала XX в., «началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше (вся Азия, да не забыть еще Южной Африки, которая недавно напомнила о своей претензии быть *людьми*, а не рабами, и напомнила не совсем „парламентски“»)»⁴⁹. При этом В. И. Ленин считал, что послеоктябрьский революционный подъем является начальным этапом нового тура революций в странах Востока. В статье «О нашей революции», продиктованной в январе и опубликованной в мае 1923 г., он говорил о «начинающихся и частично уже начавшихся» революциях Востока⁵⁰.

Большой интерес представляют высказывания В. И. Ленина относительно периодизации истории стран Востока с точки зрения их роли в мировом историческом развитии. Он отмечал, что длительное время наро-

ды Востока представляли большинство, которое «стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло». В начале XX в. это большинство перестало играть такую пассивную роль, свидетельством чего были первые азиатские революции. Следующим толчком к расширению роли народов Востока в мировой политике стала первая мировая война, а после победы Октябрьской революции наступил новый этап, который В. И. Ленин охарактеризовал следующим образом: «За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»⁵¹.

Определяя характер и объективные задачи революционных движений, охвативших страны Востока после победы Октября, В. И. Ленин подчеркивал, что они, как и первые азиатские революции, являются по существу буржуазно-демократическими, буржуазно-национальными. Вместе с тем они стали составной частью мировой социалистической революции. В 1922 г. В. И. Ленин писал, что на Востоке «надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год,— с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т. е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущие в Индии и в Китае революции уже сейчас втягиваются и втянулись в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию»⁵².

Национально-освободительные движения стали составной частью мирового революционного процесса, центром которого является Советская Россия. «...все события мировой политики,— констатировал В. И. Ленин в 1920 г.,—сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...»⁵³.

В своих работах В. И. Ленин подчеркивал и усиление роли рабочего класса в революционном и национально-освободительном движении колоний и зависимых стран, создание объективных предпосылок для образования коммунистических партий и групп в странах Востока. Отстаивая идею единого антиимпериалистического фронта, В. И. Ленин в то же время считал, что коммунистические элементы в странах Востока должны «безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»⁵⁴. Высоко оценивая огромное прогрессивное, поистине всемирно-историческое значение революционных выступлений народов Востока в первые послеоктябрьские годы, В. И. Ленин вместе с тем отмечал и негативные моменты этого процесса. «...чем более отсталой является страна,— писал он,— тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»⁵⁵.

Даже краткий и самый общий обзор проблем национально-освободительного движения народов Востока, рассматриваемых в произведениях В. И. Ленина, показывает, что ленинские работы стали долговременной программой становления и развития советского востоковедения.

Еще до победы Великого Октября под руководством В. И. Ленина были подготовлены идейно-теоретические и методологические основы перестройки русского востоковедения на подлинно научной основе, были выделены наиболее актуальные востоковедные проблемы, намечены пути их решения, сделаны первые шаги по формированию кадров востоковедов-марксистов. Видные деятели партии и партийные публицисты внесли заметный вклад в научно-публицистическую литературу, посвященную национально-освободительному движению народов Востока.

В легальной и нелегальной печати по этим вопросам были опубликованы статьи В. Д. Бонч-Бруевича, А. С. Бубнова (Экко), В. В. Боровского, С. М. Кирова (С. Смирнова), Н. Нариманова, И. И. Скворцова-Степанова и др. Более углубленной научной разработке восточ-

коведных проблем с позиций марксизма посвящены работы М. П. Павловича и Ф. А. Ротштейна.

После победы Великого Октября В. И. Ленин наряду с дальнейшей разработкой самых актуальных проблем колониального Востока развернул большую организаторскую работу, способствовавшую быстрому становлению советского востоковедения. В. И. Ленин, отводя науке важнейшую роль в строительстве коммунистического общества, придавал огромное значение развитию научных исследований, сохранению научных кадров, укреплению материальной базы Академии наук. «Нужно,— говорил он,— взять всю культуру, которую капитализм оставил, а из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»⁵⁶.

Большинство ученых Академии наук сразу приняли Октябрьскую революцию, и востоковеды не представляли в данном случае исключения. В отличие от других учреждений, находившихся в ведении министерства просвещения, Академия наук не участвовала в саботаже, организованном чиновниками, и не прекращала работы, но она «не была политически подготовлена к восприятию революции»⁵⁷.

В. И. Ленин смотрел оптимистически на возможность привлечения ученых к строительству новой жизни. Он верил, что грандиозные задачи развития производительных сил молодой Советской страны и подъема ее культуры не могут не увлечь честных ученых, преданных своему народу и науке, и что в ходе практической работы их предубеждения рассеются. А. В. Луначарский вспоминал в 1925 г.: «Наркомпрос имел прямые директивы В. И. Ленину: относиться к Академии бережно и осторожно и лишь постепенно, не рая ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое коммунистическое строительство»⁵⁸. Он же позднее писал: «Владимир Ильич на мой доклад об Академии наук ответил, что необходимо обеспечить ее средствами, необходимо побудить ее к шагам, которые практически связали бы ее работу с нашими задачами, необходимо найти там опору среди более прогрессивных ученых»⁵⁹. Для успешного развития востоковедных исследований чрезвычайно

важным было привлечь ученых-востоковедов к активному участию в научном творчестве молодого Советского государства. Этому В. И. Ленин придавал первостепенное значение.

Такие прогрессивные и высокоавторитетные ученые-востоковеды старой школы, как Н. Я. Марр, А. Е. Крымский, И. А. Орбели и др., приветствовали Октябрьскую революцию. «Люди науки не могли не сознавать,—говорил С. Ф. Ольденбург в своем докладе на Общем собрании Российской Академии наук в декабре 1917 г., выражая настроения именно таких ученых,—что без их работ невозможны просвещение и культура, а без последних — никакое достойное человеческое существование. И, сознавая это, люди науки обязательно говорят о той научной работе, которая происходит со всем возможным напряжением»⁶⁰. Известен рассказ В. Д. Бонч-Бруевича о встрече С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным. Обсуждая с ним («часа два», сообщает В. Д. Бонч-Бруевич) нужды Академии наук, В. И. Ленин высказал пожелание, чтобы «академики во всех своих работах стали бы ближе к жизни», а затем сказал: «Вот ваш предмет, как будто бы он далек от нас, но он и близок к нам... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных поработенных и угнетенных англичанами многомиллионных масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности. — Это удивительно! — говорил мне потом Ольденбург. — Это... пророк величайшей силы... Он призван „глаголом жечь сердца людей!“»⁶¹.

Первое же предложение Советской власти о сотрудничестве встретило положительную реакцию Академии. Состоявшееся 24 января 1918 г. экстраординарное общее собрание Академии наук, заслушав информацию непременно секретаря С. Ф. Ольденбурга, дало недвусмысленный ответ на это предложение: «Академия подает, что значительная часть задач ставится самой жизнью, и Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства»⁶².

Обсуждали эти предложения о сотрудничестве и уче-

ные Отделения исторических наук и филологии Академии наук, в том числе и крупнейшие академики-востоковеды. 9 апреля 1918 г. Н. П. Горбунов от имени В. И. Ленина попросил Академию наук СССР сообщить «об имеющихся предположениях экспедиций, предприятий и изданий»⁶³. 10 апреля состоялось заседание Отделения исторических наук и филологии. На нем с конкретными предложениями относительно улучшения работы в области гуманитарных наук выступили академики В. В. Радлов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд и другие ученые⁶⁴.

В тяжелые годы гражданской войны В. И. Ленин неоднократно встречался с руководителями Академии и другими крупными учеными, вникая как в большие, принципиальные вопросы развития науки, так и в решение частных задач. Известно, как много сделал Ленин для оказания материальной помощи научным учреждениям и отдельным ученым⁶⁵.

Несмотря на серьезные затруднения, вызванные разрухой, лишениями, неустроенным бытом, голодом, плохим состоянием печатного дела, ученые, в том числе востоковеды, вели исследовательскую и преподавательскую работу. В 1919 г., например, ученые Петрограда организовали выставку памятников буддизма, на которой было широко представлено наследие древней культуры Индии, Тибета, Монголии, Китая, Японии. На выставке выступили с докладами С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Б. Я. Владимирцов⁶⁶. Продолжалась деятельность Азиатского музея⁶⁷. Он расширился, было принято решение о предоставлении музею нового помещения, о выделении ему валюты для приобретения зарубежной востоковедной литературы.

Так востоковеды включились в работу в новых условиях. Исследования большинства ученых старой школы шли, однако, поначалу в русле привычной им методологии, и лишь постепенно ученые проникались идеями материалистического мировоззрения. Многие из них работали все более активно, а некоторые и подвижнически, сознавая, что приносят пользу своему народу. Их деятельность способствовала преемственности в развитии востоковедения, сохранению лучших традиций русской ориенталистики.

Примером плодотворного участия в становлении со-

ветского востоковедения в первые послеоктябрьские годы может служить научная и научно-организационная деятельность одного из крупнейших российских ориенталистов — академика В. В. Бартольда. Он был в числе организаторов Российской Академии истории материальной культуры, созданной 18 апреля 1919 г. по декрету Совнаркома, подписанному В. И. Лениным⁶⁸, являлся товарищем председателя этого учреждения и возглавлял в нем разряд Средней Азии. В. В. Бартольд читал в эти годы лекции в Петроградском университете и в Петроградском институте живых восточных языков, содействовал организации в Москве Центрального института живых восточных языков, возглавил созданную при Азиатском музее Коллегию востоковедения, участвовал в работе восточной коллегии основанного по инициативе А. М. Горького издательства «Всемирная литература», сотрудничал во Всероссийской научной ассоциации востоковедения, возглавлял Отдел Средней Азии в академической Комиссии экспедиционных исследований. Ученый был тесно связан со среднеазиатскими научными учреждениями, помогал им в их деятельности, сыграл видную роль в создании первого в Средней Азии университета в Ташкенте, много сделал для распространения письменности среди народов советского Востока. В послеоктябрьские годы он выпустил в свет капитальные монографии об Улугбеке, Алишере Навои, написал более 130 научных статей⁶⁹.

Большой вклад в развитие советского востоковедения внесли С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, Ф. И. Щербатской, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, В. М. Алексеев, В. А. Гордлевский, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович и другие видные ученые.

О том, какие сдвиги под влиянием глубоких революционных преобразований происходили в мировоззрении молодых ученых, начинавших свой путь в науке до Октября, вспоминал, ссылаясь на собственный пример, академик Н. И. Конрад: «Весной 1918 г. Народный комиссариат иностранных дел в Москве обратился к Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии с просьбой рекомендовать какого-либо специалиста, который мог бы перевести на японский язык некоторые документы Советской власти. Ф. И. Щербатской, бывший тогда председателем Комитета, назвал меня. Я поехал в Моск-

ву и перевел два действительно исторических документа: „Обращение к трудящимся и угнетенным всего мира” и „Обращение к народам Востока”... Эта работа... показала мне общественную цель и общественный смысл моей работы ученого-востоковеда»⁷⁰.

Одновременно с вовлечением в активную работу ученых дореволюционной школы В. И. Ленин уделял много внимания организации подготовки молодых востоковедных кадров. М. П. Павлович писал, что В. И. Ленин «в качестве председателя Совета народных комиссаров оказал мощное содействие созданию двух новых учебных востоковедных институтов»⁷¹.

4 марта 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет о создании Армянского института. 25 августа 1920 г. Президиум Цебюро Комнарвостока при ЦК РКП(б) принял решение об организации на его базе Центрального восточного института, преобразованного вскоре декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г., подписанным В. И. Лениным, в Центральный институт живых восточных языков. Положение об этом институте предусматривало:

«1. Центральный институт живых языков утверждается для преподавания живых восточных языков и предметов востоковедения.

2. Цель института — дать возможность лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (экономической, административно-политической... дипломатической, переводческой и др.), приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также готовить преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения...»⁷².

Особенность программы нового института заключалась, таким образом, в том, что она приближалась к практическим интересам государства и что объектом изучения становились вопросы новой и новейшей истории и социально-экономические проблемы стран Востока. Расширялся географический диапазон изучаемых стран и языков, в частности, благодаря включению языков народов Дальнего Востока и Индии.

В 20-х годах начинают складываться новые востоковедные учреждения, в первую очередь на национальных окраинах. Осуществление ленинской национальной по-

литики сопровождалось подъемом культуры ранее угнетавшихся царизмом народов Востока. Крупные ученые-востоковеды помогали формированию национальных кадров, становлению и развитию социалистической культуры народов Средней Азии и Кавказа, созданию ценнейших коллекций памятников литературы и т. д.

Приобщение востоковедения к практике социалистического строительства обусловило объективную необходимость организационного усовершенствования деятельности востоковедов. Само развитие востоковедения требовало выхода его из изолированного положения в системе гуманитарных наук, заставляло его обращаться к изучению актуальных вопросов.

Можно отметить характерный для этого времени поиск новых форм, возникновение ряда новых научных организаций и учреждений, часто по инициативе самих ученых. В 1921 г., например, ученые Азиатского музея пришли к выводу о необходимости создания новых форм организации исследований в области востоковедения, и при музее для руководства научной работой была создана Коллегия востоковедов. Вместе с тем возникла потребность в создании принципиально нового восточного центра, объединяющего востоковедов-марксистов и сочетающего руководство и организацию научных исследований с практической деятельностью на советском и зарубежном Востоке и пропагандой восточноведных знаний. Работа по созданию такого центра была поручена М. П. Павловичу. 18 июня 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) при участии В. И. Ленина было решено отозвать М. П. Павловича с Украины в Москву⁷³. Тогда же началась работа по созданию Научной ассоциации востоковедения. С подготовленными М. П. Павловичем материалами и документами В. И. Ленин ознакомился лично⁷⁴.

13 декабря 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил проект декрета об образовании при Наркомате по делам национальностей Всероссийской (позже — Всесоюзной) научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) — организации, сыгравшей большую роль в становлении марксистского востоковедения в нашей стране⁷⁵. В. И. Ленин, по словам руководителя ВНАВ М. П. Павловича, был «духовным отцом» новой организации⁷⁶, внимательно следил за первыми шагами ее деятельности. «В. И. Ле-

нин,—вспоминал М. П. Павлович,—живо интересовался этим делом, торопил инициативную группу, сам указывал, каких ученых-специалистов следует привлечь»⁷⁷.

Формированию советского востоковедения, лучшему ознакомлению советских ученых с актуальными проблемами стран Азии и Африки способствовала публицистическая деятельность революционеров Востока, работавших в различных международных или иных организациях на территории Советской России. Многие из них активно сотрудничали в выходивших в нашей стране газетах и журналах, публикуя материалы о положении в своих странах, о проблемах национально-освободительного движения. В журналах «Коммунистический Интернационал», «Революционный Восток», «Новый Восток», «Жизнь национальностей», в центральных и местных газетах печатались статьи Катаямы Сэн, Мустафы Субхи, Султан-заде, М. Н. Роя и др. Разные по уровню теоретической зрелости, они представляли ценность тем, что были основаны на знании конкретного материала.

Как уже упоминалось, В. И. Ленин неоднократно встречался со многими революционерами Востока, чтобы из личной беседы узнать о борьбе азиатских народов за независимость, терпеливо и настойчиво помогал им преодолевать ошибки и заблуждения. Владимир Ильич всячески поддерживал их интерес к марксистской теории и участие в публицистической деятельности, рекомендовал издательствам шире печатать статьи этих авторов. «Нам бы надо...— писал, например, В. И. Ленин редактору „Правды“,— *побольше* печатать индусских товарищей, чтобы их поощрять и собрать больше сведений об Индии и ее революционном движении»⁷⁸. Некоторые из таких деятелей зарубежного Востока стали учеными-востоковедами, сотрудниками советских востоковедных научных учреждений (В. Чаттопадхьяя, А. Мурджи и др.).

Определенную роль в развитии советского востоковедения и его приближении к актуальной проблематике национально-освободительной борьбы сыграл созданный решением ВЦИК от 21 апреля 1921 г. Коммунистический университет трудящихся Востока. Инициатива организации этого учебного заведения также принадлежала В. И. Ленину. В постановлении об организации этого университета было сказано, что он учреждается «для

подготовки политработников из среды трудящихся восточных договорных и автономных областей, трудовых коммун и нацменьшинств»⁷⁹. Кроме выходцев из республик и областей советского Востока в университете учились и представители колониальных и зависимых стран.

ВНАВ видела свою задачу в том, чтобы стать «высшим научным органом, изучающим Восток, распространяющим в широких народных массах научные знания о Востоке и одновременно помогающим Советской власти в установлении правильной политики по отношению к народам Востока»⁸⁰. Известный востоковед В. А. Гурко-Кряжин, принимавший активное участие в деятельности ВНАВ, так формулировал ее цели: «Необычайно усложнившиеся задачи советской политики, дипломатии и экономики в странах зарубежного Востока вызвали естественную потребность в более углубленном, дифференцированном изучении Востока в отдельных аспектах его жизни. При непригодности для осуществления этих целей старых востоковедных аппаратов необходимо было устроить как бы лабораторию нового революционного востоковедения. Последняя и была создана по идее В. И. Ленина в виде Ассоциации востоковедения»⁸¹.

ВНАВ выпускала журнал «Новый Восток», первым редактором которого был М. П. Павлович. Ассоциация науки сделала для того, чтобы, с одной стороны, помочь науке стать на позиции марксизма-ленинизма, сознательно включиться в решение политических и социальных задач, стоящих перед страной, с другой — внушить молодым востоковедам-марксистам уважение к славным традициям российской ориенталистики, понимание, что без основательного изучения истории, культуры и языков народов Востока невозможны плодотворная научная и практическая деятельность, глубокое уяснение процессов, протекающих на современном Востоке. Два направления советской ориенталистики встретились, чтобы дополнить и обогатить друг друга. Позднее — в связи с появлением Института востоковедения АН СССР (1930 г.) — они полностью слились.

Документы и факты свидетельствуют о том, что В. И. Ленин придавал большое значение пропаганде востоковедных знаний, а также созданию соответствующих учебных пособий. Первое подтверждается, например, изложенными выше отрывками из беседы Владимира

Ильича с академиком С. Ф. Ольденбургом. В начале 20-х годов В. И. Ленин уделял много внимания подготавливаемому по его поручению в Петрограде учебному атласу. Ознакомившись с присланными ему материалами, он предложил пополнить атлас картами, раскрывающими колонизаторскую политику империалистических держав. 31 мая 1921 г. он писал М. П. Павловичу:

«Мной условлено об издании (в Питере) учебного атласа.

Крайне важно было бы приложить карты империализма.

Не возьметесь ли Вы за это?

Примерно:

1) Колониальные владения 1876—1914—1921, с приложением или с особой штриховкой полуколонизированных стран (Турция, Персия, Китай и т. п.).

2) Краткая статистика колоний и полуколоний.

3) Карта финансовых зависимостей...

4) Желдороги мира с пометкой, к каждой стране, кому больше принадлежит (англичанам, французам, Северной Америке и т. п.)...

5) Главные источники того сырья, из-за которого идет борьба (нефть, руда и т. п.)...

Нам надо обязательно в учебники вставить подобные карты, конечно, с кратким пояснительным текстом»⁸².

В директивах по киноделу, составленных В. И. Лениным в начале 1922 г., содержалась рекомендация систематически показывать кинокартины пропагандистского характера под общим названием «Из жизни народов всех стран» и в качестве примера назывался фильм о колониальной политике Англии в Индии⁸³.

Участие В. И. Ленина в становлении советского востоковедения определило его развитие на многие десятилетия. М. П. Павлович писал: «Великая заслуга правильной оценки значения и перспектив движения в странах Востока принадлежит т. Ленину, которого по справедливости можно назвать величайшим востоковедом современности»⁸⁴.

¹ В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма.— Полное собрание сочинений. Т. 45, с. 30.

² Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961.

- ³ G. Demorgny. La question persane et la guerre. P., 1916.
Th. Gaeger. Persien und die Persische Frage. Weimar, 1916.
- ⁴ В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Т. 28, с. 705.
- ⁵ P. M. Sykes. A History of Persia. L., 1915.
- ⁶ Библиотека В. И. Ленина в Кремле..., с. 674.
- ⁷ Библиографическое описание см.: там же, № 7478, 7515—16, 7669, 7860, 8121, 8187, 8226, 8425.
- ⁸ См.: А. Н. Хейфец. Ленин—великий друг народов Востока. М., 1960, с. 184—186.
- ⁹ Ш. Манучарьянц. Большое счастье.— «Дружба народов». 1958, № 4, с. 186.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Тетради по империализму, с. 704.
- ¹¹ Там же, с. 516.
- ¹² См.: «Социал-демократ», 1(14).IX.1911.
- ¹³ В. И. Ленин—К. Гюнсмансу. 7 декабря 1911 г.— Т. 48, с. 43 (примеч. 59, с. 365).
- ¹⁴ См.: Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 170.
- ¹⁵ Список изданий и работ, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин.— Т. 19, с. 439.
- ¹⁶ Е. И. Чапкевич. Оценка большевиками младотурецкой революции.— «Народы Азии и Африки». 1975, № 6, с. 51—52.
- ¹⁷ И. В. Шауров. В годы реакции.— «Прометей». Т. 7. М., 1969, с. 430.
- ¹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. [Б. м.], [б. г.], с. 28.
- ¹⁹ В. И. Ленин. Китайская война.— Т. 4, с. 379—380.
- ²⁰ G. Wegener. Das heutige Indien. В., 1912.
- ²¹ В. И. Ленин. Тетради по империализму, с. 476.
- ²² В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике.— Т. 17, с. 179.
- ²³ В. И. Ленин. Пробуждение Азии.— Т. 23, с. 146.
- ²⁴ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае.— Т. 21, с. 404.
- ²⁵ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 269.
- ²⁶ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае, с. 402.
- ²⁷ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 328.
- ²⁸ В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Т. 23, с. 3.
- ²⁹ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае, с. 402.
- ³⁰ Там же, с. 402—403.
- ³¹ Там же, с. 402.
- ³² Там же, с. 400.
- ³³ G. F. Nahas. Situation économique du Fellach Egyptien. P., 1901.
- ³⁴ В. И. Ленин. Тетради по империализму, с. 517.
- ³⁵ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае, с. 400.
- ³⁶ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике, с. 179.
- ³⁷ В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии.— Т. 17, с. 223.

- ³⁸ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике, с. 179.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае, с. 403.
- ⁴¹ В. И. Ленин. Пробуждение Азии, с. 146.
- ⁴² В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса, с. 3.
- ⁴³ В. И. Ленин. Отсталая Европа и передовая Азия.— Т. 23, с. 167.
- ⁴⁴ В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Т. 30, с. 112.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше.— Т. 45, с. 402.
- ⁴⁶ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г.— Т. 41, с. 233—234.
- ⁴⁷ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., с. 328.
- ⁴⁸ В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше, с. 403.
- ⁴⁹ В. И. Ленин. К десятилетнему юбилею «Правды».— Т. 45, с. 175.
- ⁵⁰ В. И. Ленин. О нашей революции.— Т. 45, с. 380.
- ⁵¹ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., с. 328.
- ⁵² В. И. Ленин. К десятилетнему юбилею «Правды», с. 174.
- ⁵³ В. И. Ленин. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41, с. 163.
- ⁵⁴ Там же, с. 167.
- ⁵⁵ Там же, с. 168.
- ⁵⁶ В. И. Ленин. Успехи и трудности Советской власти.— Т. 38, с. 55.
- ⁵⁷ См.: Ленин и Академия наук. Сб. документов. М., 1969, с. 6.
- ⁵⁸ А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук.— «Новый мир». 1925, № 10, с. 10.
- ⁵⁹ А. В. Луначарский. Академия наук в Москве.— «За коммунистическое просвещение», 21.VI.1931.
- ⁶⁰ Отчет о деятельности Академии наук за 1917 г. Пг., 1917, с. 4.
- ⁶¹ В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). М., 1956, с. 32. Относительно подлинности этого сообщения В. Д. Бонч-Бруевича высказываются сомнения в кн.: Р. М. Савицкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1969, с. 281.
- ⁶² Ленин и Академия наук, с. 28.
- ⁶³ Организация науки в первые годы Советской власти. Л., 1968, с. 124.
- ⁶⁴ См.: Протоколы заседаний Отделения исторических наук и филологии Российской Академии наук. [Пг.], 1918, § 128.
- ⁶⁵ См., например: Ленин и Академия наук, с. 15—18 и др.
- ⁶⁶ См.: А. П. Базилянц. За подписью Ленина.— Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 7.
- ⁶⁷ См.: Д. Е. Бертельс. Предисловие.— В кн.: Азиатский музей— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 33—37.
- ⁶⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971, с. 448—449.

⁶⁹ См.: Б. В. Луни н. Василий Владимирович Бартольд.— «Народы Азии и Африки». 1970, № 1, с. 209—210.

⁷⁰ Н. И. Конрад. Когда и как я стал востоковедом?— «Народы Азии и Африки». 1967, № 5, с. 241.

⁷¹ М. П. Павлович. Октябрьская революция и Восточный вопрос.— «Новый Восток». 1926, № 15, с. XVI.

⁷² Цит. по: А. П. Базиянц. За подписью Ленина, с. 12.

⁷³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9, с. 29.

⁷⁴ Там же. Т. 10, с. 127.

⁷⁵ О деятельности ВНАВ см.: Н. А. Кузнецова. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения).— «Народы Азии и Африки». 1969, № 3, с. 55—66; Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. М., 1970.

⁷⁶ См.: Н. Н. Селихов и С. Л. Вельтман. Ленин и первые шаги советского востоковедения.— «Советское востоковедение». 1958, № 2, с. 22.

⁷⁷ Цит. по: Н. Бороздин. М. П. Павлович и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения.— «Новый Восток». 1927, № 18, с. XXXIV.

⁷⁸ В. И. Ленин — Н. И. Бухарину. 14 ноября 1921 г.— Т. 54, с. 17.

⁷⁹ Цит. по: А. П. Базиянц. За подписью Ленина, с. 12.

⁸⁰ М. Павлович. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1, с. 7.

⁸¹ В. А. Гурко-Кряжин. 10 лет востоковедной мысли.— «Новый Восток». 1927, № 19, с. XLV.

⁸² В. И. Ленин — М. П. Павловичу. 31 мая 1921 г.— Т. 52, с. 234—235.

⁸³ В. И. Ленин. Директивы по киноделу.— Т. 44, с. 360.

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 5402, д. 243, 1926 г., л. 3.

А. П. Базиянц

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В 1917—1922 гг.

Проблемы востоковедной науки имели важное значение в прошлом, а в настоящее время, когда страны Востока, ранее в большинстве своем колониальные и зависимые, завоевали государственную самостоятельность и играют активную роль в международных отношениях, эти проблемы в еще большей степени получили политическое звучание. Востоковедение как наука политически острая привлекает внимание государственных и общественных деятелей, используется в целях идеологического, национально-патриотического, а подчас националистического воспитания масс. Проблемы востоковедения, сложные и многогранные, приобрели актуальный характер. Поэтому всестороннее изучение развития востоковедения носит не только академический характер.

В настоящее время проблемы истории востоковедения привлекают внимание большой группы исследователей и многие вопросы уже получили глубокое отражение в публикациях. Однако периодизация истории востоковедения, хронологические рамки этих периодов, начало первого периода — все эти вопросы, на наш взгляд, остаются не выясненными с исчерпывающей полнотой.

Учитывая это, автор данной статьи хочет сказать, что истоки востоковедной науки следует искать не в начале нового времени, а много раньше, в античные времена. Автор считает, что только термин «ориенталистика» европейского происхождения, а смысл, содержание этой науки включает в себя тот вклад в историю, географию, философию, филологию, который внесли народы всех континентов, и особенно народы Востока. Нельзя исключить из истории востоковедения имена и труды Моисея Хоренского, Абу Рейхана Бируни, Махмуда Кашгари, так же как и сотен других выдающихся деятелей науки

и культуры античности и средневековья. Менялись научная значимость и научные критерии оценки трудов ученых прошлого, но это, конечно, не означает отрицания поступательного движения и накопления научных знаний, вклада ученых предшествующих эпох.

Хронологические рамки начального периода истории востоковедения у различных народов нашей страны не совпадают. Однако, несомненно, отечественная востоковедная наука имеет глубокие корни и отмечена именами выдающихся ученых и знаменитых путешественников периодов древности и средневековья, труды которых и сейчас все еще сохраняют научно-познавательную ценность и служат предметом исследований.

При всей сложности и отсутствии достаточно четкой периодизации истории востоковедения в этой отрасли науки резко очерчены два периода. Первый — до Великой Октябрьской социалистической революции и второй — после 1917 г., когда принципиально изменился характер востоковедения в нашей стране, подход к проблемам национально-освободительной борьбы народов Востока, их историческим судьбам, к государственным, экономическим, политическим интересам стран народов Азии и Африки, к их литературному, культурному и научному наследию.

Научные организации и высшая школа, являясь частью общественно-политической системы, после победы социалистической революции были поставлены на службу интересам всех народов нашей страны. Новые, социалистические принципы получили яркое воплощение в становлении и развитии востоковедения после 1917 г.

После революции изменилась география востоковедных учреждений в нашей стране. Восток стал предметом изучения не только в центре, но и в самих восточных республиках. Это было не простое распространение вширь, а последовательное претворение ленинской национальной политики, еще одно проявление суверенности национальных республик.

Если в первом периоде своего развития российское и западноевропейское востоковедение и по времени и по содержанию в определенной степени были близки, то начиная с 1917 г. их пути диаметрально расходятся, принципиально отличаясь методологической базой и практическими целями. При этом методологические ос-

новы новой, социалистической востоковедной науки были заложены еще до Великой Октябрьской революции трудами Маркса, Энгельса, Ленина и его соратников — авторов работ по национальному, национально-колониальному вопросам, по проблемам национально-освободительного движения, места и роли этого движения в пролетарских революциях. (В зарубежном востоковедении и после Октября продолжали развиваться два направления, но определяющим, поддерживаемым всем аппаратом государственного воздействия оставалось буржуазное.)

В ленинском наследии чрезвычайно важное значение имеют работы об отношении к культурному прошлому, к национальной культуре классовых обществ, достижениям науки. Становление и развитие советского востоковедения непосредственно связано с именем В. И. Ленина, марксистско-ленинской методологией, принципами пролетарского интернационализма и практической деятельностью главы Советского правительства.

Несомненно, в российском востоковедении уже до революции было создано значительное число работ, где были даны научно-объективная оценка письменному наследию народов Востока, их вкладу в мировую цивилизацию, сравнительный анализ языков и литератур народов Востока. В этом плане советское востоковедение наследует и развивает лучшие традиции дореволюционной востоковедной науки.

Помня, что отечественная школа имеет ряд больших заслуг и внесла в мировую науку серьезные открытия, создала новые научные отрасли в ориенталистике, не следует тем не менее забывать неизбежную историческую ограниченность дореволюционного востоковедения, свойственные ему, как и любой буржуазной науке, ошибочные исходные методологические принципы исследования, узость тематики научных направлений (преимущественно их историко-филологический характер).

Демократическому направлению в востоковедной России были присущи глубокое уважение и признание великого вклада в мировую цивилизацию народов Востока, отрицание европоцентризма и признание за Востоком приоритета в ряде выдающихся явлений культуры, глубокий гуманизм, свойственный лучшим представителям отечественной науки. Вероятно, есть известная

доля заслуг российской ориенталистики в том, что и в русской художественной литературе (А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, В. Я. Брюсов), и в музыке, и в живописи восточные темы, сюжеты получили достойное отображение. Лучшие представители дореволюционного востоковедения своими трудами и общественно-политической деятельностью внесли значительную лепту в развитие науки и культуры народов Востока; способствовали признанию связи и преемственности культур Востока и Запада; ввели в научный оборот памятники культуры народов Кавказа, Средней Азии, Сибири, Монголии; приняли участие в создании и разработке новых направлений в востоковедении (афганистика, осетиноведение, тюркология). В отечественном востоковедении наметилось научное содружество русских ученых и представителей народов России. Заметное место в востоковедном наследии занимают труды М. Ахундова, Д. Банзарова, Н. Бичурина, Ч. Валиханова, А. Казембека, С. Назарянца, К. Патканова, Д. Чубинова.

Победа Октябрьской революции принесла народам обширной Российской империи освобождение от колониального угнетения, дала национальную независимость, право на государственную самостоятельность, экономическое и культурное строительство.

Одним из первых государственных актов, провозглашенных Советским правительством, явилась «Декларация прав народов России» — документ, имевший первостепенное и непосредственное значение для всех народов России, получивший большой международный резонанс и оказавший огромное влияние на народы колониальных и зависимых стран Востока. Владимир Ильич Ленин писал: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»¹.

Национальный вопрос, будучи подчиненным основной задаче социалистической революции — завоеванию политической власти пролетариатом, рассматривался большевистской партией как чрезвычайно важный.

В. И. Ленин убедительно показал, что национальный вопрос в эпоху империализма переплетается с колониальным и является частью общей проблемы — победы

социалистической революции. Правильное разрешение национального вопроса в России рассматривалось РКП(б) как одно из существенных условий успешного завершения социалистической революции. Владимир Ильич писал в 1921 г. о национальном вопросе: «Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»².

Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменив социальные, политические и государственные устои народов Востока, предопределила дальнейший расцвет культуры всех народов бывшей Российской империи. В условиях многонациональной страны, где к тому же в недавнем прошлом народы находились на разных уровнях социального, политического и культурного развития, любое начинание в области просвещения, науки, народного образования приобретало острое политическое звучание.

Революция 1917 г. изменила соотношение сил на мировой арене, судьбы народов колониального Востока. Ленинские принципы внешней политики в первые годы Советской власти наиболее эффективно сказались на отношениях именно со странами Востока. Как отмечал Л. И. Брежнев, «мы можем гордиться тем, что Советская власть с момента своего рождения провозгласила политику мира, дружбы и равноправного сотрудничества со странами Азии. Одним из первых документов Совнаркома было обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, в котором были изложены благородные принципы этой новой, социалистической государственной политики. Одним из первых дипломатических представителей, которых принимал В. И. Ленин, был посол Афганистана. Первые договоры о дружбе молодая Советская республика заключила с азиатскими государствами — Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией»³.

Принципиально иным стал подход к проблемам национально-освободительной борьбы этих народов. Расширилось содержание востоковедной науки в нашей стране, изменилась ее методология. Востоковедение не только оставалось наукой для изучения Востока, но и становилось активной силой в национально-освободи-

тельной борьбе, в политической и культурной жизни народов нашей страны, а также в деле социалистического строительства, ленинской национальной политики и советской дипломатии.

Большая и многогранная тема — становление советского востоковедения — может рассматриваться по крайней мере в двух аспектах. Первый, и притом основной, — изучение ленинского теоретического наследия по проблемам Востока и методологических основ советского востоковедения; второй, подчиненный, — научно-организационное становление советской востоковедной науки, конкретная деятельность Советского правительства по реорганизации всей системы народного образования в стране, научно-исследовательских и учебных заведений, по определению места и роли востоковедных учреждений и самой востоковедной науки в грандиозной преобразовательной работе первых послеоктябрьских лет.

Автор данной статьи из большой группы вопросов, связанных со становлением советского востоковедения, избрал вопрос о реорганизации народного образования, подготовки востоковедных кадров и роли В. И. Ленина в становлении советского востоковедения, поставил своей задачей проследить и проанализировать исходные принципы и ход организационной перестройки советской востоковедной науки. Хронологические рамки работы — 1917—1922 гг. — период, когда определились принципы советской высшей школы, организации научно-исследовательской работы, а также задачи науки и структура государственных учреждений, призванных планировать и регулировать научную и учебно-педагогическую деятельность в стране, подготовку востоковедных кадров.

В связи с бурным развитием востоковедных исследований в нашей стране в послевоенный период и особенно в последние десятилетия складывается целое направление в ориенталистике — история востоковедения. (Несомненен вклад дореволюционных ученых в историю востоковедения, но как наука она сложилась скорее только в 50—60-х годах.) Безусловно и то, что проблемы становления и организации советской востоковедной науки, подготовки кадров привлекли внимание партийных и государственных деятелей, выдающихся ученых

и организаторов науки уже в первые годы после Октября.

Особое значение приобретают высказывания В. И. Ленина о роли науки при социализме, о народном образовании, об отношении к Академии наук, к ученым старой школы, его советы наркому просвещения А. В. Луначарскому. Несомненно, историк востоковедения тщательно исследует научные труды, высказывания и практическую деятельность А. В. Луначарского, И. В. Сталина — народного комиссара по делам национальностей, М. Н. Покровского, а также М. П. Павловича, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда.

С. М. Диманштейн, заместитель народного комиссара по делам национальностей, выполняя конкретные задачи Наркомнаца по организации востоковедных учебных заведений, высказал ряд интересных мыслей о назначении советского востоковедного вуза и принципах его организации, о необходимости сочетания академического и практического направлений в востоковедении.

М. П. Павловичу, одному из руководителей Ассоциации востоковедения, а несколько позже, с марта 1923 г., ректору Института востоковедения, были свойственны несколько противоречивые высказывания. С одной стороны, он явно в полемическом азарте высказывался пренебрежительно о значении изучения древних восточных языков и цивилизаций, а также недооценивал научную значимость дореволюционных востоковедных школ. И почти одновременно проявлял глубокое уважение как к академическому востоковедению, так и к ученым старой школы. Так, в редактируемом М. П. Павловичем журнале отводилось большое место публикациям по вопросам древней истории, египтологии, хеттологии, урартологии и т. д. В первом номере «Нового Востока» в рецензии члена редколлегии журнала профессора И. Н. Бороздина на выход в свет «Азиатского сборника» содержались знаменательные слова: «Прекратившиеся в 1904 г. „Mélanges Asiatiques“ недавно снова возобновились выпуском сборника статей по востоковедению, извлеченных из „Известий“ и „Протоколов“ Российской Академии наук за 1918 г. Можно вполне приветствовать возобновление почтенного академического издания, пользовавшегося заслуженной популярностью среди ориенталистов как России, так и Запада»⁴.

Академик Н. Я. Марр — ученый широкого диапазона, умело сочетавший теоретическую работу с полевыми изысканиями, многие годы декан восточного факультета Петербургского университета — оставил несколько работ, где высказал интересные предложения и взгляды по вопросам организации востоковедного вуза и научных исследований. Они поражают своим стремлением охватить все многогранные проблемы ориенталистики. Однако для их реализации требовалось не одно десятилетие.

Наиболее четко взгляды академика С. Ф. Ольденбурга на назначение советского востоковедения и его задачи, т. е. на истолкование принципов ориенталистики, прослеживаются в его докладе на Чрезвычайной сессии АН СССР в Москве в июне 1931 г.

К первому и основному положению можно отнести следующие слова: «Все мы сознаем, какую громадную, коренную перемену в нашем научном мировоззрении произвела Октябрьская революция. Причина этого лежит в совершенно новой целевой установке научной работы, в новом понимании задач самой науки — в теснейшем сближении ее с жизнью»⁵.

Далее С. Ф. Ольденбург подчеркивал, что противопоставление Востока Западу, получавшее распространение в ряде дореволюционных работ, имело исключительно политическую подоплеку и определялось апологетикой захватнической, колониалистской политики империалистических держав. С. Ф. Ольденбург отмечал, что в востоковедении в прошлом «исследование современного Востока... почти отсутствует и очень слабо развито изучение экономики...». Вызывает глубокое уважение критическое отношение выдающегося ученого к себе и к своему поколению, т. е. к старшему поколению востоковедов. Он писал: «При всем своем желании идти новыми путями, пользоваться марксистской методологией наши востоковеды зачастую недостаточно еще подготовлены».

Таким образом, С. Ф. Ольденбург считал необходимым: овладение марксистско-ленинской методологией; критическое отношение к исходным позициям дореволюционного востоковедения и современным буржуазным; серьезное и глубокое научное изучение современного Востока, и в частности «экономики, исключи-

тельное практическое и теоретическое значение которой понятно теперь каждому»⁶.

Во всех своих публичных выступлениях и частных беседах С. Ф. Ольденбург говорил о могучем уме, глубокой культуре и личном обаянии Владимира Ильича Ленина. Непременный секретарь Российской Академии наук, в недавнем прошлом министр народного просвещения Временного правительства, С. Ф. Ольденбург всегда подчеркивал значимость помощи Советского правительства науке и заботу его об ученых.

Вероятно, не стоит говорить о том, что ученые так называемой старой школы давно, еще до революции, убедились, что наука никогда не стояла «вне политики», а бурные годы трех революций призвали ученых к непосредственному участию в политической жизни, к определению своего отношения, своего научного «я» в период революционных преобразований.

Первой специальной работой, посвященной проблеме становления советского востоковедения и опубликованной в послевоенные годы, была статья Н. Н. Селихова и С. Л. Вельтмана «Ленин и первые шаги советского востоковедения»⁷. Ее ценность определяется, на наш взгляд, тем, что она вновь обратила внимание исследователей на актуальность и важность проблемы, ввела в научный оборот факты и положения, совершенно забытые к 50-м годам. И третье. Авторы статьи, очевидцы и скромные участники организационной перестройки науки тех лет, привнесли в исследование проблемы колорит 20-х годов.

В подготовленной В. А. Гордлевским к 30-летию Октябрьской революции статье «Московское востоковедение после Октября»⁸ содержатся весьма интересные наблюдения исследователя, имевшего возможность не только изложить и проанализировать историю московского востоковедения первых десятилетий после Октября, но и сопоставить успехи отечественной востоковедной науки на двух этапах ее развития — дореволюционном и послеоктябрьском.

Значительны труды академика А. Н. Кононова, особенно по вопросам истории становления ленинградского востоковедения и развития тюркологии в нашей стране.

Серьезный вклад в разработку рассматриваемой проблемы внесли ученые Узбекистана, в частности Б. В. Лунин — автор многих работ по истории ориенталистики и становления советского востоковедения в Средней Азии.

В работе Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной «Из истории советского востоковедения» вопросам революционной перестройки востоковедения в Советском Союзе посвящена глава «Октябрь и востоковедение», интересная своими выводами и новыми архивными источниками. Авторы привели конкретные материалы о практических мерах правительства по развитию советского востоковедения, отметили, что «Наркомнац был призван не только разрешать возникшие трудности национального, экономического и культурного характера, но и быть по существу руководителем всей востоковедной работы в нашей стране в первые годы Советской власти, создателем многих востоковедных научных учреждений и учебных заведений». В книге показано, что В. И. Ленин поддержал идею создания Всероссийской научной ассоциации востоковедения, оказывал содействие созданию двух учебных востоковедных институтов — московского и петроградского. Авторы перечисляют фамилии партийных и государственных деятелей, помогавших востоковедам. В книге подчеркивается, что «это был период больших исканий, возникновения новых организационных форм. В области востоковедения первое десятилетие ознаменовалось революционной перестройкой востоковедной науки»⁹.

Привлекает своими материалами, извлеченными из архива Академии наук, и Введение книги «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (М., 1972). Д. Е. Бертельс, используя протоколы и отчеты Российской Академии наук за 1918 г. и за последующие годы, а также фонды архива Ленинградского отделения Академии наук, знакомит с новыми материалами, свидетельствующими о глубоком внимании В. И. Ленина к проблемам развития советской науки; автор подробно пишет о встречах главы правительства с С. Ф. Ольденбургом и глубоком личном влиянии на ученых Академии наук главы Советского правительства.

В небольшой статье «В. И. Ленин и становление со-

ветского востоковедения»¹⁰ П. М. Шаститко по-новому подошел к этой теме, пытаясь наметить роль коммунистов стран зарубежного Востока в национально-освободительном и революционном движении и их участие в журналах «Коммунистический Интернационал», «Революционный Восток», «Новый Восток», «Жизнь национальностей», а также в центральных и местных газетах.

Большая группа современных ученых плодотворно разрабатывает проблемы становления и развития отдельных отраслей советского востоковедения.

В конце 1974 г. вышла монография И. С. Брагинского «Проблемы востоковедения», в которой автор отводит значительное место вопросам периодизации истории ориенталистики и определению принципов советского востоковедения. По мнению И. С. Брагинского, последние характеризуются верностью марксистско-ленинской методологии и духу пролетарского интернационализма, органическим сочетанием научности и революционности, актуальностью исследуемых проблем, специализацией «внутри востоковедного комплекса», непримиримостью по отношению к идеологии империализма, сотрудничеством с прогрессивными учеными всех стран.

Здесь следует сказать, что понятие «комплексной» ориенталистики в советской востоковедной науке принципиально изменилось.

Ранее, до Октября, «комплексное» востоковедение включало лингвистику, литературоведение (точнее, изучение памятников и текстов), историю и историю культуры. Вот почему востоковеды старой школы в основном были универсальными учеными, без четкого деления на специальности (лингвистика, литературоведение, история и т. д.).

В советское время к востоковедным дисциплинам относятся восточные языки и литературы, история, социология, экономика стран Востока. Пресловутый Восточный вопрос стал частью проблем международных отношений. Круг отраслей науки расширился, но совершенно отчетливо определилась специализация ученых, их деление на филологов, историков, экономистов и т. д.

Ленинское положение: «Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь комму-

нистического общества построить не можем»¹¹ — явилось определяющим в культурном строительстве нашей страны. «С победой Великой Октябрьской революции наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа»¹². С первых дней начинается складываться новая система народного образования, научно-исследовательской работы. Уже 22 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению». Комиссия была призвана разрабатывать решения в области народного образования, науки, культуры. Научный отдел комиссии стал первым правительственным учреждением по организации и руководству научной деятельностью. Осенью 1918 г. функции Комиссии перешли к коллегии Наркомпроса.

Конкретными вопросами культурного строительства, вопросами народного образования в первые годы Советской власти занимались два правительственных ведомства: Народный Комиссариат по делам национальностей и Народный Комиссариат по просвещению.

При Наркомнаце уже в декабре 1917 г. были созданы национальные комиссариаты и национальные отделы. Одной из задач последних было «удовлетворение через органы Советской власти культурно-просветительских нужд масс населения данной национальности»¹³. Более того, «Положением о Народном Комиссариате по делам национальностей» предусматривалось, что Комиссариат «организует специальные ученые общества и учебные заведения для изучения жизни национальностей и подготовки кадров политических работников нерусской национальности»¹⁴.

Естественно, возникали вопросы: где и кому готовить кадры, где и кому обучать, кого обучать. Не простой была проблема программы, пособий, учебников.

Востоковедными центрами нашей страны в первые годы после революции практически были только Москва и Петроград. Более того, до революции ни в Средней Азии, ни в Закавказье не существовало высших учебных заведений. Это, конечно, не означает, что на территории национальных окраин не изучались восточные языки, полностью отсутствовали кадры преподавателей восточных языков. Еще В. В. Бартольд в 1911 г. отмечал роль представителей народов Востока России в деле препода-

давания восточных языков. Можно смело говорить, что некоторые отрасли востоковедения — азербайджановедение, арменистика, грузиноведение, иранистика, тюркология — сложились совместными усилиями русских, азербайджанских, армянских, грузинских, осетинских, татарских ученых. Но, конечно, этого опыта было недостаточно для создания востоковедных вузов на местах.

Практически высшую школу в республиках нужно было начинать с нуля, и без помощи центра эта работа не могла быть осуществлена в короткие сроки.

Что касается Москвы и Петрограда, то их востоковедные кадры преимущественно были сконцентрированы в Московском Лазаревском институте восточных языков и в Петроградском университете. Небольшое число (шесть-восемь) высококвалифицированных сотрудников работали в Азиатском музее Академии наук и в специальном учебном заведении Азиатского департамента МИД России. Далее. Исторически сложилось так, что в Московском университете и Лазаревском институте более чем за столетие преподавание и изучение восточных языков ограничивались только языками народов Ближнего и Среднего Востока. Что касается Петрограда, то здесь мы сталкиваемся с другой проблемой. Петроградская школа отдавала предпочтение «классическому востоковедению», т. е. изучению памятников литературы и культуры древнего и средневекового Востока, классических литературных языков.

Таким образом, «востоковедное наследие» было весьма своеобразным: в Москве оно ограничивалось главным образом изучением арабских стран, Ирана, Турции; необходимо было организовать преподавание языков и изучение в страноведческом плане Афганистана, Индии, Китая, Кореи, Японии. В Петрограде при значительных успехах классической школы востоковедения изучение актуальных проблем современности носило сугубо ведомственный характер (сосредоточено оно было в Учебном отделении Азиатского департамента царского МИД).

Старшее поколение востоковедов — В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, Н. М. Никольский, П. К. Коковцов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, Н. И. Конрад, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, Д. М. Позднеев, В. В. Струве,

И. Г. Франк-Каменецкий, А. А. Фрейман, чьи научные взгляды, круг интересов сложились до революции,—занималось преимущественно проблемами истории культуры, филологическим исследованием памятников, текстов, изучением отдельных событий истории древнего Востока.

Отдавая должное успехам дореволюционного востоковедения, приходится констатировать, что исторической школы ориенталистика до 1917 г. не создала, а к вопросам исследования проблем экономики стран Востока практически не приступала. «До революции к социально-экономической тематике обращались только очень немногие востоковеды (М. П. Павлович, Ф. Л. Ротштейн, Л. Ф. Тигранов)»¹⁵.

Некоторые ученые старой школы с предубеждением относились к изучению проблем современности, не считая их научными. Конечно, требовалось время, чтобы пересмотреть свои взгляды, понять и принять новые задачи.

Как видим, вопрос коренной реорганизации востоковедных центров Москвы и Петрограда, создания новых в восточных республиках был одним из актуальных в то время. Но не только экономическая разруха, гражданская война, недостаток кадров ухудшали положение.

«В первые месяцы Советской власти старая Академия еще не понимала всей ширины и глубины происшедшей перемены и ее значения для дальнейшего роста науки»¹⁶,—писал С. И. Вавилов. В те годы, говорил академик Е. М. Жуков, «в составе Академии наук ученых-марксистов вообще не было»¹⁷. То же можно сказать и относительно ученых-востоковедов, среди которых не было марксистов ни в системе Академии наук, ни среди профессуры вузов. «Трудности создания новой высшей школы усугублялись отсутствием в стране преподавателей-марксистов по общественно-экономическим дисциплинам, разработанных принципов деятельности новой высшей школы, марксистской учебной литературы, изданий классиков марксизма-ленинизма, необходимых для воспитания новых кадров»¹⁸.

В 1917—1922 гг. наметились принципы, определявшие организацию высшей школы и научных учреждений, задачи их, формы государственного руководства научной и учебно-педагогической практикой.

В 1918 г. по инициативе М. Н. Покровского и М. А. Рейснера при активной поддержке В. И. Ленина была основана Социалистическая (с 1924 г. — Коммунистическая) академия общественных наук, которой предназначалось быть «высшим научно-исследовательским институтом марксистской мысли в стране для борьбы с враждебной идеологией, для научной пропаганды марксизма и подготовки марксистских кадров»¹⁹. В начале 20-х годов коммунистические университеты открываются в Петрограде, Казани, Харькове, Ташкенте, Омске и других городах. Для ускоренной подготовки научных кадров из партийной молодежи в Москве осенью 1921 г. был организован Институт красной профессуры с тремя отделениями: экономическим, историческим и философским²⁰.

Однако влияние этих научных и учебных учреждений, как и созданных при факультетах общественных наук Московского и Петроградского университетов исторических институтов, сказалось несколько позже.

Великая пролетарская революция явилась большим экзаменом для ученых России. Говоря словами А. В. Луначарского, близко связанного в те годы с научным миром и профессурой, «глубочайшая оторванность от общественной жизни, в которой существовала ученая каста, делала для многих из них совершенно непонятным то, что происходило вокруг, и болезненно било по нервам»²¹.

Далее, в своей статье «К 200-летию Всесоюзной Академии наук» А. В. Луначарский писал: «...я запросил Академию, какое участие она собирается принять в нашей культурно-просветительской работе и что может она дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства, которую считает необходимой произвести новое правительство. Российская Академия наук за подписью своего президента Карпинского и своего неперменного секретаря Ольденбурга ответила мне буквально, что „она всегда готова по требованию жизни и государства на посильную научную теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром“»²².

Но, как утверждают составители сборника докумен-

тов «Ленин и Академия наук», «хотя Академия наук и не прекращала работы после Октябрьской революции, все же она не была политически подготовлена для ее восприятия...»²³.

В. А. Гордлевский вспоминал: «Нужно прямо сказать, что часть интеллигенции пошла навстречу новой власти, часть ее саботировала, а часть выжидала»²⁴. Среди той группы ученых гуманитарных наук, которые приняли Великую Октябрьскую революцию, были академики Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, профессор А. Е. Крымский, И. А. Орбели, генерал А. Е. Снесарев, полковник И. Д. Ягелло и другие видные востоковеды.

Большой интерес представляют воспоминания известного ученого, академика Украинской Академии наук Агафангела Ефимовича Крымского о бурных революционных событиях 1917 г. «Когда в Москве,—вспоминает Крымский,—произошла Октябрьская революция 1917 года, я был секретарем профессорского совета Лазаревского института. В то время ученые высшей школы Москвы, начиная с университета, постановили бойкотировать новую, Советскую власть. Я, наоборот, искренне ее приветствовал и в первый же день, как только умолкли пушки, собрав заседание профессорского совета Института, склонил своих коллег послать как можно скорее депутацию к представителям Советской власти. Таким образом, из всех вузов Москвы Лазаревский институт был первым, который не замедлил заявить о своей верности советской революции»²⁵. Главой этой депутации был А. Е. Крымский²⁶.

Несколько позже профессор арабской словесности А. Е. Крымский был делегирован от Специальных классов Лазаревского института «на созываемый Комиссариатом народного просвещения с 8 июля 1918 года съезд по реформе высшей школы»²⁷.

Как писали советские исследователи истории Ленинградского университета, «немало исканий, опытов и экспериментов, удачных и неудачных, неразрешимых, казалось бы, проблем стояло на пути его перестройки»²⁸. В стенах университета в те годы работали выдающиеся востоковеды: Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, В. М. Алексеев, А. П. Баранников, И. Ю. Крачковский и др. Поистине благотворна была роль Максима Горь-

кого и Анатолия Васильевича Луначарского в повороте ученых Петрограда в сторону Советской власти²⁹.

Что касается профессуры Восточного факультета Петроградского университета, то часть ее во главе с деканом факультета академиком Н. Я. Марром вступила на путь активного участия в строительстве новой советской науки и высшей школы.

«Советская власть... раскрыла перед русскими учеными невиданные ранее масштабы научной работы. Для молодой победившей революции,—писал академик С. И. Вавилов,—была дорогá каждая научная инициатива, каждый ученый, старый и молодой, выдающийся и начинающий. Правительство с первых же месяцев Советской власти щедрой рукой оказывало помощь научно-организационным начинаниям»³⁰.

Советское правительство проявляло огромное внимание к науке, к Академии наук и глубокий такт по отношению к ученым. А. В. Луначарский вспоминал наказ Владимира Ильича: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами»³¹.

Величайшая эрудиция, глубочайший такт и личное обаяние Владимира Ильича Ленина произвели на ученых большое впечатление. В настоящее время мы располагаем документальными публикациями и исследованиями на эту тему. Получилось так, что непрменный секретарь Академии наук, директор академического востоковедного учреждения — Азиатского музея — С. Ф. Ольденбург имел возможность трижды³² за короткий срок встретиться с Владимиром Ильичем. С. Ф. Ольденбург в составе делегации петроградских профессоров посетил В. И. Ленина в Смольном 9 ноября 1917 г.³³

Следующая встреча могла произойти в конце ноября — декабре 1917 г. или в начале 1918 г. Об этой встрече В. И. Вернадский со слов С. Ф. Ольденбурга записал: «Сергей Федорович отправился к Ленину по своей инициативе. Он сказал об этом Карпинскому (президенту Академии наук. — А. Б.), который дал ему „carte blanche”. В. И. Ленин произвел на Сергея огромное впечатление»³⁴.

Владимир Ильич принял С. Ф. Ольденбурга в Смольном, часа два беседовал с ним о нуждах академии и

высказал мысль о том, что академикам во всей своей деятельности совершенно необходимо быть ближе к жизни. Придавая большое значение теоретической работе, он призывал академиков принять участие в деле строительства нашего нового государства, в деле возрождения нашей страны³⁵.

Беседуя с С. Ф. Ольденбургом, Владимир Ильич говорил ему: «Вот ваш предмет, как будто бы он далек от нас, но он и близок к нам... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных поработанных и угнетенных англичанами многомиллионных масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности...»³⁶.

В 1918 г. вышла из печати небольшая книга «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца» с весьма примечательным послесловием от наборщика: «Книжка эта набрана в декабре 1917 года в типографии Российской Академии наук собственноручно мною, Иосифом Орбели; набор мною же исправлен, сверстан и одет рамками...»³⁷. Желание быть полезным, служить народу чувствуются в словах Иосифа Абгаровича Орбели.

Как говорилось выше, в ответ на призыв Народного комиссариата просвещения к ученым Российской Академии наук активно включиться в строительство нового государства общее собрание Академии приняло 18 февраля 1918 г. постановление, в котором говорилось о готовности к такому сотрудничеству³⁸.

Но от признания и желания сотрудничать до создания нового востоковедного вуза, научно-исследовательских центров было еще далеко. Не сразу и не в один день были найдены наиболее эффективные организационные формы, научные направления и даже названия востоковедных центров.

Видимо, не будет ошибкой считать, что организация в Петрограде в 1919 г. «при исключительно трудных условиях»³⁹ выставки памятников буддизма (Первая буддийская выставка) была попыткой ученых-востоковедов Азиатского музея откликнуться на это обращение. «Члены и научные сотрудники Академии приняли ближайшее участие в устройстве в Петрограде в 1919 г. выставки по буддизму, причем академиками С. Ф. Оль-

денбургом и Ф. И. Щербатским и профессором Б. Я. Владимирцовым были напечатаны соответствующие очерки»⁴⁰.

В августе—сентябре 1919 г. была организована также Выставка заупокойного культа Древнего Египта. Академик Б. А. Тураев, профессор В. В. Струве выступали здесь с лекциями.

Забегая вперед, отметим, что через три года, в ноябре 1922 г., в двух залах Эрмитажа экспонировалась Выставка сасанидских древностей, к открытию которой была издана пояснительная статья И. А. Орбели. Спорным был выбор темы, но желание востоковедов приблизить свою работу к народу было очевидно.

В архиве академика В. А. Гордлевского сохранились афиши⁴¹ — документы, свидетельствующие о сотрудничестве ученых с Советской властью, о желании нести «знания в массы». В них прямо говорилось, что этнолого-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института «преследует следующие задачи... с) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института». Другая афиша знакомит с лекционными программами. И хотя темы лекций не актуальны, очевидно желание ученых быть полезными своему народу, делиться с ним своими знаниями.

Кроме того, здесь следует сказать и об издании сборников серии «Литература Востока». В 1919 и 1920 гг. вышло по одному выпуску этой серии. В них ученые Петрограда С. Ольденбург, И. Крачковский, А. Самойлович, В. Богораз, В. Алексеев, Б. Владимирцов, Вл. Котвич, Б. Тураев опубликовали очерки по литературе народов Востока.

Известно утверждение, что идея создания Института востоковедения принадлежала великому пролетарскому писателю Максиму Горькому.

В «Новом Востоке» в 1926 г. была опубликована заметка, посвященная пятилетию Института востоковедения. В ней, в частности, говорилось: «Гов. Диманштейн, бывший замнаркомнаца, изложил „первобытную историю“ Института, отметив, что идея создания Института впервые была выдвинута Максимом Горьким, подавшим тов. Ленину соответствующую записку, на которой тов. Ленин наложил обширную резолюцию с заданием

Наркомнацу немедленно приступить к организации Института»⁴². Эту же мысль выдвигают и авторы интересной уже упоминавшейся статьи Н. Н. Селихова и С. Л. Вельтмана «Ленин и первые шаги советского востоковедения». Как вспоминал М. П. Павлович, «идея создания востоковедного института в Москве была выдвинута А. М. Горьким в его письме, адресованном В. И. Ленину. Владимир Ильич горячо поддерживал предложение А. М. Горького. На его письме он наложил резолюцию, в которой обязывал Народный Комисариат по делам национальностей немедленно приступить к созданию такого института»⁴³.

К сожалению, письмо Максима Горького исследователям обнаружить не удалось.

В день пятилетия Института востоковедения собравшиеся на юбилейное заседание по предложению М. П. Павловича «послали М. Горькому приветствие, в котором была отмечена его роль в деле организации института»⁴⁴. В ответ на приветствие Максим Горький писал: «Очень тронут неожиданным и едва ли заслуженным мною приветом института востоковедения. Разумеется, я не думаю, чтобы моя роль в деле создания института была так „крупна“...». Кончалось это письмо словами: «Грандиознейшее дело творится на Востоке, и хоть я не очень „патриот“, а надо сознаться,— горжусь тем, что будит Восток „отсталая“ Русь»⁴⁵.

Заслуги М. Горького перед советским востоковедением бесспорны. Именно по его инициативе еще в годы гражданской войны было создано издательство «Всемирная литература», которое предусматривало, в частности, подготовку к печати и выпуск большой серии литературных памятников народов Востока, в связи с чем издательство организовало специальный отдел «Литература Востока»⁴⁶.

В предисловии к «Каталогу издательства „Всемирная литература...“» было написано: «Ныне издательством „Всемирная литература“ делается впервые попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе, соединив их с памятниками Запада. Русские востоковеды охотно откликнулись на призыв передать понятно русской речью замечательные и характерные произведения восточных писателей... Редакционная кол-

легия экспертов Восточного отдела: В. М. Алексеев, М. Горький, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов. В редакционной и переводческой работе принимают участие: В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс... Б. Я. Владимирцов... П. К. Кокорцов, В. Л. Котвич... П. Н. Макинцян... Б. В. Миллер, Л. И. Назарянц, И. А. Орбели, Э. К. Пекарский... А. А. Ромаскевич... В. В. Струве, В. А. Териан, М. Г. Тихая-Церетели, Б. А. Тураев... А. А. Шахматов...»⁴⁷.

Выступая на заседании Академии наук в 1927 г., Ольденбург говорил: «Одно время — между 1918 и 1925 гг. — многие из членов и научных работников Академии — востоковедов принимали деятельное участие в восточном отделе издательства „Всемирная литература“ ...при их участии составлено много переводов восточных литературных памятников, лишь частью пока напечатанных, а также издавался журнал „Восток“»⁴⁸.

Не умаляя заслуг Максима Горького перед советской наукой, следует сказать, что вопрос о создании востоковедных учебных и научных учреждений имеет гораздо более сложную историю.

В 1977 г. вышла в свет книга А. Н. Кононова и И. И. Иориша «Ленинградский восточный институт», основные разделы которой принадлежат авторитетному автору трудов по истории отечественного востоковедения, известному тюркологу, академику А. Н. Кононову. В этой интересной работе Андрей Николаевич вновь приводит бытующую с середины 20-х годов версию о том, что вопрос об организации советского востоковедного вуза был поставлен в 1918 г. и что идея создания его была выдвинута А. М. Горьким в письме, адресованном В. И. Ленину. Далее автор утверждает: «По всей вероятности, письмо А. М. Горького (жившего в ту пору в Петрограде) В. И. Ленину, в котором предполагалось создать востоковедное учебное заведение, наряду с Запиской петроградских ориенталистов было импульсом для создания нового востоковедного вуза»⁴⁹.

Заслуги М. Горького перед советской наукой, и в частности перед востоковедением, очевидны, но, несомненно, нет необходимости связывать становление советского востоковедного вуза непосредственно с его именем, и не только потому, что не удалось обнаружить соответствующее письмо писателя к В. И. Ленину. И пет-

роградские ориенталисты, авторы упомянутой записки, были не единственными, кто выступил с предложениями о реорганизации востоковедных вузов.

Уже прочно утвердилось, на наш взгляд, мнение, что вопрос о создании востоковедных учебных и научных учреждений имеет более глубокие корни. Развитие советского востоковедения было настоятельным требованием времени, одной из задач широкой программы политики Советского правительства в отношении народов России и Востока, составной частью переустройства всей системы народного образования в стране.

В 1926 г. ректор Московского института востоковедения сказал: «Необходимость организации востоковедного вуза, могущего дать полезных работников Советской власти в условиях увеличивающегося значения Востока, была еще в 1918 г. осознана В. И. Лениным, который и явился инициатором в деле создания Института востоковедения»⁵⁰. Эти слова принадлежат М. П. Павловичу, который тем самым как бы отказывается от своего утверждения 1925 г. о роли А. М. Горького в решении этого вопроса.

Несомненно, вопросом создания советского востоковедного вуза занимались государственные и общественные деятели, ученые-востоковеды Москвы, Петрограда⁵¹ и других городов, но его задачи, принципы организации, назначение были определены трудами и практической деятельностью главы Советского правительства. С именем В. И. Ленина связаны становление новых востоковедных вузов и коренная перестройка ранее существовавших.

Одним из первых подвергся реорганизации Лазаревский институт восточных языков.

Реорганизация института прошла в несколько этапов и тесно связана с именем В. И. Ленина. Как уже говорилось, декреты правительства, документы за подписью Владимира Ильича имеют первостепенное значение для определения принципов советского востоковедения, его задач, назначения, проблем подготовки востоковедных кадров и для изучения истории востоковедения. Эти материалы дают возможность прийти к убеждению, что В. И. Ленину были хорошо известны, в частности, роль Лазаревского института, его специфика и отличие от других учебных заведений.

Подготовкой «Положения о Специальных классах» занимался поначалу академик Н. Я. Марр. Он привлек к этому делу крупнейших востоковедов — В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, Я. И. Смирнова, А. Э. Шмидта, И. А. Орбели. Комиссия, возглавляемая Н. Я. Марром, рассматривала вопрос об изменении статуса Специальных классов и о возможности преобразования их в Восточный факультет Московского университета. Н. Я. Марр, тщательно изучив материалы по истории Лазаревского института и вкладу его в историю культуры, пришел к убеждению, что «Лазаревский институт представляет сам по себе редкую ценность». И далее: «Тот обычный тип специального учебного заведения, средняя школа с надстройкой высшей, какое имеем в Лазаревском институте восточных языков с его гимназией, представляет собой нечто совершенно исключительное на всей территории Российского государства»⁵².

Марр подготовил два документа: «К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков» и «Записку о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнолого-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института».

Автор сам сознавал недостатки своего проекта и предполагал одновременно с преобразованием Специальных классов «создать в Москве высшую школу теоретического востоковедения по Древнему Востоку учреждением на Историко-филологическом факультете университета кафедр ассирийского языка с семитической филологией, египтологии и индийской филологии»⁵³. Н. Я. Марр предлагал вместо Специальных классов создать факультет по изучению языков, литературы, истории и памятников искусства Передней Азии.

Важно то, что в новом учебном заведении изъявили согласие читать в 1918/19 учебном году курсы лекций В. А. Гордлевский, Н. Я. Марр, Л. З. Мсерианц, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, А. Э. Шмидт, А. А. Фрейман и другие востоковеды. Факт искреннего желания сотрудничать в новом советском вузе налицо. Нельзя не заметить узкоакадемический подход Н. Я. Марра к вопросу реорганизации Лазаревского института, который по-прежнему должен был готовить специалистов по небольшому региону — странам Ближ-

него и Среднего Востока. Реализация идей Марра в те годы не отвечала задаче всемерного приближения науки к политической борьбе Советской страны и народов Востока. Прав был М. Павлович, когда писал о реформах академика Н. Я. Марра: «...государственная жизнь ставила иные требования: нужны были практические работники, знающие не только Переднюю Азию, но и весь Восток и его языки»⁵⁴.

Реорганизация и создание новых востоковедных учреждений были проблемой политической и государственной важности. В тяжелых условиях гражданской войны и разрухи, недостатка средств и материальных ресурсов правительство нашло возможным сохранить, а несколько позже и расширить востоковедные центры в Москве и Петрограде, а также создать новые в республиках.

Реорганизация Лазаревского института восточных языков прошла несколько этапов. Это было вызвано, во-первых, тем, что в институте за все сто лет его существования из зарубежных восточных языков преподавались только арабский, персидский и турецкий, т. е., как уже говорилось, по своему профилю он был ближневосточным институтом. Столица в то время не располагала ни кафедрами, ни факультетом, на которых бы изучались страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, даже Индии (кроме индийской филологии). Поразительно, что за короткий срок, всего в два-три года, удалось сделать Москву одним из центров по подготовке специалистов по Дальнему Востоку и Индии.

Второе обстоятельство. «История бывшего Лазаревского института, роль этого института в истории армянской общественной мысли, специфическое значение этого института для детей, направлявшихся в течение долгих десятилетий из отдаленных уголков народной Армении в Москву, таковы, что и теперь в глазах широчайших масс армянского народа Институт этот является как бы народным достоянием»⁵⁵.

Делами института с июня 1918 г. руководил комиссар, назначенный Наркомпросом и Комиссариатом по делам армян.

4 марта 1919 г. Декретом СНК РСФСР, подписанным В. И. Лениным, вместо Лазаревского института восточных языков был создан Армянский институт. Было

опубликовано «Положение об Армянском институте в Москве (бывш. Лазаревский)», также подписанное председателем СНК Владимиром Ильичем Лениным. Пункт первый «Положения» предусматривал: «Армянский институт в Москве (бывш. Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительские нужды армянских трудовых масс, состоит из Единой трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языках»⁵⁶. «Положение» предусматривало, что институт находится в непосредственном ведении Комиссариата по делам армян. «Решением Коллегии по армянским делам создается ученый совет Армянского института, в состав которого входят: В. Терян, И. Орбели, П. Макинцян, Н. Марр и др.»⁵⁷. Комиссаром Армянского института был выдающийся поэт и революционер Ваан Терян (Тер-Григорян).

Московский Армянский институт «явился первым советским армянским учебно-научным заведением. Именно здесь, в Москве, зажегся первый факел армянской социалистической культуры»⁵⁸.

Для истории востоковедения чрезвычайно важно, что этим документом, подписанным В. И. Лениным, был введен в практику востоковедных институтов принципиально новый, социально-экономический курс, тем самым подчеркивалась необходимость изучения социально-экономического развития стран Востока, классов, расстановки классовых сил, характера и перспектив национально-освободительного движения. Менялся характер востоковедения, превращавшегося в комплексную науку, изучавшую не только историю и древние языки народов Востока, но и в первую очередь живые языки, а также современное положение этих народов, что поставило науку на службу интересам освободительной борьбы народов Востока.

Декрет 1919 г. следует рассматривать как документ, намечавший направление и тематику будущих востоковедных учебных заведений, и в частности московского. Именно эта мысль и проводится в декрете⁵⁹.

В то время в Петрограде и Москве ведется большая работа по созданию востоковедного вуза, который отве-

чал бы требованиям времени. Член коллегии Наркомнаца С. Диманштейн выезжал в Петроград, где 29 июня 1920 г. провел «совещание по вопросу об Институте востоковедения» с участием академиков С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда. На этом совещании наметили организовать в будущем институте отделы: арабский, афганский, турецкий, индийский, тибетский, китайский, японский, монгольский, армянский, грузинский, азербайджанский и поручить трем профессорам — С. Ф. Ольденбургу, Н. Я. Марру, В. В. Бартольду — подготовить программную часть⁶⁰.

31 августа 1920 г. проект будущего института постановление: «Поручить Комиссии из представителей Покровским и Сыромолотовым), где было принято постановление: «Поручить Комиссии из председателей Наркомнаца, Наркомпроса и Наркоминдела в недельный срок представить в СНК-ом переработанный проект декрета о Центральном институте живых восточных языков... Созыв Комиссии и доклад поручить т. Каменскому»⁶¹.

Чрезвычайно важны возражения В. И. Ленина в адрес тех научных работников, которые «настаивали на открытии Института в Петрограде, поскольку они, связанные научной работой, не хотят переезжать в Москву... т. Ленин еще раз категорически подтвердил, что новый востоковедный вуз должен быть в Москве, если хотят, чтобы этот вуз был практическим, отвечающим всем задачам и требованиям нашей политики на Востоке»⁶². Кроме того, было решение Президиума Цебюро Комнарвостока при ЦК РКП(б) от 25 августа 1925 г. о Центральном восточном институте: «...требовать от Наркомнаца организации Института в Москве, расформировав бывш. Лазаревский институт и влить в него Восточный факультет Петроградского университета»⁶³.

Эти материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции свидетельствуют о том, что правительство, придавая большое значение востоковедным вузам, тщательно готовило реорганизацию существовавших, советуясь с учеными-востоковедами. 7 сентября 1920 г. председатель СНК В. И. Ленин подписывает «Постановление об учреждении Центрального института живых восточных языков»⁶⁴.

Здесь вновь придется вернуться к книге «Ленинградский восточный институт», чтобы выяснить, какое из востоковедных учебных заведений — московское или петроградское — следует называть Центральным институтом живых восточных языков.

Академик А. Н. Кононов вслед за другими ленинградскими авторами истории отечественного востоковедения придерживается мнения, что именно за петроградским институтом следует сохранить название Центральный. Между тем архивные материалы и документальные публикации подтверждают, что именно Московский институт живых восточных языков рассматривался как Центральный. А. Н. Кононов приводит известное постановление СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. и текст примечания: «По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского института Институт временно открывается в Петрограде»⁶⁵.

Но эти «технические обстоятельства» были преодолены, и спор о том, где должно быть создано востоковедное учебное заведение — в Москве или Петрограде, вскоре разрешился: помимо ЦИЖВЯ одновременно был основан и Петроградский институт живых восточных языков. Один из пунктов постановления о создании ЦИЖВЯ предоставлял право «устраивать... отделения института в других городах»⁶⁶. Видимо, это и послужило причиной того, что Петроградский институт иногда называли Петроградским отделением ЦИЖВЯ.

В «Отчете Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г.» читаем: «Центральный институт живых восточных языков на основании постановления Совнаркома... был преобразован из бывшего Лазаревского института восточных языков и после подготовительной работы фактически приступил к занятиям в январе 1921 года»⁶⁷.

26 ноября 1920 г. на первом заседании педагогического совета ЦИЖВЯ директором института был избран Михаил Осипович Аттая — известный московский арабист⁶⁸.

Положение о ЦИЖВЯ предусматривало:

«1. Центральный институт живых восточных языков учреждается для преподавания живых восточных языков и предметов востоковедения.

2. Цель института — дать возможность лицам, гото-

вящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (экономической, административно-политической, агитационной, дипломатической, педагогической и др.), приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также подготавливать преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения.

Примечание: Для облегчения занятий курсантам — уроженцам стран Востока, не знающим русского языка, в институте организуется курс обучения русской речи; по мере возможности для них лекции читаются на родном языке...

4. Посторонние лица, желающие приобрести практические сведения о Востоке, допускаются к слушанию отдельных курсов по разрешению Совета института...

8. Нормальная продолжительность курса определяется в два года в институте и год в командировках на Восток в пределах РСФСР или вне их на средства института и по его назначению...

12. При институте организуется общежитие для слушателей. Слушатели института, учебный персонал и служащие пользуются всеми видами довольствия по нормам, установленным для курсантов командных курсов Рабоче-Крестьянской Армии...»⁶⁹.

Учебный план института был построен по курсовому принципу. Каждый слушатель избирал один основной восточный язык и зачислялся в соответствующий разряд. План каждого разряда предусматривал изучение слушателем восточного языка, западного языка, предметов востоковедения, общеобразовательных предметов (этнография, введение в языкознание, логика) и политико-экономических дисциплин⁷⁰. Было введено и изучение языков Дальнего Востока и Индии. Тем самым было положено начало систематическому изучению языков и комплекса страноведческих дисциплин.

Видный географ и востоковед генерал А. Е. Снесарев в 1921 г. стал организатором, руководителем и одним из преподавателей Восточного отделения Военной академии РККА. Среди преподавателей языковых дисциплин этого нового для Москвы востоковедного учреждения отметим М. О. Атая, В. А. Гордлевского.

Коренной перестройке подвергалась вся система во-

стоковедных научных и учебных заведений Петрограда. В 1918 г. здесь были ликвидированы Общество востоковедения, созданное в 1900 г. под покровительством семьи Романовых, Практическая восточная академия министерства торговли и промышленности. Оглядываясь назад, можем сказать, что правительство вместе с тем проявило большое внимание к славным традициям петербургской (петроградской) школы классического востоковедения. Это проявилось и в увеличении штата Азиатского музея, и в создании нового специального вуза, и в расширении тематики востоковедных исследований в других учебных и научных учреждениях Петрограда, и в предоставлении ученым и студентам «военного довольствия», и в выделении валюты на приобретение иностранной литературы и т. д. Очень важно, что Наркомпрос и Наркомнац реорганизацию востоковедных учреждений Петрограда проводили в тесном контакте с ведущими учеными, советуясь с ними, учитывая их рекомендации.

Реорганизация гуманитарных факультетов Петроградского университета в сентябре 1919 г. привела к объединению факультета восточных языков с историко-филологическим и юридическим в факультет общественных наук. На отделениях этого нового факультета преподавались «предметы востоковедения». Через полтора года, в марте 1921 г., проводится новая реорганизация. На этот раз «предметы востоковедения сосредоточились главным образом на этнолого-лингвистическом отделении и лишь отчасти на общественно-педагогическом и литературно-художественном отделениях»⁷¹.

На отделениях Петроградского университета занимались филологией, культурой и искусством Востока.

В августе 1921 г. при Петроградском университете создается Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского. В составе шести секций этого института была и Восточная, куда входили: В. М. Алексеев, А. П. Алявдин, В. В. Бартольд, В. Г. Богораз, Б. Я. Владимирцов, П. К. Коковцов, И. Ю. Крачковский (предс. секции), Н. Я. Марр (зам. директора), А. А. Фрейман (секретарь)⁷².

В создании в 1920 г. Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) «и ведении в нем учеб-

ных занятий приняли участие почти все находящиеся в Петербурге востоковеды, среди которых имеются выдающиеся ученые, [такие), как действительные члены Российской Академии наук (С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, Ф. И. Щербатской, В. В. Бартольд), профессора и преподаватели университета и др. Благодаря этому с самого начала в институте было введено преподавание почти всех важнейших языков Востока: турецко-османский, персидский, арабский, японский, китайский, тибетский, монгольский, калмыцкий, киргизский (по-видимому, казахский. — А. Б.), сартский (узбекский. — А. Б.), армянский, грузинский и языки Индии: санскрит и бенгали. Кроме языков введено преподавание и страноведения (география, этнография, новая история, общественный и экономический быт и пр.)»⁷³. Первый состав профессоров и преподавателей ПИЖВЯ объединил почти всех востоковедов Петрограда, среди которых были ученые с мировым именем. Курс обучения в институте продолжался три года.

В октябре 1920 г. постановлением Совнаркома этому институту была отведена часть здания на Мойке, а студенты взяты «на довольствие». «12 января 1921 г. был избран педагогический комитет. Его председателем и ректором института стал В. Л. Котвич, членами комитета — Б. Я. Владимирцов, А. А. Фрейман, Г. Ф. Смыкалов, В. М. Алексеев, комиссаром — З. А. Рахимов...»⁷⁴.

Архивы сохранили документы о внимательном и заботливом отношении администрации ПИЖВЯ к иностранным студентам, в частности к китайским гражданам. «После открытия приема слушателей в Центральный институт живых восточных языков Петроградская коммунистическая секция при Губернском комитете РКП обратилась с просьбою о зачислении в институт ряда китайских граждан, для того чтобы дать им возможность изучения русского языка. Хотя это и выходило за пределы задач института, тем не менее администрация института нашла возможным... пойти навстречу пожеланию Китайской коммунистической секции и организовала при содействии профессоров-китаистов особую китайскую группу...». Дирекция института сделала все возможное, чтобы включить китайских слушателей «в список лиц, пользующихся пайком»⁷⁵.

Академик А. Н. Кононов, оценивая результаты дея-

тельности двух учебных петроградских центров востоковедного образования, писал, что востоковедение на ФОН (Факультете общественных наук Первого Петроградского университета), «превратившись только в одну из специализаций этого громадного гуманитарного комбината, медленно угасает; центр подготовки востоковедов превращается в Петроградский институт живых восточных языков... в котором преподавание вели лучшие силы петроградского востоковедения»⁷⁶.

Занятия в Центральном институте живых восточных языков фактически начались в январе 1921 г.; число слушателей составляло около 200 человек. Учебный план каждого разряда включал изучение восточного языка, предметов востоковедения, западного языка, общеобразовательных предметов (этнография, введение в языковедение, логика и политэкономические дисциплины)⁷⁷.

В ЦИЖВЯ преподавали арабисты Михаил Осипович Аттая, Харлампий Карпович Баранов, иранист Мирза Абдулла Гаффаров, туркологи Владимир Александрович Гродлевский, Семен Григорьевич Дзерунян, арменисты Иосиф Карпович Куסיлян, Степан Никитич Тер-Сарсянц. Ряд лекционных курсов вели петроградские ученые. Как вспоминал академик Александр Андреевич Губер, «для преподавания персидского языка раз в неделю дня на два приезжал из Ленинграда иранист А. А. Фрейман»⁷⁸.

Чрезвычайно колоритна фигура первого выборного директора ЦИЖВЯ. Михаил Осипович Аттая (1852—1924) — араб по национальности; он родился в Дамаске, учился в Бейруте, но юношей должен был покинуть родину из-за выступлений «в либеральных органах арабской печати с резкими выпадами против турецкого деспотизма. Одновременно он является одним из учредителей тайного общества „Снятие покрывала“; подпольная деятельность этого общества имела своей целью освобождение восточной женщины от гнета предрассудков, унижения и тьмы»⁷⁹. Покинув родину, М. О. Аттая переезжает в Россию и в 1873 г. начинает вести занятия по арабскому языку в Специальных классах Лазаревского института. М. О. Аттая был среди той части профессуры

института, которая приветствовала Советскую власть. Одновременно с преподавательской деятельностью он работает над переводами на арабский язык таких произведений, как «Манифест Коммунистической партии», «Интернационал»⁸⁰.

Как писал в 1924 г. ученик М. О. Аттая известный советский арабист Евгений Александрович Беляев, «в годы революции престарелый Михаил Осипович со свойственной ему энергией продолжает работу в реорганизованном Институте востоковедения, являясь его первым директором⁸¹. В то же время он преподает на Восточном отделении академии Р.-К. Кр. А., работает в бюро коморганизаций народов Востока, переводит текущую политлитературу на арабский язык»⁸².

На этом реорганизация востоковедных вузов не завершилась. Стоял вопрос о создании такого учебного заведения, где наряду с живыми языками на первое место выходили бы страноведческие дисциплины, т. е. стоял вопрос о создании Института востоковедения. Именно с этой целью Отдел научных обществ и учебных заведений⁸³ подготовил проект нового положения об институте. Этот «проект был внесен на рассмотрение во ВЦИК, который и утвердил основные принципы, связанные с реорганизацией ЦИЖВЯ в Институт востоковедения, предоставив Наркомнауку выработать положение»⁸⁴.

В октябре 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о слиянии ЦИЖВЯ и Восточного отделения университета в одно высшее учебное заведение — Институт востоковедения. Одновременно «Президиум ВЦИК постановил бывший Лазаревский институт... переименовать в „Дом культуры Советской Армении“ и передать его со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение Рабоче-Крестьянского правительства Армении»⁸⁵. (Институт востоковедения и после этого постановления по-прежнему оставался в здании бывшего Лазаревского института: Армянский пер., д. 2.)

Мы можем с полным основанием рассматривать Московский институт востоковедения (МИВ) как ведущий центр подготовки кадров специалистов по Востоку в 20-е годы. Достаточно сказать, что институт готовил кадры специалистов для союзных и автономных республик, правительственных и общественных организаций. Так, из 300 вакансий в институте на 1921—1922 гг. при-

мерно две трети были «распределены между наркоматами, заинтересованными в деле подготовки работников на Востоке. . . : ЦК РКП — 20; Наркоминдел — 20; Наркомвнешторг — 15; ВЦСПС — 10; Наркомвоен — 10; Наркомпрос — 20; Наркомздрав — 5; ВСНХ — 5; НКВД — 5». Помимо этого часть вакансий через Наркомнац распределялась следующим образом: «Армения — 5; Грузия — 5; Азербайджан — 5; Белоруссия — 3; Украина — 5; Абхазия — 3; Хива — 3; Бухара — 3; ДВР — 5; Башкирская — 3; Татарская — 5; Киргизская — 3; Туркестанская — 5; Горская — 5; Дагестанская — 5; Крым — 5; Буряты — 3; Якуты — 3. . .»⁸⁶.

В 1922 г. вновь возник вопрос о слиянии московского и петроградского институтов. Тяжелые условия, в которых находилась страна, финансовые трудности остро поставили вопрос о востоковедных учебных заведениях Москвы и Петрограда. Этот вопрос обсуждался на ряде заседаний коллегии Наркомнаца, собраниях представителей московской профессуры и студентов и аналогичных собраниях ученых, профессуры и студентов Петрограда. Сохранившиеся протоколы заседаний показывают и тяжелые условия учебы студентов, и одновременно энтузиазм и самоотверженность всего коллектива востоковедов, глубокое понимание задач востоковедной науки.

6 ноября 1922 г. на заседании Совета МИВ, где принимали участие заместитель наркома по делам национальностей Г. И. Бройдо, ректор института А. Т. Гисматуллин, зам. ректора Мазуров, профессора: И. Н. Бороздин, В. А. Гордлевский, А. Е. Снесарев, В. К. Трутовский, преподаватели: В. А. Гурко-Кряжин, Л. И. Жирков, Н. И. Нарский, И. К. Куסיкян, студенты: Левитес, Островская, Вайнцвайг и др., был заслушан доклад Г. И. Бройдо «О положении с Институтом востоковедения и живых восточных языков»⁸⁷. Доклад интересен, в частности, тем, какое значение придавало правительство востоковедным вузам, а также характеристикой двух востоковедных школ. Докладчик изложил мотивы Коллегии Наркомнаца: «Основной причиной постановления Коллегии о сокращении одного из институтов является финансовое соображение.

Второй причиной послужил вопрос о необходимости централизации востоковедных сил. Немногочисленные

силы эти разделены между Петроградом и Москвой и распылены по разным заведениям. Необходимо их сконцентрировать, бросить на одно общее дело. При этом Коллегия полагала устранить те дефекты, какие наблюдаются ныне, и пережила ряд сомнений. Академизм, существующий в Петрограде, пустил слишком глубокие корни и, будучи сам по себе ценным, все же не отвечает современным заданиям.

Практический уклон, правильно взятый Москвою, часто, однако, принимал такие формы, которые противоречат самому существу дела и поставленным Советской Россией заданиям. . .

Коллегия полагала, что работа должна пойти путем сочетания петроградского академизма и московского практицизма за вычетом резких крайностей. Петроград должен отказаться от чистой теоретичности, воспользоваться опытом предыдущей работы Москвы и установить подлинное востоковедение, живое и жизненное. Нужно считать правильным сочетание этих двух уклонов и оставить один Институт востоковедения. . . сконцентрировав в нем все лучшее и ценное»⁸⁸.

После долгих дебатов и заключительного слова, где Г. И. Бройдо еще раз повторил, что «только отчаяние вынуждает Наркомнац ликвидировать институт в Москве» и что Наркомнац готов «вновь обсудить вопрос», Совет института принял резолюцию: «Принимая жесткую необходимость слияния двух институтов в один, Совет Московского института востоковедения признает целесообразным произвести слияние лишь в Москве... Вместе с тем Совет просит Коллегию Наркомнаца о новом пересмотре вопроса по существу...»⁸⁹.

Против решения о слиянии двух учебных заведений выступили профессора ПИЖВЯ, общее собрание слушателей и комячейка. Интересно отметить, что и Коллегия востоковедов при Азиатском музее 21 ноября 1922 г. выступила с аргументированными доводами против этого решения, доказывая, что от «слияния не будет экономии»⁹⁰.

И на этот раз удалось избежать слияния двух востоковедных вузов.

По-прежнему Московский институт востоковедения размещался в малоприспособленном и тесном здании бывшего Лазаревского института (лишь в 1924 г. уда-

лось получить новое помещение в Малом Златоустинском переулке).

5 февраля 1921 г. ЦК РКП(б) выносит постановление об организации Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Конкретными вопросами организации университета, подбора кадров, оснащения и т. д. занимался Наркомнац. Задачи нового учебного заведения были определены постановлением ВЦИК от 21 апреля 1921 г., в котором говорилось: «1. Для подготовки политработников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств учреждается в Москве при Наркомнаце Университет трудящихся Востока»⁹¹.

Основную массу студентов составили товарищи, прибывшие по разверстке ЦК РКП (б). Для них занятия проводились на русском языке, а для тех, кто не владеет русским языком,—на их родных языках. За короткий срок удалось организовать занятия на десяти языках, в числе которых были и ранее не изучавшиеся в Москве (китайский, корейский). Среди студентов были представители более 40 национальностей: абхазцы, аварцы, азербайджанцы, армяне, балкары, башкиры, грузины, калмыки, осетины, таджики, татары, туркмены, узбеки, якуты, а также индийцы, китайцы, корейцы и др. Надо особо отметить, что в числе студентов КУТВ были и женщины — татарки, башкирки, узбечки, осетинки и др.⁹² Для сравнения скажем, что за более чем 40-летний период существования Специальных классов Лазаревского института там не обучалась ни одна женщина.

На основном отделении (на языковых секторах университета) было предусмотрено чтение курса востоковедения. Под этим курсом понималось «изучение экономики, структуры, общественных и революционных движений как в автономных и независимых Советских республиках, так и в зарубежных азиатских странах». Этот впервые введенный в практику высших учебных заведений курс был поделен между несколькими преподавателями. Бройдо, например, вел курс по Средней Азии, Афганистану, Бухаре и Хиве; Павлович — по Турции⁹³. Этот своеобразный курс был построен по проблемному, страноведческому и региональному принципам.

Один из пунктов «Положения о Народном Комисса-

риате по делам национальностей», подписанного председателем ВЦИК М. Калинин, председателем СНК В. Ульяновым, секретарем ВЦИК А. Енукидзе 26 мая 1921 г., предусматривал: «§ 10. Отдел учебных заведений и учебных обществ имеет своей задачей централизацию дела изучения Востока, приближение востоковедения к практическим задачам жизни соответствующих народов, подготовку кадров политических работников для восточных республик и областей. . .

б) Отдел ведает Обществом востоковедения, Коммунистическим университетом трудящихся Востока, Центральным институтом живых восточных языков. . .»⁹⁴.

Это важное правительственное постановление ставило вопрос о необходимости создания в стране научного объединения востоковедов, организационного объединения востоковедов на местах, концентрации сил на разработке актуальных проблем востоковедения. 13 декабря 1921 г.

Постановлением ВЦИК «в целях объединения всех начинаний в области востоковедения и использования научных сил для всестороннего изучения Востока учреждается при Народном Комиссариате по национальным делам Всероссийская научная ассоциация востоковедения» (ВНАВ. — А. Б.)⁹⁵. Членами ВНАВ могли быть «все ученые — специалисты-востоковеды, практические работники на Востоке и лица, интересующиеся Востоком и оказывающие услуги Ассоциации». Делами ВНАВ ведало правление, включавшее помимо выборных членов по одному представителю от Народных Комиссариатов по делам национальностей, иностранных дел и просвещения.

Всероссийская научная ассоциация востоковедения, преобразованная несколько позже во Всесоюзную, должна была стать наиболее представительной организацией по изучению Востока и распространению научных знаний о Востоке.

В 1922 г. вышел первый номер журнала «Новый Восток» (орган ВНАВ, который начинался большой статьей М. Павловича «Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения»). Руководитель ВНАВ считал, что «Всероссийская ассоциация востоковедения наряду со специально научными задачами может преследовать лишь цели экономического и духовного раскрепощения

Востока». И далее: стоящие перед Ассоциацией задачи можно решить, работая в «теснейшем контакте с Университетом трудящихся Востока, с Институтом востоковедения в Москве и другими учеными и учебными учреждениями, занимающимися вопросами востоковедения»⁹⁶.

О становлении и развитии высшей школы в национальных республиках можно говорить лишь после победы Советской власти на местах. Восстановление и развитие народного хозяйства в сочетании с культурным строительством стало органической частью революционных преобразований послеоктябрьских лет.

В сентябре 1920 г. в столице советского Азербайджана открылся I съезд народов Востока. На нем присутствовали около 2 тыс. делегатов, представлявших 26 стран Востока. Обращаясь к Совету пропаганды и действия народов Востока, избранному на съезде, В. И. Ленин писал: «От вовлечения в политическую жизнь трудящихся масс Востока зависит теперь в громадной степени судьба всей западной цивилизации»⁹⁷.

В Закавказье и на Северном Кавказе, в Средней Азии, Поволжье, в Сибири, на Украине и на Дальнем Востоке в первые годы Советской власти создаются учебные и научно-исследовательские востоковедные учреждения, музеи, ведется сбор рукописей.

Нам представляется, что востоковедные учебные заведения, созданные в разных городах нашей страны в первые послеоктябрьские годы, не равнозначны по своим целям.

Москва и Петроград — традиционные центры востоковедения с прекрасной научной базой и высококвалифицированными кадрами — выражали многосторонние общесоюзные интересы. Другую группу составляли востоковедные учебные заведения и факультеты Ташкента, Баку, Еревана, Тбилиси. Функциональное назначение востоковедных центров Киева и Харькова определялось в первую очередь существовавшими или предполагаемыми дипломатическими и торговыми связями Украинской республики с ближневосточными странами. В институтах и музеях Северного Кавказа, Поволжья, Сибири занимались преимущественно вопросами языка, литературы, истории и истории культуры восточных народов соответствующих регионов, т. е. занятие зарубежным

востоведением получило здесь сугубо и исключительно вспомогательный характер.

«Ярким свидетельством внимания органов молодой Советской власти в Туркестане к историко-востоковедной работе явилось создание в Ташкенте в ноябре 1918 г. первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии — Туркестанского восточного института (ТВИ)»⁹⁸. Ему предшествовала организация своеобразного многоцелевого (средняя школа, освоение ремесел и т. д.) учебного заведения — Туркестанского народного университета (ТНУ).

«...Местные (туркестанские) власти с самого начала обратились к верховным органам РСФСР, научным учреждениям и организациям Москвы и Петрограда с просьбой об оказании материально-технической и научной помощи новому учебному заведению (ТНУ. — А. Б.). По просьбе прибывшего в Петроград А. А. Семенова работа по оказанию помощи Туркестанскому народному университету . . . была сосредоточена на филологическом факультете Петроградского университета. Активное участие в подборе преподавателей для ТНУ и решении других вопросов (1918—1919 гг.) приняли акад. В. В. Бартольд и проф. А. Э. Шмидт»⁹⁹.

Помощь правительства и научных учреждений дала возможность открыть в Ташкенте Туркестанский восточный институт (ТВИ). «Нормальная деятельность института началась, собственно, уже с первого академического полугодия 1919 г. . . . Существенную роль в организации и руководстве практической деятельностью в различных областях востоковедения играл Народный Комиссариат по делам национальностей и состоявший при нем Центральный мусульманский комиссариат». В начале 20-х годов (данные конца 1922 г.) лекции по востоковедным дисциплинам читали: профессора А. Э. Шмидт и А. А. Семенов, преподаватели: А. А. Диваев, М. С. Андреев (первый ректор), Б. А. Пестовский, Абдурахман Саади и др. Сотрудничали «в институте до 1922 г. . . . В. В. Бартольд, читавший специальный курс „История Туркестана“, С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов, И. И. Зарубин, П. А. Фалев и др.»¹⁰⁰. (В 1924 г. ТВИ был слит со Среднеазиатским государственным университетом — САГУ.)

В 1920 г. в Ташкенте «открылись Военные курсы во-

стоковедения, преобразованные в 1922 г. в Туркестанскую высшую военную школу востоковедения»¹⁰¹, начальником которой был назначен иранист и индолог И. Д. Ягелло, имевший большой опыт педагогической и административной работы.

В год победы Советской власти в Азербайджане и Армении (1920) в Баку открывается Азербайджанский государственный университет (АГУ), а в столице Армении — Ереванский университет, в которых предусматривается организация восточных факультетов. Преподавание на двух отделениях восточного факультета АГУ им. В. И. Ленина — историческом и словесном — началось в 1922 г., а на факультете востоковедения Ереванского университета — в 1923 г.

На восточном факультете АГУ «вели большую преподавательскую работу такие крупные ученые, как академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, профессора И. Н. Ашмарин, А. А. Ромаскевич, Р. Шор, Н. К. Жузе, Б. В. Чобанзаде, А. С. Губайдуллин, В. Хулуфлу и др.»¹⁰². К работе в Ереванском университете были привлечены известные ученые Р. А. Ачарян, Г. А. Капанцян, А. А. Манандян и др.

Следует отметить, что востоковедные вузы и факультеты Закавказских республик и Ташкента имели одно специфическое отличие от аналогичных учреждений центра. Столетиями, а в некоторых случаях и тысячелетиями народы Востока в прошлом не только общались (это присуще и всем другим народам), но и жили в непосредственной близости, иногда составляя одно государство, испытывая влияние народов зарубежного Востока и оказывая влияние на них. История этих народов веками переплеталась, что отразилось на их языке, литературе, культуре, религии и т. д. Таким образом, изучение языков, культуры, истории, социальных формаций стран зарубежного Востока в республиках советского Востока представляло органическую часть собственной истории недавнего прошлого. Востоковедные подразделения в советских республиках Средней Азии и Закавказья не дублировали востоковедные учреждения центра, сохраняя свое направление в науке и обогащая ее многочисленными ценными архивными, рукописными материалами своих хранилищ.

Становление центров востоковедного образования на местах протекало в сложных условиях. Проиллюстрируем это на примере Туркестанского восточного института. Его первый ректор, известный этнограф М. С. Андреев, писал: «Зародившийся в раскатах громов русской революции на самом пороге новых, выковывавшихся условий жизни, институт, естественно, попал в очень тяжелые условия, с одной стороны, перед выдвинутым для него самой жизнью, самим положением вещей задачами, а с другой — перед условиями и средствами для их выполнения. Каждому было ясно, что существование института было необходимо, что немисливо оставлять дальше без надлежащего специального изучения мало еще изученную Среднюю Азию и Средний Восток вообще и что для этой цели нужна специальная подготовка соответствующих работников — востоковедов. Ясно было и наиболее подходящее для этого место: это в настоящее время сердце Средней Азии — Ташкент. Но тут-то и сказалось слабое место в постановке востоковедения до сих пор. Число имевшихся в России ориенталистов было очень невелико, наладить с ними связь (в условиях гражданской войны. — А. Б.) не представлялось возможным, и молодому учреждению при всей обширности стоящих перед ним задач пришлось опереться в своих первых шагах исключительно на местные силы. Естественно, что чувствовалась недостаточность знаний по многим специальностям»¹⁰³. Остро ощущалось почти полное отсутствие учебников и пособий¹⁰⁴. И тем не менее благодаря помощи партийных и советских органов, энтузиазму профессорско-преподавательского состава и слушателей деятельность ТВИ успешно развивалась.

Становление советской школы востоковедения связано в первую очередь с трудами, посвященными актуальным проблемам революционного движения, национально-освободительной борьбы, социально-экономическим, государственным, культурным изменениям и преобразованиям в жизни народов Востока.

В Средней Азии, Закавказье и Дагестане продолжалась упорная борьба с иностранными интервентами и буржуазно-националистическими правителями.

Национально-освободительная борьба турецкого на-

рода под руководством Мустафы Кемалья, борьба афганского народа во главе с Аманулла-ханом за независимость Афганистана, национально-освободительное движение на Арабском Востоке, волнения в Индии, антиимпериалистическая борьба в Китае, революция 1921 г. в Монголии — все эти события непосредственно касались нашей страны, международного положения, международных отношений и вызывали живой интерес советских людей.

Именно актуальные проблемы — антиимпериалистическая и антиколониальная борьба, характер революций и перспективы революционного движения, Советская Россия и страны и народы Востока — привлекли внимание и усилия в первую очередь советских ученых и определили направления советского востоковедения в годы его становления.

«Научно-исследовательская работа и подготовка кадров в области востоковедения тесно увязывалась с потребностями национально-государственного, экономического и культурного строительства в республиках Советского Востока, с нуждами Советского государства в установлении дипломатических и торговых связей со странами зарубежного Востока»¹⁰⁵.

В газетах, «Бюллетенях Народного Комиссариата иностранных дел», журналах «Красная новь», «Новый Восток» публикуются обзоры иностранной прессы, документы, статьи публицистического характера, а затем и исследования.

Перед советскими востоковедами стояла задача — с позиций марксизма-ленинизма разработать вопросы социально-экономического развития стран Востока, смены формаций, сложные проблемы истории, истории культуры и в плане региональном, страноведческом, и во взаимосвязи с мировым историческим процессом. Эта работа требовала времени, накопления обширного материала, его систематизации и анализа, монографических исследований.

В эти годы усилиями деятелей коммунистического и рабочего движения, сотрудников государственных (НКВД, посольств, Внешторга) и общественных организаций, ученых-международников и немногочисленных востоковедов-марксистов закладываются основы советского востоковедения. Советские ученые выступа-

ют новаторами в изучении проблем современности, ибо и западноевропейская и американская ориенталистика были далеки от попыток решения этих вопросов. Конечно, первые исследования рабочего движения в странах Востока, характера и перспектив революций, аграрного и крестьянского вопросов были схематичны, не всегда конкретны и не лишены у части авторов серьезных ошибок.

Исследователи истории становления советского востоковедения (М. А. Коростовцев, Н. А. Смирнов, Л. Б. Алаев, В. Н. Никифоров, Г. И. Подпалова, Н. П. Шастина) справедливо считают, что в первые послереволюционные годы обозначались два востоковедных центра¹⁰⁶, представлявшие два направления в науке. Эти центры получили названия московской и ленинградской школ. В Москве предметами исследования стали преимущественно актуальные проблемы современности, новой и новейшей истории, антиимпериалистическая и антиколониальная борьба, революционное движение в странах Востока. По словам Г. И. Подпаловой, сказанным о становлении японоведения, московская школа более непосредственно восприняла те требования, которые встали перед советскими востоковедами. М. П. Павлович, В. А. Гурко-Кряжин, К. М. Трояновский, И. М. Рейснер, Х. Т. Эйдус, И. М. Майский, К. А. Харнский, Г. Н. Войтинский, А. Е. Ходоров, В. Д. Виленский (Сибиряков), Ю. Смургис, Тивель, Е. В. Тарле, К. Юст, Н. Бобынин, А. Вишнеградов, А. Султан-заде — авторы исследований, положивших начало научному изучению вопросов новейшей истории, экономического развития и современного положения стран Востока.

Нельзя сказать, что ленинградская школа, представленная преимущественно сотрудниками Академии и преподавателями вузов, совсем не занималась вопросами современности, живых восточных языков, но ее наибольшие успехи, блестящие достижения были связаны с изучением древности и средневековья, памятников культуры, текстов главным образом с филологической точки зрения. Имена целой плеяды ленинградских востоковедов — лингвистов, текстологов, литературоведов, специалистов по истории культуры — стали гордостью советской науки.

К этим двум востоковедным школам следует прибавить третью, которая в 20-е годы только еще обозначается и формируется в востоковедных центрах национальных республик. Здесь при значительно более ограниченной тематике гораздо пропорциональнее представлены оба научных направления, и востоковедные исследования непосредственно связаны с материалами национальной истории, культуры, языка и литературы.

Третье направление, не отличаясь принципиально от первых двух, складывается в республиках Советского Востока, где проблемы зарубежной ориенталистики ученые рассматривают несколько локально, но в тесной связи, в переплетении с национальной историей, историей культуры, языков, литературы.

Октябрьская революция дала возможность быстро, успешно и при всемерной государственной поддержке осуществить такие реформы в области народного образования, над которыми бились десятилетиями. Речь идет, в частности, о реформе письменности тюркских народов и о создании алфавитов для бесписьменных народов. Ученые нашей страны, и в частности Академии наук, приняли деятельное участие в подготовке алфавитов для народов, не имевших своей письменности. Хорошо известно, что арабский алфавит, арабская графика уже давно признавалась неудобной, не соответствующей тюркским языкам. Еще в прошлом столетии М. Ф. Ахундов, Н. Мальком-хан и другие просветители выступали с проектами реформы письменности тюркоязычных и ираноязычных народов. К концу XIX — началу XX в. споры о реформе письменности затронули широкие круги интеллигенции.

Вопрос о реформе письменности касался многочисленных тюркоязычных народов — азербайджанцев, туркмен, узбеков, казахов, киргизов, татар, башкир, каракалпаков, ногайцев и др., а также ираноязычных (таджиков). Большинство из них пользовалось арабской графикой, меньшинство — якуты, а также ойроты — русской письменностью. После революции вопрос о реформе письменности стал серьезной государственной проблемой, к которой с глубоким вниманием отнеслись партийные, правительственные и научные организации нашей страны.

В республиках стали создаваться комитеты по про-

ведению нового алфавита (начиная с 1922 г.), а в Москве — Центральный комитет. Очень энергично и с широким размахом под руководством С. А. Агамали-оглы велась работа по реформе письменности в советском Азербайджане.

Правительство придавало большое значение реформе письменности, рассматривая ее как одну из задач культурной революции. 11 августа 1922 г. В. И. Ленин «принимает председателя Азербайджанского ЦИК С. А. Агамали-оглы и сопровождающего его А. С. Енукидзе, беседует с ними, в частности, об отношении азербайджанских трудящихся к проекту создания нового алфавита»¹⁰⁷.

В Азербайджане на обсуждение было выдвинуто несколько проектов, представленных учеными республики.

В октябре 1922 г. Агитпроп ЦК РКП (б) направил в Наркомнац на заключение проект и доклад востоковеда и публициста Мамеда-аги Шахтахтинского по вопросу «о введении латинского шрифта в мусульманские языки»¹⁰⁸. Партийные и правительственные органы рассматривали проект Шахтахтинского как часть широкой проблемы о реформе письменности. Наркомнац создал комиссию по реформе арабской письменности, в работе которой приняли участие Гисматуллин, Алиев, Бойков, Гордлевский, Мусаев.

Первый этап реформы письменности тюркоязычных народов завершился в 1926 г., когда на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку было решено принять новый латинизированный тюркский алфавит.

Как известно, письменность у тюркоязычных и ираноязычных народов нашей страны дважды после 1917 г. подвергалась реформе. Первый раз за основу был взят латинский алфавит, а в конце 30-х годов — русский.

Говоря о реформе письменности, автор данной работы хочет обратить внимание не на причины, которые привели к избранию латинской графики, а позже — русской, а на то, что ведущие ученые-востоковеды: В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, В. А. Гордлевский, Л. И. Жирков и многие другие — приняли самое деятельное участие в реформе письменности тюркоязычных народов, создании графики для бесписьменных народов.

Можно считать, что в начале 20-х годов (1920—1922) складывается система востоковедных научных и учебных заведений. Это, во-первых, ВНАВ, Азиатский музей Академии наук с Коллегией востоковедов и, во-вторых, Коммунистический университет трудящихся Востока, институты востоковедения в Москве, Петрограде, восточные факультеты в университетах Закавказья, Ташкента, Владивостока и ряда других городов.

Коренные изменения в структуре и принципах преподавания в востоковедных вузах страны, возможно, наиболее полно и четко представлены в бывшем Лазаревском институте восточных языков. За четыре года единственный востоковедный институт четырежды подвергался реорганизации, причем каждый раз менялось и его название. Каждое преобразование вносило принципиально новое в характер института, его цели, научное направление, учебный план.

За попыткой Н. Я. Марра и группы академиков старой востоковедной школы лежало стремление создать в Москве научный центр по изучению Передней Азии с системой научных кафедр (в университете и бывшем Лазаревском институте), призванных готовить специалистов по древним цивилизациям Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Византии, христианскому и мусульманскому Востоку, Индии. При этом упор делался на филологическую подготовку. Программа Марра была для того времени практически трудной, невыполнимой и, что самое важное, не обеспечивала подготовку кадров востоковедов, знающих современное положение стран Востока и живые восточные языки. Кроме того, в Москве по-прежнему изучали бы только часть обширного азиатского региона. К тому же программа Марра была рассчитана, несомненно, на слушателей, прошедших по меньшей мере курс классической гимназии.

Преобразование в Армянский институт носило, конечно, временный характер и было вызвано невозможностью создания вузов в то военное время на территории Армении. Однако это «временное положение об Армянском институте в Москве» содержит чрезвычайно важное указание Владимира Ильича Ленина о необходимости подготовки в востоковедных институтах не только филологов, но и историков и специалистов с

хорошим знанием социально-экономических дисциплин. Положение прямо указывало на необходимость создания в институте социально-экономического факультета. Этот тезис принципиально менял содержание подготовки востоковеда, учебные планы и научное направление востоковедных вузов.

Декреты 1920 г. об Институте живых восточных языков и 1921 г. об Институте востоковедения органически связаны между собой и предопределили на десятилетия научное направление, цели и задачи советского востоковедного вуза. В филологической подготовке студента обращалось внимание на знание в первую очередь современного литературного и разговорного (об этом сказано в одном из пунктов — о годичной командировке на Восток — положения о ЦИЖВЯ) языков изучаемой страны и одного из западных языков. Помимо языков учебный план включил страноведческие дисциплины, политическую экономию, исторический материализм, историю РКП (б), ленинизм и национально-политический вопрос, а также ряд курсов по внешней политике и праву. По образному выражению одного из первых ректоров востоковедного вуза, М. П. Павловича, «центром учебной и ученой деятельности института должно было стать изучение живого Востока, а не только живых восточных языков самих по себе. Изучение последних должно было отныне являться лишь могучим средством к углубленному познанию живого Востока, к общению с последним»¹⁰⁹.

Это утверждение М. П. Павловича, отражавшее несколько отрицательное отношение к «академической» востоковедной подготовке, понятное для своего времени, носило в себе и элементы ошибочные. Его категоричное утверждение, что «нам, конечно, не нужен санскрит, не нужны древнееврейские, финикийские и арамейские языки»¹¹⁰, несомненно, как уже говорилось, плод полемической запальчивости. Разруха, голод, финансовая бедность вынуждали идти на ограничения и жертвы. Уважительное отношение В. И. Ленина к историко-филологической подготовке и специалистам не только с практическим уклоном стало одним из принципов советской востоковедной школы.

В цитируемой ранее статье «Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения» М. Павлович

писал о необходимости изучения египтологии, урартологии, эпохи неолита и т. д.¹¹¹. При всем предпочтении исследованиям по актуальным проблемам современности ВНАВ и его журнал «Новый Восток» отдавали должное успехам классической школы востоковедения. Как упоминалось выше, в первом номере журнала были опубликованы статьи профессоров В. Гордлевского, Л. Мсерианца, А. Захарова, В. Викентьева, относящиеся к вопросам санскритологии, истории хеттов, Древнего Египта. Журнал приветствовал возобновление выпусков «*Mélanges Asiatique*», «пользовавшегося заслуженной популярностью среди ориенталистов как России, так и Запада»¹¹². В следующих номерах журнала «Новый Восток» появились статьи С. Ольденбурга, В. Бартольда и других ученых старой академической школы.

Ассоциация провела большую работу с целью «достойным образом отметить знаменательный юбилей 100-летия дешифровки иероглифов Шампольоном»¹¹³. В августе 1922 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд египтологов, с докладом на котором, в частности, выступил профессор В. В. Струве.

Но нельзя сказать, что между двумя школами востоковедения отношения отличались исключительной гармоничностью. Бурная историческая эпоха, ломка устоявшихся приемов в науке (иногда излишне страстная и не без левацких изъятий), поиски новых форм исследовательской работы и педагогики, частые реорганизации — все это, несомненно, отрицательно сказывалось на взаимоотношениях представителей двух поколений, двух школ, двух направлений в востоковедении. В 20-х годах полемика по актуальным вопросам науки, по поводу реорганизации и создания учебных заведений, а также новых публикаций отличалась особой страстностью, иногда непримиримостью и, к сожалению, излишней резкостью.

Переезд правительства в Москву в марте 1918 г., естественно, сказался на государственной, политической, культурной и научной жизни. Именно здесь, в столице, определялись актуальные в политическом отношении задачи науки, и именно в Москве быстрее и легче, чем в любом другом научном центре, удалось

создать целую систему новых востоковедных исследовательских и учебных заведений. За Петроградом сохранился приоритет в том научном направлении, которое, как уже говорилось, получило определение как классическое востоковедение.

В востоковедной литературе установилось мнение, что для дореволюционной ориенталистики характерна недооценка изучения современных вопросов. Это мнение не совсем справедливо. Университетская профессура и ученые Академии наук не делали предметом исследования политические проблемы своего времени, практические вопросы дня. В этой аполитичности, в уходе в средневековье, в область филологии, возможно, косвенно проявлялось их стремление избежать участия в колонизаторской политике царизма.

Хорошо известно острокритическое отношение многих дореволюционных востоковедов к политике русского самодержавия. Так, один из ведущих ученых-востоковедов, В. В. Бартольд, еще в 1912 г. писал о царском правительстве: «. . .редко какое правительство вело такую упорную борьбу с наукой и вызывало против себя среди ученых такое единодушное негодование, как наше». Как правильно, на наш взгляд, подметил Н. М. Акрамов, дореволюционные русские востоковеды решительно противостояли желанию царского правительства «превратить русское востоковедение в „служанку самодержавия“, заставить востоковедов выступать в неблагоприятной роли пропагандистов и трубадуров реакционной политики и идеологии»¹¹⁴.

М. Павлович справедливо считал, что «русское востоковедение при старом режиме находилось в трагическом положении». В своей программной публикации «Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения» он приводит авторитетное свидетельство. «Молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу страны,—рассказывает известный ориенталист В. Бартольд в интересной статье „Россия и Восток“, напечатанной в „Русской мысли“ (1915 г., август),—встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки»¹¹⁵. Однако это ни в коем случае не означало, что ученые Академии наук и университетская профессура недооценивали это направление.

Позволю себе привести большую выдержку из «Записки группы русских востоковедов» о проекте «Практической Восточной Академии», подготовленном царским министерством торговли и промышленности. Авторы записки — группа ведущих востоковедов (академики В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург; профессора Н. И. Веселовский, А. И. Иванов, Ф. И. Щербатской; приват-доценты В. Л. Котвич, И. Ю. Крачковский, А. Д. Руднев) — резко критиковали проект. Ученые писали: «Составители проекта убеждены в несовместимости „теоретической школы востоковедения“ с „практической школой языка“. С этим можно согласиться, поскольку речь идет о возложении на научную школу узкопрактических (в государственной жизни — узковедомственных) задач и о стремлении быстрее достигнуть практических результатов в ущерб теоретической подготовке. В остальном расстояние между наукой и жизнью с развитием культуры не увеличивается, а сокращается... Ученые — историки и археологи — знают, что для понимания прошлого страны необходимо знакомство с ее современной жизнью. Столь же известно, что при разрешении практических вопросов имеет преимущество тот, кто выступает во всеоружии знания»¹¹⁶.

Тот факт, что востоковеды старшего поколения продолжали и после революции заниматься прежней тематикой, т. е. памятниками культуры, классическими языками, говорит только о том, что «при всем своем желании идти новыми путями, пользоваться марксистской методологией наши востоковеды зачастую недостаточно еще подготовлены»¹¹⁷.

Это и явилось основной причиной того, что созданная в середине 1921 г. Коллегия востоковедов при Азиатском музее (которая должна была после обсуждения давать заключение по всем вопросам, касающимся изучения Востока и преподавания востоковедных дисциплин) не смогла сыграть активной роли в подготовке учебных программ и пособий, учебников, в разработке методики преподавания живых восточных языков, в изучении современных проблем, новой и новейшей истории и экономики.

Вместе с тем факты убеждают, что ведущие востоковеды-академики сделали немало в деле распростра-

нения востоковедных знаний, в работе издательств, в реформах народного образования.

В докладе «Восток и Запад в советских условиях» академик С. Ф. Ольденбург говорил: «Все мы знаем, какую громадную, коренную перемену в нашем научном мировоззрении произвела Октябрьская революция. Причина этого лежит в совершенно новой целевой установке научной работы, в новом понимании задач самой науки — в теснейшем сближении ее с жизнью»¹¹⁸.

Востоковеды понимали, что дореволюционные ориенталисты неоправданно ограничивались узкой тематикой, делая предметом исследований только филологию и историю. При этом ученые почти не занимались «современностью, разве что в области языка, фольклора и отчасти быта. Эта особенность коренится в старом, дореволюционном у нас, а на Западе и поныне широко распространенном среди представителей общественных наук взгляде, что современность не может быть настоящим образом научно изучаема вследствие невозможности относиться к ней с должной объективностью»¹¹⁹. То же относится и к вопросам экономики. И этот недостаток хорошо сознавали ученые Академии наук и профессура вузов. Но для перестройки работы, планов научно-исследовательской деятельности требовались и время, и кадры иной научной подготовки. Это и объясняет, почему почти одновременно были созданы Коллегия востоковедов и ВНАВ, журналы «Восток» и «Новый Восток».

В 1921 г. ученые Петрограда обратились к В. И. Ленину с «Запиской русских ученых о мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы»¹²⁰. Составлена она была А. Е. Ферсманом, а поправки в нее были внесены В. А. Стекловым и М. Горьким.

27 января 1921 г. Владимир Ильич принял вице-президента АН СССР В. А. Стеклова, неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга, начальника Военно-медицинской академии В. Н. Тонкова и Максима Горького¹²¹. На этой встрече обсуждались вопросы организации науки в стране и международных связей, постановки научной информации, налаживания издательской работы, материального обеспечения ученых. Насколько внимателен был глава правительства

«к вопросу обеспечения научно-исследовательской работы в Советской республике» и нуждам ученых и насколько оперативно решались эти вопросы, можно судить по записи, опубликованной в 1927 г.: «В. И. Ленин говорил по телефону с Н. П. Горбуновым о проектах трех профессоров. Ускорить, чтобы в субботу (т. е. через день. — А. Б.) рассмотреть на Малом Совнарком»¹²².

Следует отметить, что в бурные годы перестройки всей системы народного образования, создания новых вузов, исследовательских учреждений Академия наук, особенно ее гуманитарная часть, перестраивает свою работу несколько медленнее, как бы идя за событиями, с трудом находя основные направления своей научной деятельности. Быть может, исключение составляла энергичная и целенаправленная работа академика Н. Я. Марра по созданию Академии материальной культуры и археологических учреждений на местах. Искренне стремились сотрудничать и внесли большой вклад в становление советской науки академики С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд и др. В созданном по инициативе М. Горького издательстве «Всемирная литература», как видим, изъявили желание сотрудничать почти все ведущие востоковеды Петрограда и Москвы. Значительно расширился численный состав сотрудников Азиатского музея — академического научно-исследовательского учреждения. В 1921 г. при Азиатском музее основывается Коллегия востоковедов, призванная, по мысли ее создателей, объединить и возглавить академические востоковедные силы. В 1922 г. основывается журнал «Восток». Правительство выделило валюту на покупку востоковедной литературы за рубежом, помогло установить контакты для налаживания книгообмена. В чрезвычайно тяжелые 20-е годы Академии были выделены средства и бумага на публикацию книг. Так, в 1921—1922 гг. было выпущено 39 изданий по математике и естественным наукам и 11 — по востоковедению. Но, вероятно, будет правильным сказать, что академическое востоковедение не успевало за бурным развитием науки тех лет.

Итак, 20-е годы — переломные в истории советской науки — ознаменовались острой идейной борьбой, распространением и внедрением марксистской методо-

логии в научные, и в том числе в востоковедческие, исследования. Одновременно происходил процесс создания новых научных центров и объединений, а также учебных заведений. Принципиально важно, что новые востоковедческие учреждения возникли в Ташкенте, Баку, Тбилиси, Ереване, Казани, Уфе и других городах Советского Востока.

Наследуя лучшие традиции дореволюционной науки, советское востоковедение, обогащенное марксистско-ленинской методологией, новыми идейно-политическим содержанием и методикой исследования, поставлено на службу дружбе народов, миру и социальному прогрессу.

¹ В. И. Ленин. Товарищам коммунистам Туркестана.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 304.

² В. И. Ленин — А. А. Иоффе. 13 сентября (1921 г.— Т. 53, с. 190.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. IV. М., 1974, с. 252.

⁴ «Новый Восток». 1922, № 1, с. 403.

⁵ С. Ф. Ольденбург. Восток и Запад в советских условиях.— АН СССР. Доклады на Чрезвычайной сессии в Москве 21—27 июня 1931 г. М.—Л., 1931, с. 3.

⁶ Там же, с. 4, 6, 9, 12.

⁷ См.: «Советское востоковедение». 1958, № 2.

⁸ Первую публикацию по машинописному оригиналу см.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968, с. 571.

⁹ Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. М., 1970, с. 9, 10.

¹⁰ «Народы Азии и Африки». 1974, № 3, с. 221—227.

¹¹ В. И. Ленин. Успехи и трудности Советской власти.—Т. 38, с. 55.

¹² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов ЦК КПСС.— «Правда», 25.VI.1967.

¹³ Справочник Народного Комиссариата по делам национальностей. М., [б. г.], с. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966, с. 738.

¹⁶ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. М.—Л., 1950, с. 7.

¹⁷ Октябрь и научный прогресс. Т. 2. М., 1967, с. 353.

¹⁸ Г. Д. Алексеева. Коммунистическая академия.— Очерки истории исторической науки в СССР, с. 238.

¹⁹ Там же, с. 201.

²⁰ Л. В. Иванова. Институт красной профессуры (1921—1936 гг.).— Очерки истории исторической науки в СССР, с. 227.

²¹ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 204.

- ²² Там же, с. 204—205.
- ²³ Ленин и Академия наук. Сб. документов. М., 1969, с. 6 (Предисл.).
- ²⁴ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. 4, с. 470.
- ²⁵ О. К. Бабышкин. Агафангел Крымский. Киев, 1967, с. 27 (на укр. яз.).
- ²⁶ В 1918 г. А. Е. Крымский переезжает в Киев и вместе с В. И. Вернадским работает над созданием украинской Академии наук.
- ²⁷ Государственный исторический архив г. Москвы, ф. 213, оп. 2, д. 134, л. 2.
- ²⁸ Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945, с. 84.
- ²⁹ Там же, с. 90.
- ³⁰ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы, с. 7.
- ³¹ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, с. 206.
- ³² Речь идет о встречах после Октябрьской революции. Первая встреча состоялась еще в 1891 г. в Петербурге.
- ³³ Ленин и Академия наук..., с. 6 (примеч.).
- ³⁴ Цит. по: там же, с. 27 (примеч.).
- ³⁵ В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920 гг.). М., 1956, с. 32.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII века. Издал и перевел И. А. Орбели. Пг., 1918, с. 79.
- ³⁸ Академия наук СССР. М., 1968, с. 26.
- ³⁹ Первая буддийская выставка в Петербурге. Очерк академика С. Ф. Ольденбурга. Пг., 1919, с. 40.
- ⁴⁰ С. Ф. Ольденбург. АН СССР за десять лет. 1917—1927 гг. Л., 1927, с. 150.
- ⁴¹ Текст афиш приводится в разд. «Документы и документальный иллюстративный материал».
- ⁴² «Новый Восток». 1926, № 5, с. 368.
- ⁴³ См.: «Советское востоковедение». 1958, № 2, с. 21.
- ⁴⁴ «Известия», 10.I.1926.
- ⁴⁵ Там же.
- Автор данной работы не придерживается указанной версии и еще в 1971 г. в статье «За подписью Ленина» писал, что создание востоковедных вузов было органической частью революционных преобразований того времени и было связано с именем Владимира Ильича (Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, с. 5—16).
- ⁴⁶ В некоторых других публикациях приводится название — Восточный отдел издательства «Всемирная литература». Издательство возникло в Петрограде в 1918 г. при Наркомпросе.
- ⁴⁷ Каталог издательства «Всемирная литература». Петербург, 1919, с. 5.
- ⁴⁸ С. Ф. Ольденбург. АН СССР за десять лет..., с. 142.
- ⁴⁹ А. Н. Кононов, И. И. Иорис. Ленинградский восточный институт. М., 1977, с. 22.
- ⁵⁰ Цит. по: Институт востоковедения имени Н. Н. Нариманова. Справочник. М., 1926, с. 11.
- ⁵¹ В упоминавшейся выше работе А. Н. Кононова и И. И. Иорис-

ша приводятся убедительные факты активного участия петроградских ученых «во всех послереволюционных преобразованиях в области востоковедения».

⁵² Н. Я. Марр. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. Отдельный оттиск. Пг., 1918, с. 123.

⁵³ Там же, с. 125.

⁵⁴ «Правда», 21.XI.1925.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 1. Из письма заместителя комиссара по делам армян в Наркомнац.

⁵⁶ «Известия», 12.III.1919.

⁵⁷ С. Т. А л и х а н я н. Ваан Терян. Ер., 1960, с. 98.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Известия», 12.III.1919.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 4об.

⁶¹ Там же, д. 62а, л. 22.

⁶² Институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова, с. 11.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 20.

⁶⁴ Вместе с тем центральные органы Советской власти отнюдь не снижали своего внимания к бывшему Лазаревскому институту, понимая его значение для армянского народа. Параллельно с Центральным институтом живых восточных языков (ЦИЖВЯ), созданным в 1920 г., Армянский институт продолжал функционировать до конца того же года, т.е. до победы Советской власти в Армении, когда в республике начали создаваться высшие учебные заведения и научные учреждения.

⁶⁵ А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт, с. 19.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 30.

⁶⁷ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921, декабрь, с. 18, 20.

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 702, л. 27.

⁶⁹ Там же, л. 134.

⁷⁰ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 18—19.

⁷¹ Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Пг., 1923, с. 35.

⁷² Там же, с. 15.

⁷³ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 20.

⁷⁴ А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт, с. 24.

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 626, л. 68, 68об.

⁷⁶ А. Н. Кононов. Восточный факультет Ленинградского университета.— «Ученые записки ЛГУ». 1960, № 296, вып. 13, с. 24—25.

⁷⁷ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 19.

⁷⁸ Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973, с. 11.

⁷⁹ «Известия», 19.XI.1924 (Некролог).

⁸⁰ И. В. Шубинский. Архив Агафангела Ефимовича Крымского. Киев, 1962, с. 45 (на укр. яз.).

⁸¹ В связи с тем что называют фамилии нескольких ученых, занимавших пост директора ЦИЖВЯ, этот вопрос требует уточнения.

26 ноября 1920 г. на первом заседании педагогического совета ЦИЖВЯ были проведены выборы директора и членов Педагогического комитета. Директором института был избран М. О. Аттая. По истечении срока своих полномочий (избирался директор на полгода) М. О. Аттая в мае 1921 г. просил освободить его от обязанностей директора по состоянию здоровья (ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 702, л. 27).

⁸² «Известия», 19.IX.1924.

⁸³ В 1921 г. заведующим Отделом учебных заведений Наркомнаца был Абуков, директором ЦИЖВЯ — А. Е. Снесарев, зам. директора — А. И. Иванов, комиссаром — А. Т. Гисматуллин.

⁸⁴ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 19.

⁸⁵ «Известия», 29.IX.1921.

⁸⁶ Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 19.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 64, л. 54.

⁸⁸ Там же, л. 54—56.

⁸⁹ Там же, л. 63, 63об.

⁹⁰ Там же, ф. 1235, оп. 38, д. 64, л. 85—87, 88.

⁹¹ Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 703, л. 1.

⁹² Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей..., с. 13—14.

⁹³ Там же, с. 15.

⁹⁴ Справочник Народного Комиссариата по делам национальностей, с. 8.

⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 38, д. 88, л. 70.

⁹⁶ «Новый Восток». 1922, № 1, с. 5, 15.

⁹⁷ «Правда», 22.IV.1957.

⁹⁸ М. А. Ахунова, Б. В. Лунин. История исторической науки в Узбекистане. Таш., 1970, с. 40.

⁹⁹ Б. В. Лунин. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения.— Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963, с. 326.

¹⁰⁰ Там же, с. 328—329, 330, 331, 333.

¹⁰¹ А. Н. Кононов, И. И. Иорис. Ленинградский восточный институт, с. 9.

¹⁰² Востоковедение в Советском Азербайджане. Баку, 1964, с. 17.

¹⁰³ Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душ., 1973, с. 85—86.

¹⁰⁴ Б. А. Литвинский, Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). М., 1971, с. 77.

¹⁰⁵ Очерки истории исторической науки в СССР, с. 738.

¹⁰⁶ Что касается Владивостока, то там развитие востоковедения возобновилось после освобождения советского Приморья в 1922 г.

¹⁰⁷ Даты жизни и деятельности В. И. Ленина.— Т. 45, с. 682.

Воспоминания С. А. Агамали-оглы «У В. И. Ленина» напечатаны в книге «Воспоминания коммунистов Закавказья о В. И. Ленине» (Ер., 1970, с. 276—277).

¹⁰⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1700, л. 1.

¹⁰⁹ «Правда», 21.XI.1925.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ «Новый Восток». 1922, № 1, с. 14.

¹¹² Там же, с. 403.

¹¹³ Там же, № 2, с. 74.

¹¹⁴ Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед

В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душ., 1963, с. 59.

¹¹⁵ «Новый Восток». 1922, № 1, с. 7.

¹¹⁶ О проекте Практической Восточной Академии. (Записка группы русских востоковедов). Пг., 1916, с. 14.

¹¹⁷ АН СССР. Доклады на Чрезвычайной сессии в Москве 21—27 июня 1931 г., с. 3.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, с. 6.

¹²⁰ См. Д. Е. Бертельс. Введение.— Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с. 35.

¹²¹ Эта встреча запечатлена на картине художника В. А. Серова.

¹²² Записки Института Ленина. Т. 1. М., 1927, с. 154.

Это чрезвычайно важное событие в истории становления советской науки описывается в книге «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы» (с. 35—36) следующим образом: 1921. «27 января. Председатель СНК РСФСР В. И. Ленин принял в присутствии А. М. Горького делегатов Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда — неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга, вице-президента В. А. Стеклова и В. Н. Тонкова «по вопросу об обеспечении научно-исследовательской работы в Советской республике» и направил представленный ими проект в срочном порядке в Малый Совнарком».

Б. В. Лунин

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Первые послеоктябрьские годы явили собой очень важный этап в истории становления и начального развития востоковедения в таком обширном регионе Советского Востока, как Средняя Азия (входившем с середины 1918 г. в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики — предшественницы союзных республик Средней Азии, возникших в 1924 г. в результате так называемого национально-государственного размежевания).

Для понимания сущности и значения этого этапа необходимо хотя бы кратко напомнить, под знаком каких показателей застали события Великой Октябрьской социалистической революции работу по изучению прошлого и настоящего Средней Азии, проводившуюся силами местных деятелей. Здесь прежде всего надо подчеркнуть ту особенность, что если для Москвы, Петрограда, Казани и других городов центральных областей России первые послеоктябрьские годы были временем начала перестройки издавна сложившейся системы востоковедческой работы, то для Ташкента и всей Средней Азии эти годы были в основном временем начального становления востоковедческих изысканий. И в самом деле. Вплоть до Октябрьской революции Средняя Азия не располагала ни одним специально-востоковедческим учреждением, как не имела ни одного советского высшего учебного заведения.

Это не значит, конечно, что отечественное востоковедение дореволюционного времени не внесло своего, притом реально ощутимого, вклада в изучение Средней Азии. Но основная и решающая часть этого вклада

приходилась на долю ученых-востоковедов, живших вне Средней Азии (В. В. Бартольд, И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов, Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, П. И. Лерх, П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов, В. Р. Розен, П. П. Савельев, А. Н. Самойлович, О. И. Сенковский, Ф. Д. Френ, Н. В. Ханыков и др.)¹. Внимание к изучению истории культуры Средней Азии проявили такие учреждения и организации центра, как Восточный факультет Петербургского университета, Восточное отделение Русского археологического общества, образованный в 1903 г. Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении и др.

Что же касается научно-востоковедческой работы в самой Средней Азии, то она находилась здесь в зародышевом состоянии и осуществлялась преимущественно любителями-краеведами; велась эта работа преимущественно от случая к случаю. Востоковедов со специальной подготовкой здесь насчитывались буквально единицы (безвременно скончавшийся Е. Ф. Каль, М. Ф. Гаврилов, Л. А. Зимин, А. Л. Кун, Н. Н. Пантусов, А. А. Семенов). Представителей научного востоковедения в современном его понимании из среды коренного населения края не было вообще.

Сами востоковедческие изыскания, как таковые, еще не отпочковались от изысканий в сфере археологии, нумизматики, этнографии, антропологии, музейного дела и являлись не более чем элементами общекраеведческой работы, протекавшей к тому же в весьма неблагоприятных условиях колониального режима.

Было бы несправедливо умалять значение первых усилий местных деятелей, среди которых было немало людей, искренне и бескорыстно преданных науке и нередко являвшихся знатоками тех или иных сторон прошлого и настоящего Средней Азии. Среди них выделялись такие знатоки края, как М. С. Андреев, В. Л. Вяткин, А. А. Диваев, Б. Н. Кастаньский, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий, В. П. Наливкин, Н. П. Остроумов, П. И. Пашино, Н. Ф. Петровский, И. Т. Пославский и др.² Со временем в числе их деятельных сотрудников обозначилась первая группа энтузиастов-краеведов из числа коренного населения края

(Абу Саид Махзум, Акрам Аскарлов, Мирза Абд ар-Рахман, Мирза Бухари, Мирза Барат, Саттархан Абдулгаффаров, Хаджи Юсуф и др.)³.

Одна из центральных фигур в среде местных востоковедов — Александр Александрович Семенов (1873—1958 г.), питомец Лазаревского института восточных языков и активный деятель Туркестанского кружка любителей археологии и других научных обществ. Начиная с 1900 г. его служебная и научная деятельность протекала в Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, и ко времени Октябрьской революции он уже считался в ученых кругах Петрограда и Москвы высококомпетентным специалистом по истории ислама в Средней Азии и знатоком восточных (преимущественно таджикско-персидских) рукописей⁴. А. А. Семенову и его соратникам мы обязаны, в частности, плодотворной работой по собиранию и сохранению (а частично и по описанию) восточных рукописей⁵, составлению русско-узбекских, русско-таджикских и других словарей и разговорников.

Элементы научно-востоковедческой работы наблюдались в деятельности местных научных обществ⁶, особенно Туркестанского⁷ и Закаспийского⁸ кружков любителей археологии, чья деятельность пользовалась поддержкой таких видных востоковедов, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. Р. Розен и др.

И все же, как уже говорилось, до Октябрьской революции дело не выходило за рамки скромных начинаний и ограниченных возможностей небольшой группы энтузиастов-краеведов главным образом из служилой среды того времени (учителя, агрономы, военные и др.). Достаточно напомнить, что в Средней Азии вплоть до революции не было ни одного научно-гуманитарного учреждения на государственном бюджете.

В общем же в Средней Азии уже до революции в известной мере сложились некоторые из основных направлений научно-востоковедческой работы в широком ее понимании (собрание, описание и издание письменных источников, эпиграфического и нумизматического материала, проведение археологических рекогносцировок и небольших раскопок, осуществление антропологических и этнографических наблюдений и пр.). Однако деятельность некоторых местных востоковедов часто несла на себе печать дилетантства и свойственно-

го ему стремления ограничиваться накоплением первичных фактических данных, избегая широко поставленных исследований и обобщений или, наоборот, прибегая к последним без достаточных к тому оснований. Изданию обобщающих работ препятствовали и недостаточность материалов, и нерешенность многих научных проблем.

Таким образом, именно после свершения Октябрьской революции в Средней Азии начался процесс становления советского востоковедения. Процесс этот протекал при активной и неослабной моральной и материальной поддержке местных и центральных правительственных органов, что соответствовало предначертаниям ленинской национальной политики Коммунистической партии.

При этом было совершенно очевидно, что предпринимать широкие меры по развитию востоковедения, как и всех других отраслей науки, в условиях Средней Азии невозможно без организации систем высшего образования для подготовки квалифицированных кадров (из среды коренного населения региона) в сфере естественных и гуманитарных знаний.

Здесь уместно напомнить, что вопрос об открытии в Средней Азии высшего учебного заведения поднимался в научных кругах страны и в среде прогрессивно настроенной интеллигенции края задолго до Октябрьской революции. В 1902 г. С. Ф. Ольденбург высказал мнение, что «Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности русской ученой школы на Востоке» (подобно французской школе крайнего Востока)⁹. Мысль эта нашла положительные отзвуки в печати. В. В. Бартольд, «вполне сочувствуя» идее создания высшей востоковедной школы в Ташкенте, выразил, однако, глубокие сомнения в реальности такой возможности для того времени из-за отсутствия «в наличности условий, необходимых для ее осуществления», и прежде всего достаточного количества на местах «серьезных научных сил». Бартольд подчеркнул также, что деятельность проектируемого ташкентского учебного заведения «должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами». Без всего этого «ученая школа востоковедения едва ли осталась бы на высоте своей задачи»¹⁰. Для коммерче-

ских же целей более целесообразно и легче осуществимо учреждение соответствующего училища с преподаванием восточных языков¹¹.

В 1903 г. Ташкентское отделение Петербургского общества востоковедения разработало проект Положения об Институте восточных языков в Ташкенте, но дальнейшего развития вопрос не получил. Впоследствии возобладала точка зрения о целесообразности организации в Ташкенте высшего учебного заведения университетского типа с различными факультетами, в том числе историко-филологическим, а возможно, и восточным¹². В 1917 г. казалось, что хлопоты С. Ф. Ольденбурга в этом направлении и его тогдашняя близость к ведомству просвещения Временного правительства приблизили дело создания высшего учебного заведения к практическому разрешению¹³. Но этого не случилось, и реальных последствий оно не имело.

И только после победы Октябрьской революции молодая Советская власть незамедлительно приступила к созданию системы высшего образования в Средней Азии. Уже в ноябре 1917 г. III краевой (Туркестанский) съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов указал на необходимость учреждения в Ташкенте высшего учебного заведения.

В феврале 1918 г. в Ташкенте возникло Общество ревнителей высшего образования, деятельность которого, к сожалению, крайне скупо освещена в литературе. В состав Общества вошли местные силы — инженеры, агрономы, экономисты, юристы, врачи и педагоги, в том числе «несколько человек профессуры и преподавателей высших школ, заброшенных судьбами революции в Туркестан»¹⁴.

18 марта 1918 г. последовал приказ Совета Народных Комиссаров Туркестанского края за № 48: «Поручить комиссару по народному образованию немедленно организовать Народный университет и принять все меры к открытию высшего политехнического института в Ташкенте. Для этой цели отпустить на первое время два миллиона рублей, а под помещения означенных учебных заведений предоставить военное училище и дворец бывшего князя Николая Константиновича Романова . . . Все издержки . . . произвести за счет торговых оборотов национализированных хлопка,

нефти и угля»¹⁵. 30 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанского края издал за подписью своего председателя большевика Федора Колесова декрет следующего содержания: «На революционную демократию в настоящее время возлагается тяжелая и ответственная задача организовать хозяйственную жизнь на новых началах. Рабоче-крестьянское правительство (Совет Народных Комиссаров Туркестанского края), возглавляемое революционной демократией края, ассигнует 10 млн. руб. в специальный фонд на устройство демократического высшего учебного заведения политехнического типа на следующих условиях преподавания: 1) преподавание должно быть даровое . . . 2) поступление в политехникум должно быть совершенно свободно, без всяких ограничений для всякого, желающего получить высшее, специальное образование, и в первую очередь для членов революционной трудовой молодежи».

Все это было тем более закономерно, что в первые же послеоктябрьские годы обозначилось и быстрое возрастание национального самосознания народов Средней Азии, их интереса к своему прошлому и настоящему, что также учитывалось органами Советской власти в Туркестане. Открытие Туркестанского народного университета состоялось уже 21 апреля 1918 г.

Народный университет был универсальным учебным заведением общеобразовательного типа, еще не высшим учебным заведением, возникшим в ходе осуществлявшейся в то время интенсивной организации в Средней Азии новых образовательных и научных очагов, поисков наиболее целесообразных форм и методов исследовательской работы, начальной борьбы за развитие востоковедческих изысканий на новой методологической основе, подготовки научных кадров из среды коренного населения. Чтобы уяснить в полной мере значение и содержание этой многогранной работы, надо помнить, что становление востоковедения, как и других отраслей гуманитарных знаний, проходило здесь, как говорилось, в особо сложных и трудных исторических условиях вчерашней колониальной окраины Российской империи. На каждом шагу сказывался острый недостаток исследователей со специальной подготовкой. Многие приходилось организовывать заново при весьма ограничен-

ных в те годы материальных возможностях. Тяжкое наследие прошлого сказывалось и в отсутствии на всей огромной территории Средней Азии высших учебных заведений светского характера, да и во многом другом.

В ходе бурных событий Октября, когда Средняя Азия стала ареной упорных боев за победу Советской власти (внутренняя контрреволюция, включая инспирируемое извне басмаческое движение, иностранная интервенция в Закаспии и пр.), заглохла деятельность и тех немногочисленных научно-краеведческих обществ, которые с трудом поддерживали здесь свое существование до революции. И дело было не столько во временно возникших трудностях, а прежде всего в том, что социалистическая революция несла с собой во многом новые задачи научной работы, решение которых в старых организационных и особенно методологических рамках было, естественно, невозможно.

Тем более знаменательно, что в труднейшей обстановке тех лет Советская власть в Туркестане принимала самые энергичные меры к тому, чтобы поставить на новую, прочную и широкую основу изучение прошлого и настоящего Средней Азии и сопредельных с ней местностей. Востоковедческой работе отводилось при этом большое и почетное место. К чести той небольшой группы ученых и специалистов, которые вели эту работу в дореволюционной Средней Азии, надо сказать, что они, за редчайшим исключением, сразу же включились в проводимую органами Советской власти работу по организации новой системы научной и учебной работы, отдавая этому делу все свои знания и опыт.

Так, в докладной записке на имя В. И. Ленина (содержавшей характеристику и оценку деятельности компартии Туркестана) один из посланцев ЦК партии в Туркестане, видный большевик П. А. Кобозев¹⁶, указывал на наличие в крае весьма сильной беспартийной группы русских интеллигентов: ученых, учителей, врачей, инженеров. Значительная часть их связала свою деятельность с Туркестанским народным университетом. И, по словам П. А. Кобозева, «эта группа не саботировала Советскую власть никогда и энергично помогала и после того¹⁷ и сейчас помогает Советской власти и Коммунистической партии»¹⁸. Другим примером энергичного участия местных востоковедов в советском

культурном строительстве может служить деятельность известного самаркандского востоковеда В. Л. Вяткина, выпустившего в свет «Учебник узбекского языка для русских школ», книгу для чтения «Товарищ» (Самарканд, 1918; арабская графика) и свою работу из истории Каршинского округа¹⁹.

В осуществлявшихся в Москве и Петрограде подготовительных работах к открытию в Ташкенте университета с историко-филологическим и восточным факультетом в качестве одного из посланцев Туркестанской республики самое деятельное участие принимал востоковед А. А. Семенов. В Москву он был командирован Совнаркомом ТАССР 25 апреля 1918 г. в составе специальной комиссии. Пребывание в Москве и Петрограде он сочетал с большой научной работой и в мае 1919 г. по рекомендации Восточного факультета Петроградского университета был избран профессором кафедры персидской словесности историко-филологического факультета организовавшегося тогда университета в Ташкенте, куда и вернулся в январе 1920 г. с первым же университетским эшелоном, «везшим профессоров, приборы, книги и проч.», с тем чтобы вновь посетить Москву и Петроград по делам университета и окончательно возвратиться в Ташкент в августе 1920 г. с так называемым вторым университетским эшелоном²⁰.

Принято считать, что первым высшим учебным заведением в Средней Азии явился отметивший в 1980 г. свое 60-летие Туркестанский государственный университет в Ташкенте, учрежденный согласно подписанному В. И. Лениным декрету Совнаркома РСФСР от 7 сентября 1920 г. (ныне Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина)²¹.

Университет действительно явился первым крупным и многогранным по своему учебному профилю высшим учебным заведением, родоначальником высшего образования в Средней Азии²². Однако ко времени его организации у него был предшественник — высшее учебно-востоковедческое заведение Туркестанский восточный институт в Ташкенте (ТВИ), возникший уже в 1918 г., что свидетельствовало об огромном внимании органов молодой Советской власти в Туркестане к научно-востоковедческой работе²³.

Инициативная группа по организации института была создана приказом Народного Комиссариата просвещения Туркестанской АССР 16 октября 1918 г.

Одним из основных инициаторов создания ТВИ был казах Мухаммед Али Кучербаев (В. Н. Кучербаев) — питомец Туркестанской учительской семинарии и преподаватель русско-туземной школы в Хиве²⁴. Наряду с М. С. Андреевым, А. А. Гаррицким, П. Е. Кузнецовым, А. Ф. Машковцевым и др. он вошел в состав инициативной группы. «Изучение Востока,— гласила докладная записка группы,— наиболее целесообразно именно здесь, в стране, являющейся частью этого Востока и окруженной составляющими его странами, где на каждом шагу встречаются исторические памятники, допускающие почти наглядное изучение истории. Здесь сложились редкие и заманчивые условия, которые уже сами по себе являются в некоторой степени гарантией успеха организуемого дела. Кроме того, местный Восточный институт привлечет к себе значительно более широкий круг лиц, чем это могли сделать столичные учебные заведения»²⁵.

Инициативная группа разработала проект Положения об институте со статусом его в качестве самостоятельного специального высшего учебного заведения, находившегося в ведении Наркомпроса Туркестанской АССР и приравнивавшегося к факультету восточных языков Петроградского университета с четырехлетним курсом обучения. Положение об институте так определяло его задачи: научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых-востоковедов и практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных.

Забота органов Советской власти Туркестана о развитии научной работы в сфере востоковедения и в деле подготовки квалифицированных востоковедческих кадров была глубоко закономерной. Вступала в свои права новая жизнь. Быстро пробуждался интерес ранее жестоко угнетенных масс коренного населения к познанию прошлого и настоящего своего края и сопредельных с ним стран Востока. Новые условия общественной жизни быстро умножали и потребность в спе-

циалистах, хорошо владеющих восточными языками, способных успешно трудиться в различных областях политической, народнохозяйственной, торгово-экономической, дипломатической, культурной областях жизни советского Туркестана. Дело, естественно, не могло ограничиваться, как это имело место раньше, в условиях колониального режима, скороспелой подготовкой минимального количества практических переводчиков, призванных обслуживать сферу деятельности администрации, торговых операций и т. п. Было совершенно очевидно, что горсточка квалифицированных востоковедов-специалистов, «унаследованная» Туркестаном от дореволюционного времени и поставившая свои знания на службу освобожденному народу, чем дальше, тем меньше будет способна удовлетворять возрастающие запросы востоковедной работы в ее многогранных аспектах. Нужно было воспользоваться богатыми знаниями, широкой востоковедческой эрудицией этой группы старых специалистов, чтобы с их помощью подготовить молодые кадры востоковедов, в том числе из среды коренного населения края, кадры, способные, в частности, вести научно-востоковедческие изыскания и преподавательскую деятельность на идейной основе марксизма-ленинизма.

Осуществляя мероприятия в этом направлении, Коммунистическая партия Туркестана (а затем Коммунистическая партия Узбекистана) и Советское правительство полностью следовали линии, принятой партией большевиков, В. И. Лениным в масштабе всей страны. Известно, что именно с В. И. Лениным были связаны первые практические шаги по развитию советского востоковедения. Под этим углом зрения характерно, что в 1918 же году (когда возник Туркестанский восточный институт в Ташкенте) Восточный институт был образован в Киеве, а в Харькове был открыт техникум востоковедения²⁶.

В ноябре 1918 г. Туркестанский восточный институт был открыт²⁷. Начатое дело в краткий срок увенчалось успехом: 25 ноября 1918 г. началось чтение лекций в предоставленном для института национализированном доме, где ранее помещалось ташкентское отделение торгово-промышленной фирмы «Проводник»²⁸.

Так в условиях нового общественного строя сама

жизнь быстро и радикально решила вопрос, который за многие годы колониального режима не мог найти своего решения.

«С учреждением. . . Туркестанского восточного института,—констатировал А. Э. Шмидт,—оно (востоковедение в Средней Азии. — *Б. Л.*) вновь пробуждается к жизни. . . Институт не только объединил все местные востоковедные силы, но и привлек новые силы из центра»²⁹.

На первый курс института были зачислены 234 человека, из них 148 (63%) — на полное четырехгодичное обучение и 86 (37%) — на «неполный курс наук». 11% слушателей имели высшее образование, 51% — среднее³⁰. Предметами изучения были: Я з ы к и. 1. Восточные: арабский, персидский, китайский, таджикский, узбекский, туркменский, татарский, турецкий, пушту, урду. 2. Европейские: английский, немецкий, французский³¹. Г е о г р а ф и я Туркестана (включая Бухару и Хиву), Афганистана, Индии, Персии, Восточного Туркестана. Э т н о г р а ф и я сартов, узбеков, киргизов, казахов, каракалпаков, персов, афганцев. И с т о р и я Средней Азии, ислама. Ю р и с п р у д е н ц и я: мусульманское право, энциклопедия права. Д о п о л н и т е л ь н ы е п р е д м е т ы: археология, нумизматика, практикум восточных почерков. Начиная с третьего курса студентам предоставлялась возможность специализации либо по языкам тюркской группы, либо по иранской филологии, либо по исламоведению и арабской филологии.

Первым руководителем института стал известный этнограф-туркестановед М. С. Андреев³², а его преемником — крупный ученый-исламовед А. Э. Шмидт³³.

К началу 1922/23 учебного года в институте было 210 студентов, причем уже примерно 16% общего числа слушателей были выходцами из среды коренного населения края. Преподавательский состав включал 5 профессоров, 21 преподавателя, нескольких лекторов и практикантов. Первоначальное ядро профессорско-преподавательского состава образовалось преимущественно из местных востоковедов, среди которых были глубокие знатоки края, хорошо владевшие языками коренного населения Средней Азии и сопредельных стран. Так, М. С. Андреев вел курсы персидского язы-

ка, этнографии таджиков, исторической географии Афганистана, Н. Э. Вундцеттель³⁴ — истории древнего Востока, А. А. Диваев³⁵ — киргизского языка и этнографии киргизов, П. Е. Кузнецов — узбекского языка, Н. Г. Маллицкий³⁶ — этнографии узбеков, географии Западного и Восточного Туркестана, Б. А. Пестовский — китайского языка, А. В. Панков — истории киргизского народа, А. С. Семенов — иранской филологии, персидской литературы и языка. Позднее начали преподавательскую деятельность в институте И. И. Умняков³⁷ (история мусульманского Востока), А. Э. Шмидт (исламоведение, мусульманское право, мусульманская экзегетика и догматика, история арабской литературы, арабский язык), П. А. Фалев (тюркская литература и филология, киргизский язык) и др. Специальные курсы читали одновременно В. В. Бартольд, И. И. Зарубин, С. Е. Малов и др.³⁸ В педагогический состав института входили также преподаватели узбекского языка (Бадал Кариев), татарского (Абдурахман Саади), персидского (Мирза Ибрагим и Мирза Тагиев) и др.

Институт подготовил и выпустил в свет литографированные и стеклографированные учебные пособия и издания текстов для чтения на узбекском, персидском и арабском языках: 1) «Термакитаб» (из хрестоматии В. П. Наливкина, на узб. яз., 1919); 2) «Тимур-намэ» (на перс. яз., 1920); 3) «Тути-наме» (на перс. яз., 1920); 4) Рассказ первого дервиша. Из книги «Чаар дервиш» (на перс. яз., 1919); 5) А. А. Семенов. Образцы таджикских официальных документов³⁹ (1922); 6) Отрывки из «Анвар-и-Сухэйли» (Хусэйн Ваиз-Кашефи, 1922); 7) «Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-Хишаму» (1923); 8) «Первенцы счастья. Трактат по вопросам семейного и наследственного права» (Ибн-Аби-Зайд, 1923); 9) «Чанд Хикояти фарси». Рассказы на персидском языке (1924); 10) «Арабская хрестоматия» В. Ф. Гиргаса и акад. В. Р. Розена (1923); 11) Арабско-русский словарь к хрестоматии Гиргаса и Розена (1924)⁴⁰.

Ко дню своего четырехлетия (27 декабря 1922 г.) институт выпустил изданный стеклографическим способом сборник⁴¹. В сборник помимо общего очерка истории института вошли: «Положение о Туркестанском восточном институте применительно к положению выс-

ших учебных заведений РСФСР», «Распределение предметов по курсам на Основном отделении ТВИ», «Программа ТВИ», Список «Профессора и преподаватели ТВИ» и «Условия приема в ТВИ». Издавался институтом и студенческий журнал «Восток»⁴², который на своих страницах призывал: «Будем изучать Восток, строить Восток, помогать ему выйти на путь современных отношений и стать на путь человеческого развития». Эти строки явно соответствовали духу нового, советского востоковедения.

В шестом номере «Востока», посвященном пятилетию ТВИ, отмечалось, что первой и самой важной функцией института являлось «выкачивание из местного населения живой части молодежи, которая, будучи уже сама „восточной“, смогла бы, с одной стороны, познать все многообразие жизни Востока и на основе этих знаний и интуиции легче справиться с теми проблемами, которые возложены историей на Туркестан, как на революционный источник для всего Востока, и, с другой стороны, влиять на ту европейскую часть нашего Института, которая приобщилась к работе для Востока»⁴³.

С 1921 г. успешно функционировал научный кружок ТВИ. Первым его руководителем был И. И. Умняков. Непосредственное отношение к востоковедению имели занятия членов кружка в сфере восточной эпиграфики и описания и издания памятников восточной письменности.

Преподаватели и студенты ТВИ оказали большое содействие работе, возглавлявшейся профессором В. Н. Куном и организованной в 1922 г. при СНК ТАССР научной этнографической комиссии, которая собирала материалы к составлению историко-этнографической карты Туркестана.

Заслуживают также внимания тесные связи ТВИ с Отделом внешней торговли в составе Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана и со среднеазиатским отделением Российско-Восточной торговой палаты, остро нуждавшейся в кадрах, владеющих восточными языками.

При ТВИ функционировала библиотека, в основу которой легла ориентальная часть библиотеки бывшей Туркестанской учительской семинарии. Пополнение

библиотеки шло за счет приобретений у частных лиц и даров. Уже в 1920 г. в ней насчитывалось 5600 томов, включая более тысячи «восточных рукописей на арабском и персидском языках, в том числе свыше 60 на языках народов Средней Азии»⁴⁴.

Необходимо подчеркнуть, что становление и развитие системы преподавания складывалось в обстановке упорной борьбы за построение всей системы обучения и воспитания на основе марксистско-ленинской методологии, против буржуазной идеологии в освещении предусматривавшихся программой предметов по различным востоковедческим дисциплинам.

Положение дел в этом отношении в институте, судя по всему, в значительной мере являлось отражением той обстановки, которая имела место в первые годы Советской власти во всех высших учебных заведениях, особенно гуманитарных, и в частности востоковедческих, а равно и в сфере науки вообще и востоковедения в том числе.

К ТВИ полностью приложимы слова, что «в первые годы после Октября советское востоковедение слагалось еще из различных научных направлений и школ, многие из которых вначале не могли понять и творчески применить учение марксизма-ленинизма. В последующие годы в советском востоковедении стало господствовать марксистское направление»⁴⁵.

Первоначально сложившиеся кадры преподавателей института были представлены квалифицированными специалистами и даже выдающимися знатоками своего дела, о чем уже говорилось выше. Их субъективная честность и преданность делу не оставляли сомнений. Но было бы тщетно искать среди местных представителей старшего поколения востоковедов людей, владевших основами марксистско-ленинского мировоззрения. Это были востоковеды, искренне желавшие приложить свои силы и знания в новых исторических условиях, отдать их на службу народам советского Туркестана, но над ними самими еще довлел груз старой востоковедческой школы, буржуазной идеологии; не надо забывать, что формирование их взглядов, их научного мышления, традиционных представлений о задачах и содержании востоковедческой работы проходило в до-революционных условиях⁴⁶.

Следует отметить, что из среды слушателей Туркестанского восточного института вышел ряд исследователей Средней Азии, приобретших впоследствии широкую известность и признание своими трудами: языковеды А. К. Боровков, И. А. Киссен, Р. Л. Неменова, В. В. Решетов, К. К. Юдахин, историки-востоковеды П. П. Иванов, А. Я. Маджи, Ю. А. Соколов, археолог В. А. Шишкин, этнографы Н. Н. Ершов, А. С. Морозова, В. Г. Мошкова, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. Л. Троицкая, библиографы-востоковеды З. Л. Аминтин-Шапиро, Е. К. Бетгер, писатели Мухтар Ауэзов, М. И. Шевердин и др.⁴⁷

Весной 1924 г. был поставлен вопрос о целесообразности слияния Туркестанского восточного института со Среднеазиатским государственным университетом (с его факультетом общественных наук). После длительного обсуждения данного вопроса было решено «вливать Туркестанский восточный институт в САГУ в качестве самостоятельного факультета»⁴⁸. Структура факультета не подверглась при этом существенному пересмотру. Лишь его практическое отделение было упразднено, и функции последнего перешли к университетскому факультету местного хозяйства и права; кроме того, учебные программы были дополнены некоторыми общественно-политическими дисциплинами, общеобразовательными для всех гуманитарных высших учебных заведений. Присоединение Туркестанского восточного института к САГУ было оформлено постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 16 сентября 1924 г.

Туркестанский восточный институт оставил о себе добрую и долгую память как первенец высшего востоковедного образования и один из ранних очагов научного востоковедения в Средней Азии.

Как писал в связи с четырехлетием ТВИ И. И. Умняков, «за сравнительно короткий период своего существования институт . . . хотя и не мог осуществить крупных проблем научного характера, но и то, что уже сделано, свидетельствует о редких организационных талантах его деятелей и правильно понятых задачах института. Создана библиотека, насчитывающая до 5300 томов и много рукописей по самым разнообразным отраслям востоковедения, собраны ценные архео-

логические и нумизматические коллекции, поставлено на твердую почву преподавание языков, истории, этнографии народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока»⁴⁹.

Организация и деятельность ТВИ сочувственно воспринимались видными востоковедами страны: В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским и др.⁵⁰. В основном Туркестанскому восточному институту, его возникновению и деятельности наука обязана и привлечением к работе в Средней Азии ряда крупных востоковедов страны. Делу помогло и то, что на протяжении первых послеоктябрьских лет востоковеды Ташкента, Самарканда, Ашхабада и других городов Средней Азии поддерживали индивидуальные и коллективные связи с востоковедческими учреждениями и организациями центра, пользуясь их традиционно сочувственным отношением к работе на местах. Среди них следует упомянуть возглавлявшийся В. В. Бартольдом и возникший в 1918 г. Радловский кружок при Музее антропологии и этнографии в Петрограде, еще продолжавшее свою деятельность Восточное отделение Русского археологического общества⁵¹, Коллегию востоковедов Азиатского музея, Туркестанский отдел академической Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), Разряд Средней Азии Российской академии истории материальной культуры (а также ее Туркестанская комиссия), учрежденную в 1921 г. Всероссийскую ассоциацию востоковедения в Москве и др. Некоторые местные деятели поддерживали и личную переписку с В. В. Бартольдом, С. Ф. Ольденбургом и другими известными востоковедами.

Примечательно, что в условиях нового общественно-го строя и при наличии в Средней Азии высшего учебно-востоковедного заведения — ТВИ — очень быстро, как указывалось выше, было положено и начало непосредственному участию востоковедов центра в постоянной работе на территории среднеазиатского региона. Сама жизнь радикально решила вопрос о привлечении кадров высокой квалификации.

Яркой и неизгладимой страницей в истории становления советского востоковедения в Средней Азии является работа здесь трех видных петроградских востоковедов: арабиста А. Э. Шмидта (1871—1939), тюрколо-

га П. А. Фалева (1888—1922), языковеда-полиглота Е. Д. Поливанова (1891—1938).

Раньше всех на работу в Ташкент прибыл А. Э. Шмидт. Он стоял во главе большой группы ученых разных специальностей, приехавших сюда 10 апреля 1920 г. из Москвы и Петрограда специальным эшеленом для работы в создаваемом в Ташкенте университете.

В своих неопубликованных воспоминаниях один из ветеранов в деле организации системы высшего образования в Средней Азии, профессор А. В. Благовещенский, «непосредственный участник первых шагов молодого университета (в Ташкенте)», свидетельствует, что А. Э. Шмидт, крупный специалист в области арабистики, в то же время широко образованный историк и филолог, «глубоко интересовался искусством и литературой и в особенности событиями того времени, какое мы переживали в двадцатых годах и которое его увлекало и волновало. В условиях первых лет социалистической революции в Средней Азии, когда основная масса населения не обладала даже простой грамотностью... советское государство строило высшее учебное заведение, и Александр Эдуардович был всецело захвачен этим строительством. Он был гораздо старше всех остальных, приехавших из Москвы и Петрограда по путевке Ленина, но был полон молодого энтузиазма. . . превосходно владел языками Востока и сразу завоевал себе прочную репутацию среди слоев коренного населения советского Туркестана, тянувшихся к высшему образованию»⁵².

Как писал позднее сам Шмидт В. В. Бартольд из Ташкента, он «здесь очень хорошо и прочно ужился; думаю, что отсюда не уеду; хотелось бы наладить здесь ячейку научного востоковедения, их уж очень мало!»⁵³.

В апреле 1920 г. последовало избрание А. Э. Шмидта профессором ТВИ по кафедре арабской словесности и исламоведения, а 18 декабря 1920 г. — ректором этого института. Затем он был назначен деканом и профессором историко-филологического факультета Ташкентского университета и занимал эту должность с 18 декабря 1920 г. до 31 июля 1921 г. В университете А. Э. Шмидт читал лекции по арабскому языку и словесности, мусульманскому праву и исламоведению

(последние также и на факультете хозяйства и права), в ТВИ — по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской экзегетике и догматике, истории арабской литературы и арабскому языку.

Учениками А. Э. Шмидта в Ташкенте были, в частности, такие изветные в последующем ученые-востоковеды, как Е. К. Бетгер, А. К. Боровков, П. П. Иванов, Е. М. Пещерева, К. К. Юдахин и многие другие.

А. Э. Шмидт был членом Организационной комиссии по созданию военного факультета Туркестанского государственного университета⁵⁴, на котором тоже читались спецкурсы по истории Туркестана, этнографии Средней Азии и т. п. Под председательством А. Э. Шмидта при университете в 1920—1922 гг. функционировало Общество историко-филологических и социально-экономических наук⁵⁵.

А. Э. Шмидт был также членом Совета Туркомстариса, учрежденного 27 ноября 1920 г.⁵⁶. Он являлся участником экспедиции, отправленной в сентябре 1920 г. в Бухару для осмотра памятников старины и искусства и принятия мер к их охране. Одним из итогов экспедиции явился сбор в Бухарском округе многочисленных рукописей и книг для создания в Бухаре библиотеки («рассмотрено около 380 рукописей, в том числе несколько украшенных миниатюрами»)⁵⁷. В 1922 г. А. Э. Шмидт участвовал в экспедиции в г. Туркестан (совместно с А. А. Семеновым, С. К. Орловым и др.), в ходе которой были произведены фотосъемки и архитектурные обмеры мечети Ахмеда Ясеви и приняты меры к ее охране и ремонту⁵⁸.

Вместе с М. С. Андреевым, А. А. Диваевым, Н. Н. Иомудским, В. Н. Куном, Н. Г. Маллицким А. Э. Шмидт входил также в состав научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана при Совнаркомом ТАССР (1920—1921 гг.)⁵⁹.

В период пребывания в Ташкенте А. Э. Шмидт напечатал здесь ряд ценных научных работ, в том числе по своей основной специальности («Как слагалось житие Мухаммеда»; «Идеал мусульманского правителя — наместника IX века. Послание Тахир ибн ал-Хусейна к сыну своему Абдаллах ибн Тахиру», «Мухаммед Абду и его роль в истории прогрессивных течений современного ислама», «Шариат и право водопользова-

ния в Средней Азии», «К истории суннитско-шиитских отношений», «Рукопись третьего тома всемирной истории Ибн-Мискавейха» и др.).

В 1922 г. местный востоковедческий актив подготовил и издал большой сборник работ, посвященный 25-летию со дня прочтения А. Э. Шмидтом его первой лекции (15 января 1898 г.)⁶⁰.

В январе 1923 г. вышел посвященный А. Э. Шмидту специальный номер уже упоминавшегося журнала «Восток»⁶¹.

Питомец Восточного факультета Петербургского университета и ученик В. Д. Смирнова и А. Н. Самойловича — П. А. Фалев (в 1918—1919 гг. — доцент, затем — профессор кафедры османской словесности) был командирован в 1921 г. по линии Центрального института живых восточных языков в Туркестан для изучения языков и быта местного населения.

«Очутившись в Туркестане. . . Фалев как тюрколог не мог не увлечься теми богатыми материалами по специальности, на которые он наталкивался здесь на каждом шагу»⁶². В ТВИ он вел курс тюркской филологии, работал в Туркестанской государственной научной библиотеке, принимал участие в разработке новой узбекской орфографии, живо интересовался эпосом, жизнью и бытом казахов и других народов Средней Азии, состоял членом Государственного ученого совета (ГУС) Туркестанской АССР, был председателем музыкально-этнографической комиссии Научного совета республиканского Наркомпроса и т. д.

В ТВИ Фалев руководил студенческим научным кружком и, по свидетельству современника (слушателя ТВИ Н. А. Бурова), в кружке и на основных занятиях «сообщал много нового относительно тюркских языков», увлекая «целую группу студентов в сторону тюркологии», что было особенно важно, ибо именно тюркологов не хватало тогда в местной ученой среде. Курс лекций П. А. Фалева по тюркской литературе и наречиям был издан⁶³.

Следуя приглашению Совнаркома Туркестанской АССР, П. А. Фалев принял решение об окончательном переезде в Ташкент и выехал в Петроград за семьей, но в пути заразился сыпным тифом и скончался 3 июля 1922 г.⁶⁴. В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский,

И. И. Умняков, А. Э. Шмидт были единодушны в признании того, что ранняя кончина Фалева была «большим ударом для нас (в Петрограде) и также для Ташкента, где на него возлагались особенные надежды»⁶⁵.

С осени 1921 г. началась работа в Ташкенте Е. Д. Поливанова — питомца Петербургского университета и ученика И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы. Прибыв сюда по командировке из центра, Поливанов остался здесь. В августе того же года он был назначен заместителем председателя Ученого совета Наркомпроса Туркестанской АССР. Е. Д. Поливанов сочетал эту работу с преподавательской деятельностью.

Профессор А. В. Благовещенский в своих уже отмечавшихся выше воспоминаниях пишет: «В качестве заместителя декана педагогического факультета (Ташкентского университета.— *Б. Л.*) мне пришлось знакомить студентов с только что приехавшим из Петрограда профессором сравнительного языкознания Евгением Дмитриевичем Поливановым. Введя его в аудиторию, где собрались студенты, и отрекомендовав им их нового преподавателя, я решил и сам послушать [его]. . . Просидел два часа и заслушался: это была совершенно новая для меня область знания, но изложена она была необычайно увлекательно. После этого мне неоднократно приходилось встречаться с Евгением Дмитриевичем по разным делам, и он оказался человеком с огромными знаниями»⁶⁶.

В ТВИ Е. Д. Поливанов вел курсы общего и сравнительного языкознания, общей этнографии, китайского языка и другие спецкурсы, в том числе эпизодический курс о методах собирания лингвистических материалов⁶⁷.

Е. Д. Поливанов положил начало широко организованной работе по изучению узбекских говоров и разработке основ узбекского литературного языка⁶⁸. Значителен и его вклад в решение проблемы латинизации узбекской письменности и — в более широком плане — проблемы создания нового тюркского алфавита.

В научном плане исключительно велики были для своего времени заслуги Е. Д. Поливанова в изучении узбекской грамматики, диалектологии и фонетики, в частности сопоставительной грамматики русского и уз-

бекского языков. С его именем связаны также попытки классификации узбекских народных говоров. Много было сделано Поливановым и для развития лексикологии и лексикографии узбекского языка и осуществления начальных стадий работы по созданию русско-узбекского и узбекско-русского словарей, а также словаря лингвистических терминов.

Особенно широко развернулась научная деятельность Е. Д. Поливанова в последующие годы. Он активно участвовал в научном обосновании так называемого национально-государственного размежевания Средней Азии 1924 г., в организации сбора материалов «по живым говорам Туркестана», разработке истории взаимодействия узбекского и таджикского языков и т. д.⁶⁹.

Примерно год, с марта 1921 по январь 1922 г., в Средней Азии как консультант Наркоминдела РСФСР находился известный советский востоковед А. Н. Самойлович⁷⁰. Он посетил Ташкент и другие города Туркестанской АССР, но наибольшее время и внимание уделил поездке в Бухарскую и Хорезмскую народные республики. Здесь он сочетал функции своей служебной командировки (оказание консультативной помощи полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве, переводы на русский и местные языки ряда важных общественно-политических документов, выступления на митингах и собраниях и др.) со своими научными интересами, знакомясь, в частности, с прошлым и настоящим земельно-водного и вакуфного вопросов, работами С. Айни и других представителей местной интеллигенции, с восточными рукописями⁷¹.

Собранные в 1921—1922 гг. материалы были использованы А. Н. Самойловичем в его последующих работах среднеазиатского цикла⁷². Беседы с А. Н. Самойловичем были очень полезны для встречавшихся с ним местных деятелей на поприще туркестановедения. В 1919—1923 гг. в деятельности местных востоковедов принимал участие арабист М. А. Салье⁷³, читавший, в частности, спецкурсы в ТВИ.

Работы Шмидта, Поливанова, Фалева печатались на страницах выходивших тогда в Средней Азии журналов⁷⁴.

Повседневное общение таких крупных специали-

стов, как Е. Д. Поливанов, А. Э. Шмидт, П. А. Фалев, А. Н. Самойлович, с местной научной общественностью положительно сказывалось на повышении общего уровня научно-востоковедческой работы в Средней Азии в 20-х годах.

Однако первенствующее место в этом плане по-прежнему принадлежало В. В. Бартольд, тесные связи которого с местной научной общественностью установились еще с конца XIX в. и становились с тех пор все более плодотворными. Бартольду принадлежала роль внимательного, благожелательного и вместе с тем взыскательного наставника и опекуна тех, кто подвизался на поприще туркестановедения.

И после Октябрьской революции, на протяжении всего 1918 года В. В. Бартольд неустанно заботился о том, чтобы в трудных условиях первых месяцев нового государственного строя не приостановилась и не ослабла начатая и проводившаяся ранее работа местных деятелей по изучению Средней Азии. По его инициативе Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии выделил денежные средства на продолжение работы Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) или иной «организации, которая бы его заменила»⁷⁵. Археологическая комиссия согласилась с предложением Бартольда иметь в Средней Азии ее представителей в лице Н. П. Остроумова (Ташкент) для северной территории Туркестанской АССР и В. Л. Вяткина (Самарканд) — для южной.

28 декабря 1918 г. возглавлявший тогда бывшую Императорскую (отныне Российскую государственную) археологическую комиссию академик Н. Я. Марр утвердил избрание А. А. Семенова ассистентом Комиссии по секции древнего Туркестана, а 16 сентября 1919 г. по представлению Бартольда же Семенов был избран научным сотрудником I категории вновь образованной Российской Академии истории материальной культуры «для работ по Туркестану»⁷⁶. При активном содействии Бартольда Восточный факультет Петроградского университета рекомендовал (май 1919 г.) А. А. Семенова (находившегося тогда в длительной командировке в Москве и Петрограде) к избранию профессором по кафедре персидской словесности Историко-филологического факультета Туркестанского уни-

верситета в Ташкенте⁷⁷. По представлению В. В. Бартольда было опубликовано описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым⁷⁸.

Отметим, что пример с А. А. Семеновым (далеко не единственный) служит ярким свидетельством научной зоркости В. В. Бартольда, который, внимательно следя за ходом научной работы в Средней Азии, умел замечать всех по-настоящему дельных и способных работников — специалистов и любителей, искренне преданных науке и служивших ей энергично и бескорыстно. Все они пользовались расположением и поддержкой В. В. Бартольда, а когда в том возникала необходимость, Бартольд делал все, что было в его силах, чтобы отстаивать их интересы, создавать благоприятные условия для их работы. Это была подлинно отеческая забота крупного ученого о своих младших коллегах.

Поэтому приметным событием в научно-востоковедческой жизни Средней Азии явилось пребывание здесь в 1920 г. В. В. Бартольда, четырежды посещавшего край до революции, а теперь командированного сюда Академией истории материальной культуры для ознакомления на месте с состоянием памятников прошлого и составления плана их дальнейших исследований⁷⁹, а также Народным Комиссариатом просвещения РСФСР «для организации кафедры истории Востока и чтения цикла лекций по этой дисциплине» во вновь открытом Туркестанском государственном университете в Ташкенте⁸⁰.

Сознавая трудности по тем временам поездки в Ташкент, Бартольд считал, однако, нужным осуществить ее, ибо «о перспективах будущей научной работы в Туркестане можно, конечно, составить себе представление, только побывав там»⁸¹.

По прибытии в Ташкент В. В. Бартольд принял живейшее участие в обсуждении в стенах Туркестанского государственного университета вопроса об организации в нем кафедры истории Востока и кафедры тюркологии⁸². На Историко-филологическом факультете университета он прочитал курс лекций по истории Туркестана, конспект которых был вскоре издан в Ташкенте же⁸³, а в ТВИ — курс лекций по истории мусульманской культуры⁸⁴.

Как писал сам Бартольд 22 октября 1920 г., его лек-

ции проходили «как в университете, так и в восточном институте при переполненной аудитории. Читаю в университете курс по истории Туркестана, в институте — по истории мусульманской культуры»⁸⁵.

Заметим, что по своему содержанию изданный в Ташкенте конспект лекций Бартольда по истории Туркестана выходил за рамки учебного пособия, ибо являл собою, собственно говоря, первую строго научную попытку дать общий обзор исторического прошлого народов Туркестана с древнейших времен до XIX в., основанный преимущественно на долговременных изысканиях самого автора, и, кроме того, содержал «новый материал по некоторым частным вопросам»⁸⁶. В библиографическом и историографическом плане курс лекций по истории Туркестана примечателен тем, что он представлял собою экстракт итогов многолетних исследований В. В. Бартольда по изучению историко-культурного прошлого Средней Азии, во многом отражая тем самым уровень знаний в этой сфере, достигнутый к началу 20-х годов.

14 ноября 1920 г. на первом публичном заседании научного общества при гуманитарных факультетах университета В. В. Бартольд прочитал широкой аудитории доклад о ближайших задачах изучения Туркестана⁸⁷. В этом докладе он отметил, что «для изучения населения Туркестана, его современной жизни и его прошлого до сих пор сделано несравненно меньше, чем предстоит сделать», и «надо надеяться, что в близком будущем Ташкент как университетский город будет обладать силами и средствами для выполнения всяких научных работ, в особенности работ по изучению Туркестана»⁸⁸.

Далее, однако, Бартольд вел речь в несколько суженных рамках, останавливаясь главным образом на задачах в области археологии, изучения архитектурных памятников, топографии древних городов края и отчасти на задачах этнографического характера, оговаривая, что он не касался в своем докладе «научных задач, доступных только специалистам-лингвистам, филологам и историкам». Выполнение этих задач зависит «от постановки преподавания востоковедения в [Ташкентском] университете»⁸⁹.

Под этим углом зрения показательны, что основные

положения его доклада не столь уж значительно отличались от его же выступления на данную тему в 1914 г.⁹⁰.

И как по-своему ни широка и глубоко научна была выдвинутая В. В. Бартольдом программа изучения края, она в то же время свидетельствовала о том, что для начала 20-х годов востоковедение в Средней Азии в основном еще не выходило за рамки того понимания задач востоковедческих работ, которое было присуще лучшим представителям академического востоковедения до революции. Между тем сама жизнь уже подсказывала необходимость расширения этих рамок, более широкого включения в них современной тематики и пр.

При всем том доклад В. В. Бартольда был по тем временам очень полезен для определения научно обоснованных ориентиров работы местных деятелей, главным образом на поприще археологии и этнографии.

Участвовал Бартольд и в работах нескольких комиссий Историко-филологического факультета университета: по введению арабского языка в качестве предмета, обязательного для всех слушателей, по выработке цикловой программы туркестановедения и др. 17 ноября 1920 г. Бартольд был избран почетным членом Туркестанского государственного университета в ознаменование его «крупных научных заслуг в области изучения Туркестана и деятельного участия в организации Туркестанского университета»⁹¹.

Во время поездки 1920 г. Бартольд вновь уделил много внимания публичной библиотеке в Ташкенте, судьбу которой он принимал так близко к сердцу на протяжении четверти столетия⁹². Продолжил Бартольд и свое знакомство с местными собраниями восточных рукописей (публичная библиотека в Ташкенте, коллекция рукописей ТВИ, основание которой принадлежало М. С. Андрееву, и др.). При участии Бартольда разрабатывались проекты образования постоянно действующего Туркестанского комитета по делам музеев и охране памятников старины, который и открылся весной 1921 г.

В. В. Бартольд участвовал в экспедиции в Бухару, предпринятой в сентябре 1920 г. с целью осмотра местных памятников старины и искусства и принятия мер к

их охране (помимо Бартольда в состав экспедиции входили Е. К. Беггер, В. Л. Вяткин, П. Е. Кузнецов, Д. И. Нечкин, А. Э. Шмидт)⁹³. Усилиями экспедиции (шедшей по горячим следам бурных событий конца августа — начала сентября, результатом которых явилось свержение власти эмира Бухары и провозглашение Бухарской народной советской республики) было просмотрено, в частности, и сконцентрировано в одном месте около 380 восточных рукописей и около 400 вакуфных документов, а также намечены меры для описания местных рукописных собраний и для скорейших ремонтных работ по историко-архитектурным памятникам⁹⁴.

Позднее, уже после отъезда Бартольда (декабрь 1921 г.), в замураванном и случайно обнаруженном подвальном помещении Бухарского арка были найдены сваленные в кучу рукописные свитки на таджикском языке, оказавшиеся драгоценным в научном отношении архивом канцелярии кушбеги эмира Бухары (77 764 документа, датированных концом XIX — началом XX в.) и частично казикаляна и диванбеги. Это были донесения должностных лиц эмирата, сведения о налогах, поземельных сборах, о назначении и смещении должностных лиц, о волнениях среди дехкан, письма, посылавшиеся из канцелярии в Российское императорское политическое агентство в Бухаре, и другие материалы, продолжающие и сейчас привлекать к себе внимание исследователей⁹⁵.

В истории становления и развития востоковедения в 20-х годах в Средней Азии определенное место принадлежит также еще одному учебному заведению — Военным курсам востоковедения (в последующем — Высшей военной школе востоковедения).

Предыстория курсов насчитывает несколько десятилетий, когда в начале 80-х годов XIX в. в Петербурге последовала организация офицерских курсов восточных языков при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Курсы были призваны готовить офицеров для несения службы в районах Кавказа и Туркестана. Система и программы этих курсов (на них изучались турецкий, персидский и китайский языки) мало удовлетворяли поставленным перед ними задачам, и после русско-

японской войны на смену этим курсам пришли офицерские курсы, открытые во Владивостоке, Тифлисе и Ташкенте. Офицерская школа (бывшие курсы) восточных языков функционировала в Ташкенте с 1 октября 1897 г., прекратив свое существование в годы первой мировой войны⁹⁶.

Однако в 1920 г. Военно-революционный совет Туркестанского фронта признал нужным изучение командным и политическим составом Рабоче-Крестьянской Красной Армии языков и быта народов Средней Азии и народов сопредельных стран. Было сочтено целесообразным организовать в Ташкенте на новых началах Военные курсы востоковедения.

Последовала разработка Положения о курсах, и 24 октября 1920 г. они начали свою деятельность. Преподавательский состав включал в себя и некоторых специалистов-востоковедов бывших офицерских курсов восточных языков в Ташкенте. В 1922 г. курсы были преобразованы в Высшую военную школу востоковедения. Перед курсами стояла задача подготовки военных и военно-политических работников со специальной востоковедной подготовкой, достаточной для самостоятельной научной деятельности, связанной со знанием восточных языков. Курс обучения был трехгодичным.

Среди преподавателей курсов (затем школы) были востоковеды А. Э. Шмидт, А. А. Семенов и др. На курсах поначалу изучались такие учебные предметы, как обществоведение, история культуры, политическая экономика, новейшая история Туркестана, география⁹⁷. В разряде военных предметов велись занятия по тактике, штабной службе, топографии, военно-техническому делу и др.⁹⁸. Через некоторое время последовал отказ «от программы востоковедения в виде мусульманского права и истории мусульманского Востока и были введены следующие курсы: ленинизм, новейшая история, советское строительство, экономика и быт стран мусульманского Востока, исторический материализм, политическое и правовое устройство стран мусульманского Востока, государственное право и международное право».

Заметим, что сейчас хотелось бы мысленно поспорить с составителями программы относительно целесообразности исключения из нее таких учебных дисциплин

лин, как исламоведение, а тем паче истории мусульманского Востока. Но не забудем, что речь шла о времени первых послереволюционных поисков новых задач и путей учебных заведений востоковедного типа. С другой стороны, были совершенно закономерны решения о включении в программу обучения курсов ленинизма и об усилении внимания к проблемам современного устройства, жизни и быта стран Востока.

Помимо программных курсов читались лекции и по текущим вопросам, по различным областям знаний, организовывались военно-научные кружки, в архивах Ташкента велась военно-историческая работа по изучению хода гражданской войны в Туркестане. За время пребывания в Высшей школе слушатели изучали по два восточных языка (узбекский или казахский, персидский-фарси или индостанский-урду), основы арабской письменности, английский язык⁹⁹.

Роль курсов была тем более велика, что они помогали выполнению выдвинутой XII съездом РКП(б) задачи организации национальных формирований Красной Армии.

Летом 1923 г. состоялся первый выпуск слушателей школы — 15 человек («красных военных востоковедов») ¹⁰⁰, в 1924 г. — второй (7 человек).

Запросы жизни привели также к организации в Высшей школе и одногодичных курсов обучения по сокращенной программе (изучение узбекского или киргизского языка, география и история Туркестана и др.) ¹⁰¹.

Острая нехватка учебных пособий побуждала работников школы своими силами готовить, например, хрестоматию по персидскому и узбекскому языкам для первого, второго и третьего года обучения, грамматику персидского, казахского и узбекского языков, разговорники и др.

Силами преподавателей курсов выпускались в свет литографированные (иногда машинописные) работы историко-востоковедного характера, главным образом учебные пособия в помощь слушателям курсов. В качестве примера можно указать на известные нам работы А. А. Гаррицкого и К. Г. Василевского ¹⁰².

Говоря о Высшей военной школе востоковедения и общей истории востоковедения в советской Средней Азии, отмечу, что несправедливо забытыми остаются

имя и деятельность Ивана Дионисьевича Ягелло (1865—1942). Не будучи ученым в строгом смысле этого слова, он сделал очень много для подготовки гражданских и военных кадров, владеющих языками узбекским, персидским, арабским и урду. Он был питомцем 2-го военного константиновского училища, офицерских курсов восточных языков Азиатского департамента МИД, Археологического института в Петербурге и Школы восточных языков в Париже. С 1897 г. нес службу в Ашхабаде и в Ташкенте, возглавляя здесь до 1914 г. офицерские курсы восточных языков, где успешно применял разработанную им картинную систему обучения языкам. В 1920 г. распоряжением М. В. Фрунзе он был отозван из Западно-Сибирского военного округа в Ташкент и получил назначение на должность начальника Военных курсов востоковедения, а в 1924 г. полностью перешел на педагогическую и научную работу.

Составленный им обширный «Персидско-русский словарь» (1908 г.) и «Полный персидско-арабский словарь» (1910 г.) при всех своих недостатках в научном отношении долгое время и вплоть до недавних дней были одними из настольных практических пособий для широкого круга читателей¹⁰³.

В 1926 г. Центральное издательство народов СССР в Москве выпустило в свет работу И. Д. Ягелло «Основные элементы этимологии арабского языка, необходимые для лучшего усвоения других языков мусульманского Востока, и списки наиболее употребительных в таких языках арабских фраз и выражений». Она не была лишена серьезных недостатков, но «списки арабских заимствований в других восточных языках» представляли «известный интерес для лексиколога»¹⁰⁴.

В 1928 г. за многолетнюю плодотворную деятельность по подготовке кадров востоковедов И. Д. Ягелло был удостоен Почетной грамоты Реввоенсовета СССР. В 1930—1933 гг. Ягелло вел преподавательскую работу на Восточном факультете Краснознаменной Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе.

Мы говорили выше о таких основных и характерных очагах молодого советского востоковедения в Средней Азии, как Туркестанский восточный институт и Высшая военная школа востоковедения. Но история становления и развития здесь востоковедения в 1917—1922 гг. была

бы далеко не полной без освещения всех других, прямых или косвенных, направлений востоковедной работы. Нити тянутся от созданных в ноябре 1918 г. при Народном Комиссариате по делам национальностей ТАССР так называемых Организационно-агитационных курсов, преобразованных вскоре в Тюркскую центральную школу партийно-советской работы, действовавшую наряду с Европейской центральной школой партийно-советской работы. В последующем на базе обеих этих школ осенью 1921 г. были образованы Рабоче-дехканский и Рабоче-крестьянский коммунистические университеты, а затем единый Туркестанский (Среднеазиатский) коммунистический университет им. В. И. Ленина (САКУ).

Как и в других учебных заведениях советского Туркестана тех лет, в стенах САКУ и его предшественников шел сложный процесс борьбы за создание центров подлинного марксистско-ленинского характера. Достаточно сказать, что в САКУ преподавательский состав (из-за нехватки кадров новой формации) частично был представлен специалистами старшего поколения, чье общественное мировоззрение было более или менее далеким от марксизма-ленинизма (А. П. Демидов, И. Н. Шастал и др.). С учетом этого к чтению лекционных курсов и лекций по отдельным важнейшим общественно-политическим темам привлекались наиболее опытные и видные партийно-советские работники, такие, как П. И. Кобозев, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе и др.

В этих условиях, естественно, первой заботой учебных центров являлось не столько ведение научно-исследовательской деятельности, как таковой, сколько создание необходимых условий для обучения и воспитания квалифицированных кадров марксистско-ленинской закалки, что стало важнейшей предпосылкой подготовки советских специалистов в сфере обществоведения, способных обеспечить марксистско-ленинский подход в деле становления и развития гуманитарных наук в Средней Азии в условиях нового, советского государственного и общественного строя. Читались в САКУ и спецкурсы по истории Средней Азии.

Кроме того, САКУ становился еще и одним из центров местной научной мысли¹⁰⁵.

В среде преподавательского и слушательского со-

става САКУ было немало лиц, интересовавшихся восточковедной тематикой. Об этом свидетельствуют, в частности, такие факты, как возникновение в стенах САКУ в 1922 г. марксистского научного кружка¹⁰⁶ и потом — на его базе — научной ассоциации для «разработки вопросов философии марксизма, теоретической экономики, научного исследования вопросов истории Туркестана, его экономики и культуры, изучения революционного движения и истории РКП»¹⁰⁷. Не последнее место в сфере научных интересов членов ассоциации занимали вопросы историко-восточковедного характера.

Широко были открыты двери созданного в 1921 г. Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и для подготовки национальных кадров Средней Азии¹⁰⁸. Уже в 1922 г. в многонациональную семью слушателей КУТВ входили узбеки, киргизы, туркмены, уйгуры, и в том числе женщины. В университете были созданы тюркский и персидский секторы для обучения на родных языках. В 1922 г. среди периферийных отделений КУТВ, открывавшихся в восточных районах Страны Советов, было и отделение в Ташкенте (самое крупное). В нем обучались 140 человек, кроме того, 30 человек на специальном женском отделении и 120 на красноармейском отделении¹⁰⁹. К 1923 г. Ташкентское отделение КУТВ выпустило в общей сложности 300 человек¹¹⁰.

В 1922/23 учебном году в университете среди других функционировал кружок узбекского языка. Летняя практика ряда студентов КУТВ осуществлялась в кишлаках Средней Азии. Оценивая в начале 1924 г. работу КУТВ, Хо Ши Мин писал: «Революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самим фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна. Одним из ее первых начинаний было создание Университета народов Востока»¹¹¹.

Делу подготовки кадров помогали и другие центральные высшие учебные заведения РСФСР. В 1921—1922 г. посланцы советского Туркестана являлись слушателями Института красной профессуры (ИКП), факультета общественных наук МГУ и др.

В составе образованного в июле 1921 г. Государственного ученого совета (ГУС) НКП ТАССР действова-

ли узбекская, казахская, туркменская и таджикская научные комиссии, осуществлявшие работу по выпуску научно-популярной и учебно-воспитательной литературы на языках коренных национальностей края¹¹².

В известной степени по линии национальных научных комиссий велась и востоковедная работа. По словам находившегося тогда в Ташкенте А. Э. Шмидта, «национальные научные комиссии при ГУС, естественно, сосредоточили свое внимание главным образом на просветительной работе: на выработке нового правописания, выработке учебной терминологии; издании учебников на местных языках и т. п.; стоит только заглянуть в каталог изданий Туркгосиздата, чтобы убедиться в том, какая в этой области проделана громадная работа. Но, помимо этого, национальные научные комиссии организовывали также сбор этнографических материалов, материалов по народной литературе коренных народностей Туркестана, по восточной музыке и т. д. Трудами сотрудников этих комиссий (А. А. Диваева, д-ра Х. Досмухаммедова и др.) издана, между прочим, целая серия киргизских народных былин. Необходимо отметить и вышедшую в текущем году на киргизском языке работу бывшего председателя ГУС д-ра Х. Досмухаммедова о сингармонизме в киргизском языке»¹¹³.

В 1922 г. в Ташкенте была создана Научная восточная комиссия (НВК), образованная как межведомственный орган Представительств НКВД и Наркомвнешторга РСФСР в Средней Азии и одновременно как Туркестанский филиал Всероссийской ассоциации востоковедения в Москве. Как сообщал 17 мая 1922 г. в своем письме на имя академика В. В. Бартольда председатель НВК Немченко, в ее «состав вошли все местные ориенталисты, экономисты и социологи. В ее задачи входит всестороннее изучение сопредельных Туркестану стран в плоскости, определяющей их нынешнее политическое и экономическое состояние, и постановка проблем и вопросов, возникающих из наших современных среднеазиатских отношений. Главным материалом для работы НВК служат наши архивы, большей частью за последние три года. Но это совершенно не исключает необходимости изучения уже отошедших эпох, влияние которых в строе, быте, политической жизни современной Средней Азии приходится ощущать непрерывно. В

настоящее время НВК подготавливает к печати сборник по Бухаре, который должен быть настольной книгой работника, сталкивающегося с бухарским вопросом. Принять участие в сборнике выразили свое согласие М. С. Андреев, А. А. Семенов, Г. Н. Черданцев (экономист), Ю. И. Пославский, изучающий в настоящее время экономику Бухары, и др.». Немченко просил В. В. Бартольда написать для этого сборника статью «История развития государственной власти в Бухаре (Мавераннахре)»¹¹⁴.

Деятельность НВК остается неизученной. Кроме того, она не получила, по-видимому, широкого развития. Известно, однако, что в ее работе принимали участие А. А. Семенов и другие востоковеды и что намечалось издание по ее линии научных трудов. Именно для них А. А. Семенов написал и сдал в 1922 г. статьи: «Очерк центрального управления Бухары во времена эмиров» и «Очерк провинциального управления Бухары». К концу же 1922 г. по линии НВК были также подготовлены к печати работы И. И. Крылова «Государственные реформы 1921 года в Афганистане», Б. Усатенко-Червонного «Англо-афганский договор 1921 года», И. И. Палюкайтиса «Исторические предпосылки для экономического объединения Хивы, Бухары и Туркестана». Доклады на востоковедные темы читались на заседаниях НВК¹¹⁵.

В 1918—1922 гг. постепенно стал налаживаться и выпуск работ востоковедческого характера. Помимо тех изданий, о которых уже говорилось выше, можно указать на книгу В. В. Русинова «Водоземельные отношения и община у туркмен» (Таш., 1918), работу И. А. Ремеза «Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства...» (Таш., 1922), обратившую на себя внимание В. И. Ленина и включенную им в состав его личной библиотеки¹¹⁶.

В 1920—1921 гг. выходил журнал «Военная мысль», основанный по инициативе и при поддержке М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Так, на страницах этого журнала была напечатана статья Н. С. Лыкошина «Народности Туркестана как военный материал», написанная под углом зрения «привлечения к службе в армии... под красными знаменами всего коренного насе-

ления Туркестанской республики» и с попыткой охарактеризовать в историко-этнографическом плане особенности оседлых и кочевых народностей Средней Азии (1920, № 1), а также статьи Г. Гончаренко «Туркестан как средоточие мировых путей» (1920, № 1), И. Колычевского «Бухара» (1920, № 1), Тер-Погос-Аветисова «Наши экономические взаимоотношения с Бухарой в прошлом и настоящем» (1921, № 2), Л. Геллера «Мировая революция и съезд народов Востока в Баку» (1920, № 1) и др. На страницах отдела «Обзоры» журнала «Военная мысль» в специальном разделе «Иностранная жизнь» печатались статьи и заметки востоковедческого характера¹¹⁷.

Журнал опубликовал также информацию о работе Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана и даже несколько неожиданный для данного журнала «Краткий список деятелей науки и литературы, скончавшихся в течение 1918—1920 гг.». Ценна справка о состоянии военно-архивного дела в Туркестане¹¹⁸. Историки найдут для себя на страницах «Военной мысли» длинный ряд обзоров боевых фронтов Туркестанской АССР (Оренбургского, Закаспийского, Хивинского, Ферганского, Семиреченского и др.), публикации по внутренней жизни Средней Азии и Казахстана¹¹⁹.

Отсутствие на книжном рынке обобщающих новых работ по истории Средней Азии побуждало к осуществлению переводов на местные языки ранее вышедших в свет историко-востоковедческих работ отечественных ученых. Так, Фатих Каримов перевел на узбекский язык книгу С. В. Жуковского (сына известного ираниста В. А. Жуковского) «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие» (Пг., 1915)¹²⁰. Была начата работа и над переводами на местные языки некоторых работ В. В. Бартольда, в том числе его очерка «Культура мусульманства»¹²¹.

Не лишне также заметить, что в 1919—1922 гг. в Ташкенте переиздавались массовыми тиражами работы по Востоку, вышедшие в свет в Москве. Так, в 1919 г. здесь были изданы брошюры Павловича (Мих. Вельмана) «Азия и ее роль в мировой войне» и «Мировая война и борьба за раздел Черного континента» и др.

Особенно отрадно отметить выход на научную арену

историков-востоковедов из среды коренного населения Средней Азии.

Так, в 20-х годах началась плодотворная деятельность одного из первых узбекских историков-востоковедов — Пулата Салиева (1882—1937)¹²². В 1920 г. на узбекском языке в первом номере журнала «Тонг» были изданы его очерки «Бухара в эпоху династии Мангытов», «Индия под игом Англии», статьи «Европейский империализм и проблема Востока» и в 1922 г. в журнале «Инкилаб» (№ 1, 2, 4) — «Английские империалисты на Востоке», «Современное положение на Востоке», «Бадаи иншо» и «Самария», «В мире ислама» и др.

Мухар Бакиров написал на узбекском языке очерк «Туркестанский край с исторической и географической точек зрения» (Таш., 1918; араб. графика), Г. Бектави — очерк «Тюркская [узбекская] школа» (Таш., 1920; араб. графика).

Садриддин Айни в 1920—1921 гг. вначале в газете «Шуълай инкилоб» («Пламя революции»), а затем в виде отдельной книги опубликовал на таджикском языке труд по истории Бухарского ханства под властью Мангытской династии¹²³. Эта работа отличается яркой художественной формой. Автор использовал много исторических документов, а для периода конца XIX — начала XX в. — личные наблюдения. Гневное разоблачение пороков эмирского строя, безжалостной эксплуатации трудящихся масс придало работе серьезное общественно-политическое звучание. Одновременно он пишет на узбекском языке исследование по истории революции в Бухарском ханстве (было опубликовано позднее, в 1926 г.)¹²⁴.

Неоценимым подспорьем в работе востоковедов края являлись богатейшие книжные собрания Туркестанской публичной библиотеки (с 1920 г. — Туркестанской государственной библиотеки, ныне — Государственной библиотеки УзССР им. Алишера Навои).

За полвека своего существования (1870—1920)¹²⁵ библиотека накопила огромный фонд востоковедческой литературы, в чем живейшее содействие оказывали ей видные библиографы и ученые страны, включая, как уже говорилось, В. В. Бартольда¹²⁶. В библиотеке имелся Восточный отдел, возглавлявшийся упоминавшимся выше востоковедом А. А. Гаррицким (Гарлицким) — вы-

пускником Ташкентской офицерской школы восточных языков, а после революции — преподавателем Высшей военной школы востоковедения в Ташкенте. Большую роль в разработке указателей и каталогов востоковедной литературы играл крупный библиограф и историк-краевед Е. К. Бетгер.

Библиотека располагала и собранием восточных рукописей¹²⁷. Если до революции в библиотеке хранилось менее 250 восточных рукописей, то уже к концу 1922 г. рукописное собрание библиотеки насчитывало сотни названий¹²⁸. Тут надо особо отметить, что в 20-х годах силами востоковедов Ташкента и Самарканда осуществлялась немалая по тому времени работа по описанию восточных рукописей из различных местных собраний. Так, А. А. Семенов занимался описанием лицевых рукописей Бухарской центральной библиотеки и составлением общего каталога рукописей ее исторического отдела, готовил к печати описание персидских, арабских и турецких рукописей ТВИ и Фундаментальной библиотеки университета¹²⁹.

Созданию благоприятного научно-общественного климата для востоковедческой работы способствовала деятельность краеведческих музеев. Уже в апреле 1918 г. по декрету СНК Туркестанской АССР в Ташкенте был открыт народный музей¹³⁰ на базе собраний великого князя Николая Романова. К началу 1923 г. в крае насчитывалось уже семь музеев, включая вновь созданные музеи в Фергане, Намангане, Чимкенте. В 1919 г. Туркестанский народный музей (в последующем — Главный среднеазиатский музей), получивший в свое распоряжение одно из лучших зданий Ташкента тех лет — часть Белого дома — бывшей резиденции генерал-губернатора края, развернул экспозицию, в которую входили разделы археологии, истории, этнографии и антропологии Средней Азии¹³¹. Местные востоковеды участвовали в музейном строительстве, используя, в частности, возможности музеев и их краеведческого актива в деле выявления и собирания восточных рукописей.

Активным было и участие группы востоковедов (В. Л. Вяткин, А. А. Семенов, И. И. Умняков, А. Э. Шмидт) в деятельности образованного в мае 1921 г. в составе Наркомпроса ТАССР Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и

природы (Туркомстариса)¹³². И. И. Умняков был одно время ученым секретарем Комитета.

В октябре 1919 г. Президиум ЦИК ТАССР принял постановление об организации Центрального управления архивным делом (Цуардел). Возглавил управление уполномоченный Главархива РСФСР Д. И. Нечкин. Отметим особо, что в составе вновь образованного Туркестанского государственного архивного фонда была создана Восточная секция, включавшая в свои собрания дела казиев и биев, вакуфные документы XVI—XVII вв., документы мусульманских духовных и гражданских учреждений и организаций¹³³.

Оговорим особо, что к началу 20-х годов роль научного центра всей Средней Азии принадлежала Ташкенту — столице Туркестанской АССР. В таких городах, как Ашхабад, Душанбе, Фрунзе (будущие столицы союзных республик советского Востока), еще не было реальных условий и возможностей для широкого развертывания научно-востоковедческой работы. Например, даже возникшее в 1925 г. Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами функционировало первоначально в Ташкенте, где находились такие специалисты-ирановеды, как М. С. Андреев, А. А. Семенов и др.¹³⁴.

И надо сказать, что научная общественность Ташкента достойно выполняла свой интернациональный долг перед всеми народами Средней Азии.

Таким образом, научно-востоковедческая работа в 1917—1922 гг. оставила яркий и заметный след в истории отечественного востоковедения, подготовив почву для последующего быстрого развития востоковедения во всех республиках советской Средней Азии.

¹ См.: В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 427—451.

² Их биографии см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Таш., 1974, а также: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.

³ О них см.: Историография общественных наук в Узбекистане..., с. 66, 69, 96, 119, 333 и сл. О Ходже Юсуфе см.: С. Аминзода, С. Марофеев, Х. Очилов. Хаджи Юсуф (ученый и путешественник). Душ., 1973 (на тадж. яз.).

⁴ См.: Б. А. Литвинский и Н. М. Акрамов. Александр

Александрович Семенов. Научно-биографический очерк. М., 1971; В. В. Бартольд. Александр Александрович Семенов. Curriculum vitae.— «Известия Рос. Академии наук». Сер. VI, 1918, № 14, с. 1491—1492.

⁵ В. В. Лунин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965.

⁶ В. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX в. Таш., 1962.

⁷ В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии).— «Эпиграфика Востока». 1953, VII, с. 46—49; В. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Таш., 1958.

⁸ Б. А. Литвинский. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока.— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР». 1957, вып. 14, с. 157—167.

⁹ «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП) 1902, ч. 340, отд. 4, с. 50.

¹⁰ В. В. Бартольд. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга.— «Туркестанские ведомости», 25.IV.1902 (=В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 9, с. 499—502).

¹¹ В. В. Бартольд. К проекту Восточного института.— «Туркестанские ведомости», 1.XI.1906 (=В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 9, с. 499—502).

¹² Г. Андреев. К открытию университета в Туркестане.— «Туркестанские ведомости», 10(23).XI.1916; Г. Давыдов. О высшем учебном заведении в Ташкенте.— «Известия Туркестанского отдела РГО». Таш., 1917, т. 13, вып. I, с. 4—9 и др.

¹³ В августе 1917 г. в Петрограде была образована комиссия по организации в Ташкенте вуза, на историко-филологическом факультете которого велось бы и преподавание востоковедных дисциплин. В ее состав входили В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург, А. Э. Шмидт и др.

¹⁴ Г. Н. Черданцев. К истории первых лет Туркестанского университета (1918—1922).— «Наука и просвещение». Таш., 1922, № 2, с. 90—91.

¹⁵ «Народный университет», 12.V.1918.

¹⁶ О нем см.: Революционеры — вожаки масс (Сборник). Таш., 1967 (В. П. Билик и В. И. Миеев); «Общественные науки в Узбекистане». 1978, № 7 (Л. К. Шек); «Коммунист Узбекистана». 1978, № 9 (В. В. Лунин), и др.

¹⁷ Имеются в виду события, связанные с так называемым «осиповским мятежом» в Ташкенте в январе 1919 г.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 2920, л. 7; Ишанов А. И. Роль компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Таш., 1978, с. 71.

¹⁹ В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов.— «Известия Среднеазиатского отделения РГО». Таш., 1918, т. XVIII, с. 9—26.

²⁰ См.: Б. А. Литвинский и Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов..., с. 67—76. По свидетельству А. А. Семенова, во время его пребывания в Москве «очень помогали формированию в Средней Азии университета и всегда шли [ему] навстречу

в этом отношении... М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. А. Семашко, Е. И. Калинина» (жена М. И. Калинина) и др. (с. 75).

²¹ Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина. Таш., 1970.

²² См.: Материалы к истории Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Аннотированный библиографический указатель (1920—1966).— «Научные труды ТГУ им. В. И. Ленина». Таш., 1970, вып. 385. Материалы к библиографии, вып. 15.

²³ Б. В. Луни н. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии.— Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 6. М., 1968, с. 336—346.

²⁴ За активную деятельность по организации ТВИ он был избран почетным членом института (ЦГА УзССР, ф. Р-374, оп. 4, д. 35, л. 55).

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 112, л. 3.

²⁶ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 5; А. П. Бази я н ц. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, с. 191.

²⁷ Об истории возникновения и начале деятельности ТВИ см.: Туркестанский восточный институт (1918—1922). Таш., 1922, с. 4—7; Туркестанский восточный институт за первые четыре года своего существования.— «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 112—125; А. Э. Ш м и д т. Востоковедение в Туркестане.— «Новый Восток». 1924, кн. 6, с. 512—514.

²⁸ Туркестанский восточный институт..., с. 5. Сами местные востоковеды видели в ТВИ «молодой очаг научного востоковедения» в Средней Азии, возникший при активной поддержке В. В. Бартольда и других ученых центра (см. Предисловие к кн.: В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927, с. V).

²⁹ А. Э. Ш м и д т. Востоковедение в Туркестане, с. 513.

³⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-34, д. 187, л. 3.

³¹ Языки пушту, урду, немецкий и французский были отнесены к числу необязательных предметов.

³² О нем наиболее подробно см.: Х. Ф. А к р а м о в а и Н. М. А к р а м о в. Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душ., 1973; Н. М. А к р а м о в, Х. Ф. А к р а м о в а. М. С. Андреев-таджикотчи таърихи тоҷикони кӯхистни. Душ., 1977.

³³ Из новейшей литературы см.: Б. В. Луни н. По велению сердца и разума (А. Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте).— «Общественные науки в Узбекистане». 1970, № 8, с. 49—54.

³⁴ О нем см.: {А. П.} Николай Эдуардович Вундцеттель. Некролог.— «Правда Востока», 21.V.1930.

³⁵ О нем см.: Х. Т. З а р и ф о в. Неумолимый ученый и просветитель А. А. Диваев.— «Известия АН КазССР». Серия лит. А.-А., 1948, вып. 6, № 55, с. 74—77 и сл.

³⁶ О нем см.: Л. В. О ш а н и н. Николай Гурьевич Маллицкий.— «Труды Узбекстанского географического общества». Таш., 1948, т. 2 (21), с. 166—170; Б. В. Луни н. Три памятные даты (к 100-летию со дня рождения академика АН УзССР М. С. Андреева, члена-корреспондента АН УзССР А. А. Семенова, профессора Н. Г. Мал-

лицкого).— «Общественные науки в Узбекистане». 1973, № 5, с. 27—29.

³⁷ О нем см.: Б. В. Лунин. Иван Иванович Умняков как ученый-востоковед и общественный деятель.— «История материальной культуры Узбекистана». Таш., 1962, вып. 3, с. 158—168.

³⁸ Прав был старейший туркестановед Н. С. Лыкошин, который, ратуя за организацию в Ташкенте Восточного факультета, высказывал уверенность в том, что, «стоит только категорически решить этот вопрос в положительном смысле, и поднимутся с насиженных мест самые талантливые петроградские профессора и найдут возможность работать здесь заодно с местными знатоками востоковедения» (Н. Лыкошин. Восточный факультет.— «Народный университет». Таш., 10.VI.1918; ср.: Александр Попов. О Восточном факультете.— «Народный университет», 24.VI.1918).

³⁹ Собранных и снабженных составленным А. А. Семеновым словарем, содержащим не только переводы, но и подробное объяснение технических и официальных терминов.

⁴⁰ См.: К издательской деятельности САГУ.— Систематический указатель к изданиям Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина (1922—1956 гг.). Сост. О. В. Маслова. Таш., 1958, с. 7. Издание учебных пособий было делом тем более важным, что работа Восточного института проходила в условиях их резкой нехватки. «Вообще книг мало; так, арабской грамматики нет совсем, и [А. Э.] Шмидту приходится диктовать слушателям свои лекции»,— говорится в неопубликованном письме В. В. Бартольда, читавшего в ТВИ курс истории мусульманской культуры, от 22 октября 1920 г. Н. П. Остроумову (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, папка 1, пакет 28). А. А. Семенов писал 4 февраля 1921 г. В. В. Бартольду: «... в Восточном институте нет никаких книг для классного чтения, и на старших курсах тексты приходится переписывать карандашом на отдельных листах, а затем раздавать для списывания слушателям...» (Н. М. Акрамов. Из неопубликованных писем А. А. Семенова В. В. Бартольду.— «Ученые записки Душанбинского пед. института». Душ., 1970, т. 66, с. 87).

⁴¹ Туркестанский восточный институт... См. также: А. Э. Шмидт. Туркестанский восточный институт за первые четыре года своего существования (1918—1922).— «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 112—125; И. И. Умняков. Из материалов для истории Восточного института в Ташкенте.— «Восток». Студенческий журнал Туркестанского восточного института». Таш., 1923, № 6, с. 3—5.

⁴² «Восток. Студенческий журнал Туркестанского восточного института». Отв. редактор М. И. Швердин. Таш., 1923—1925, № 1—6 (М. И. Швердин—воспитанник института, ныне известный писатель Узбекистана).

⁴³ «Восток». 1923, № 6, с. 2.

⁴⁴ Библиотечное обозрение. Кн. 1. М., 1925, с. 115. В состав библиотеки вошло ценное собрание рукописей Джурабека (В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан.— Сочинения. Т. 8, с. 374). Впоследствии библиотека ТВИ вошла в состав фундаментальной библиотеки САГУ им. В. И. Ленина; ее рукописный раздел был описан А. А. Семеновым.

⁴⁵ Б. Г. Гафуров. Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС.— Материалы первой Все-

союзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Таш., 1958, с. 24.

⁴⁶ Интересные воспоминания слушателей ТВИ Д. Г. Вороновского и Н. Ф. Левицкого воспроизведены в кн.: Р. А. Зарипова. Изучение иностранных языков в Туркестане. Нукус, 1971, с. 98—99, 122—123 и сл.

⁴⁷ Некоторые из них начинали учение в ТВИ и там же его заканчивали, другие завершали учебу уже на Восточном факультете САГУ.

⁴⁸ Присоединение Туркестанского восточного института к Ср.-Аз. университету.— «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета». Таш., 1924, вып. 7, с. 46.

⁴⁹ И. И. Умняков. Из материалов для истории Восточного института в Ташкенте.— «Восток». 1923, № 6, с. 3.

⁵⁰ И. Ю. Крачковский. Туркестанский восточный институт (1918—1922).— «Восток». М.— Л., 1924, кн. 4.

⁵¹ Ср.: Б. В. Луни. Последние годы деятельности Восточного отделения Русского археологического общества и участие в ней академика В. В. Бартольда.— Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979, с. 199—206.

⁵² А. В. Благовещенский. Из воспоминаний о работе в первом университете в Средней Азии. Машинописный экземпляр рукописи. М., 1970, с. 54—55 (за содействие в возможности ознакомления с данной рукописью благодарим М. Е. Массона).

⁵³ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 260, л. 9.

⁵⁴ П. Мансветов. Военный факультет Туркестанского государственного университета.— «Военная мысль». Таш., 1920, кн. I (Издание Туркфронта. Действующая армия. Походная типография), с. 428.

⁵⁵ В. Буш. Туркестанский государственный университет.— «Наука и ее работники». Пг., 1922, № 3—4, с. 45.

⁵⁶ Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.— «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 222.

⁵⁷ «Известия Средазкомстариса». Таш., 1926, вып. 1, с. 27.

⁵⁸ Там же, с. 28.

⁵⁹ Там же, 1928, вып. 3, с. 267—268.

⁶⁰ Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта. Таш., 1923.

⁶¹ Работу в Ташкенте А. Э. Шмидт продолжал до своей кончины 9 августа 1939 г. О нем см.: Архив САГУ, № 3389, д. 2, л. 144.

⁶² А. Э. Шмидт. Проф. П. А. Фалев.— «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 52.

⁶³ Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Лекции, читанные профессором П. А. Фалевым в Туркестанском восточном институте. Таш., 1922.

⁶⁴ Из наиболее подробных публикаций о П. А. Фалеве см.: Б. В. Луни. Жизнь и труды востоковеда-тюрколога П. А. Фалева (к 45-летию со дня смерти).— «Общественные науки в Узбекистане». 1967, № 9, с. 43—48; он же. Павел Александрович Фалев

(К девяти столетию со дня рождения). — «Советская тюркология», 1978, № 5, с. 60—62. Из новейших изданий см.: Библиографический словарь отечественных тюркологов..., с. 274—275.

⁶⁵ Из письма Бартольда Н. П. Остроумову от 5 июля 1927 г. (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, папка 1, пакет 20).

⁶⁶ А. В. Благовещенский. Из воспоминаний о работе в первом университете в Средней Азии. Машинописный экземпляр рукописи. 1970, с. 55.

⁶⁷ «Бюллетень Народного Комиссариата просвещения Туркестанской Республики». Таш., 1923, № 2.

⁶⁸ Поразительно быстро этот выдающийся лингвист-полиглот освоил основы и различные аспекты узбекского языкознания. Уже к 1922 г. относятся его первые публикации в этой сфере: Е. Д. Поливанов. Звуковой состав ташкентского диалекта. — «Наука и просвещение». 1922, № 1, с. 17—19; Тезисы доклада профессора Е. Д. Поливанова о реформе узбекской орфографии. — Там же, с. 13—14.

⁶⁹ См. подробнее: А. А. Леонтьев, Л. И. Ройзензон, А. Д. Хаятин. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова. — Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 7—30.

⁷⁰ Первые его поездки в Среднюю Азию состоялись в 1902, 1906—1908 гг.

⁷¹ Ф. Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович. 1880—1938. — Тюркологический сборник 1974. М., 1978, с. 12.

⁷² См.: Б. В. Лунин. История Средней Азии в трудах А. Н. Самойловича. — «Общественные науки в Узбекистане». 1974, № 7, с. 68—77.

⁷³ См.: Михаил Александрович Салье. — Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. 2. Таш., 1977, с. 111—115.

⁷⁴ А. Н. Самойлович отозвался на выпуск в Ташкенте журналов «Наука и просвещение» и «Инкилоб» («Революция») своими рецензиями («Новый Восток». 1922, кн. 1 и 2).

⁷⁵ ЦГА УзССР. Личный фонд Остроумова (ЛФО), Переписка Бартольда с Остроумовым (ПБО), папка 1, пакет 26. Формально кружок функционировал до начала 1920 г., когда по решению ЦИК Туркестанской АССР от 30 января 1920 г. он был передан в ведение Центрального управления архивами республики для «реорганизации... соответствующим порядком» (ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 210, л. 268). В 1917 г. из печати вышел 21-й и последний выпуск протоколов и сообщений ТКЛА, содержащий в себе несколько публикаций историко-востоковедческого характера.

⁷⁶ Б. А. Литвинский, Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов. Научно-биографический очерк. М., 1971. с. 69.

⁷⁷ Там же, с. 71.

⁷⁸ Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым. — «Известия Рос. Академии наук». Сер. 6, 1918, т. 12, № 18. с. 2171—2202. См. также: А. А. Фрейман. Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской Академии В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. — Там же, № 9, с. 1279—1282.

⁷⁹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443.

⁸⁰ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. — «Из-

вестия Рос. Академии истории материальной культуры». 1922, 2, с. 1—22 (= В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 4, 1966, с. 243—261); он же. Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г.—«Известия Рос. Академии наук». Сер. 6, 1921, т. 15, с. 183—219) (= В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 8, 1973, с. 366—396).

⁸¹ ЦГА УзССР, ЛФО, ПБО, пакет 28 (письмо от 5 июля 1920 г.).

⁸² В литературе, посвященной истории создания и развития Ташкентского (бывшего Среднеазиатского) государственного университета им. В. И. Ленина, широко и подробно освещается ход подготовки к открытию университета и участие в ней ученых Москвы и Петрограда. К сожалению, имя В. В. Бартольда не всегда фигурирует в числе тех, кто деятельно содействовал столь важному делу. Между тем достойно внимания, что 29 июня—1 июля 1918 г. Наркомпрос РСФСР созвал совещание по вопросу об организации Ташкентского университета, где присутствовали представители университетов Москвы и Петрограда и нескольких других вузов. Петроградские востоковеды были представлены В. В. Бартольдом и А. Э. Шмидтом. Последний был избран членом правления организованного университета (Б. И. Пак. Помощь ученых РСФСР Туркестанской АССР.—«История СССР». М., 1972, № 6, с. 90—91).

⁸³ В. В. Бартольд. История Туркестана (Конспект лекций). Таш., 1922 (= В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2, ч. 1, 1963, с. 107—166).

⁸⁴ По-видимому, это тот самый курс, который В. В. Бартольд читал и в Петрограде в Институте истории искусств. Его тезисы сохранились среди неопубликованных работ ученого. См.: И. И. Умняков. Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда; Н. Н. Туманович. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976, с. 263—264.

⁸⁵ ЦГА УзССР, ЛФО, ПБС, пакет № 28.

⁸⁶ Небезынтeресная деталь. Скорейшему изданию лекций Бартольда по истории Туркестана содействовал секретарь ЦК компартии Туркестана Назир Тюракулов, и он же по выходе «Истории Туркестана» в свет откликнулся на нее рецензией («Жизнь национальностей». М., 1923, № 2, с. 163—164). Книга вызвала также рецензии И. Н. Бороздина, В. А. Гурко-Кряжина и др. Заметим, что Н. Тюракулову принадлежала заслуга и составления первого в своем роде русско-узбекского словаря социально-политических терминов, что было весьма актуально для послеоктябрьского времени, когда в язык узбекского народа все шире стали входить понятия социально-политического характера, связанные с жизнью и задачами советского народа в целом и распространением в массах основ революционного учения марксизма-ленинизма (Н. Тюракулов. Социально-политический словарь русско-узбекского языка. Таш., 1922).

⁸⁷ «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 1—11.

⁸⁸ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 9, с. 548, 549.

⁸⁹ Там же, с. 555.

⁹⁰ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 год. Пг., 1914, с. 443—460 (= В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 9, 1977, с. 522—533).

⁹¹ Б. И. Пак. О роли В. В. Бартольда в становлении науки и

высшего образования в советском Туркестане.— «История СССР», 1970, № 4, с. 128. Утверждение В. В. Бартольда Советом университета как почетного члена последовало в январе 1921 г.

⁹² Направляя в 1925 г. приветствие В. В. Бартольду ко дню 25-летия со дня защиты им докторской диссертации, коллектив библиотеки отмечал, что Бартольд заинтересовался библиотекой еще в 1894 г. и с тех пор всегда уделяя ей большое внимание, настойчиво пропагандируя необходимость концентрировать книжные фонды Средней Азии именно в этой библиотеке и аккуратно присылая ей свои труды (Архив АН СССР, ф. 68, д. 420, л. 1).

⁹³ А. Э. Шмидт. Востоковедение в Туркестане.— «Новый Восток». 1924, кн. 6, с. 512—514.

⁹⁴ А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывшего Туркомстариса) за пятилетие ее существования.— «Известия Средазкомстариса». Таш., 1926, вып. 1, с. 27.

⁹⁵ Ср.: К. Мухсинова. Опыт работы по упорядочению фонда кушбеги эмира Бухарского.— «Научно-методический бюллетень Архивного управления МВД УзССР». Таш., 1957, с. 43.

⁹⁶ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 172.

⁹⁷ Программу школы см.: Высшая военная школа востоковедения Туркестанского фронта (округа).— «Новый Восток». 1922, кн. 2, с. 730—731.

⁹⁸ И. Д. Ягелло. Туркестанская высшая военная школа востоковедения.— «Новый Восток». 1924, кн. 6, с. 516.

⁹⁹ В начале 20-х годов началась работа в должности библиотекаря Туркестанской публичной библиотеки выпускника Военных курсов востоковедения в Ташкенте К. В. Ткачева, в последующем признанного знатока ирано-афганского фонда Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (Г. Ю. Алиев. Константин Васильевич Ткачев.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 3, с. 270—274).

¹⁰⁰ И. Ягелло. Высшая военная школа востоковедения.— «Новый Восток». 1923, кн. 4, с. 503—504.

¹⁰¹ И. Ягелло. Туркестанская высшая военная школа востоковедения, с. 515—517.

¹⁰² А. А. Гаррицкий. История Афганистана. Таш., 1922. Автор приводит обзор источников по истории Афганистана от Авесты до известных средневековых авторов. Востоковед Гаррицкий (Гарлицкий) был питомцем существовавшей до революции Ташкентской офицерской школы восточных языков по тюркско-иранскому отделению с историко-географическим уклоном. К. Г. Василевский. Национально-революционное движение на Востоке. Средний Восток. Афганистан и Индия. Конспект лекций курса, читанных на Среднеазиатских курсах востоковедения РККА (машинный экземпляр из собраний Государственной библиотеки УзССР им. А. Навои).

¹⁰³ В свое время словарная работа Ягелло подверглась суровой критике (Е. Ф. Корш и др.), но А. Е. Крымский и В. А. Гордлевский отмечали ее преувеличенный и односторонний характер. См. письмо А. Е. Крымского Н. П. Остроумову от 18 апреля 1911 г. (ЦГА УзССР, ф. 1009, оп. 1, д. 121, л. 9—10).

¹⁰⁴ Г. Ш. Шарбатов. Арабистика в СССР (1917—1959). М., 1959, с. 12.

¹⁰⁵ Е. Федоров. Туркестанский рабоче-деканский коммунистический университет им. Н. Ленина (В. Ульянова). Таш., 1922; Вл. Долгушин. Среднеазиатский коммунистический университет им. В. И. Ленина.— «Коммунистическая мысль». Таш., 1927, № 3, с. 23—24.

¹⁰⁶ «Коммунист». Таш., 1922, № 5—6, с. 18, 98; А. Х. Аминова, М. А. Ахунова, Б. В. Луни. Исторические науки.— Наука в Узбекистане. Т. 2. Общественные науки. Таш., 1974, с. 150; Г. Д. Алексеева, Г. И. Желтова. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений. Таш., 1977, с. 41—42.

¹⁰⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 103, оп. 1, д. 2, л. 228—229.

¹⁰⁸ Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). 1921—1925.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 2, с. 48—57.

¹⁰⁹ Шесть лет национальной политики Советской власти. М., 1924, с. 162; «Жизнь национальностей». 1922, № 6—7 (12—13), с. 18.

¹¹⁰ «Материалы программно-методической и воспитательной работы КУТВ. 1922—1923». М., 1923, вып. 2, с. 76.

¹¹¹ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 95.

¹¹² Е. Чернявский. История возникновения, структура и деятельность ГУСа.— «Наука и просвещение». 1922, № 2, с. 167.

¹¹³ А. Э. Шмидт. Востоковедение в Туркестане, с. 513.

¹¹⁴ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 301, л. 1—2.

¹¹⁵ См.: Научная жизнь Туркестана. Отдельное приложение к журналу «Наука и просвещение». Таш., 1922, с. 8—9.

¹¹⁶ См. каталог «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». М., 1961, с. 14.

¹¹⁷ Например: Назир. Афганистан.— «Военная мысль». 1920, № 1, с. 317—332; И. Д. Ягелло. Персия.— Там же, с. 336—343; Хошхабер. Пробуждающаяся Персия.— Там же, 1921, № 1, с. 247—266, В. В. Нежданов. Независимый Афганистан.— Там же, с. 267—274, и др.

¹¹⁸ Н. Карабицын. Военно-архивное дело в Туркестане.— Там же, с. 313—314.

¹¹⁹ Например: М. Шкляр. Из путевых впечатлений по Фергане.— Там же, 1920, № 1, с. 272—282; К. Хромых. Создание фронта революции в Средней Азии. Хорезмская республика.— Там же, с. 283—298; Н. Чекалин. События в Хорезмской республике.— Там же. 1921, № 1, с. 227—229, и др.

¹²⁰ С. Ф. Жуковский. Бухоро, Хива ва Русия муносабатлирининг тарихи. Бухоро, 1922 (литограф. изд., араб. графика). Местный историк Пулат Салиев издал вслед за этим небольшой очерк по истории Бухары (Б. Солиев. Бухоро тарихи. Москва Бухоро, 1923).

¹²¹ Издан он был (в переводе Гази Юнуса) позднее: В. В. Бартольд. Кискача ислом маданияти тарихи. Ташкент—Самарканд, 1927 (араб. графика).

¹²² См.: Пулат Салиев.— Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, с. 107—110.

¹²³ С. Айни. Таърихи амирони мангитияи Бухоро. Таш., 1923. В книге есть некоторые исправления и дополнения по сравнению с

газетным вариантом. Сделан частичный перевод на русский язык: С. Айни. История Мангытских эмиров.— Собрание сочинений. Т. 6, 1975, с. 266—312.

¹²⁴ С. Айни. Бухоро инкилоби. Таррихи учун матерчёллар. М., 1926. См.: З. Раджабов. Садриддин Айни — историк таджикского народа (Краткий исторический очерк). Сталинабад, 1951.

¹²⁵ Е. К. Бетгер. К 50-летию юбилею Туркестанской публичной библиотеки (1870—1920).— «Известия Туркестанского крайкома РКП(б) и Туркестанского ЦИК», №6.V.1920.

¹²⁶ Б. В. Лукин. В. В. Бартольд и Туркестанская публичная библиотека.— Библиотеки Узбекистана. Сборник теории и практики библиотечного дела. Вып. 5. Таш., 1978, с. 123—149.

¹²⁷ Государственная библиотека УзССР им. Алишера Навои, 1870—1970. Таш., 1977, с. 46—52.

¹²⁸ См.: Государственная публичная библиотека УзССР и фонды восточных рукописей Узбекистана.— «Литературный Ташкент. Альманах». Кн. 1. Таш., 1945, с. 112—117.

¹²⁹ Работы эти были полностью или частично изданы позднее и в разное время.

¹³⁰ Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917—1924). Сб. документов. Т. 1. Таш., 1973, с. 417.

¹³¹ Н. С. Садыков. Музейное дело в Узбекистане. Таш., 1975, с. 59—74.

¹³² М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении.— «Труды САГУ». 1956, вып. 81. Исторические науки, кн. 12, с. 17—22.

¹³³ И. П. Козлитин. Государственные архивы республик Средней Азии и Казахстана. М., 1961, с. 8.

¹³⁴ См.: Е. С. Шагалов. Первое научное общество Таджикистана. Душ., 1966. Деятельность общества высоко оценивали В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский и другие видные востоковеды.

Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина

**ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
1921—1930**

(К 60-летию со дня основания)

60 лет отделяют нас от создания одного из первых обществ советских востоковедов — Всероссийской (позже — Всесоюзной) научной ассоциации востоковедения (ВНАВ). Вся деятельность Ассоциации свидетельствует о той большой роли, которую она сыграла в становлении и развитии советского востоковедения.

ВНАВ функционировала всего одно десятилетие (1921—1930). Но оно было определяющим для судеб советской науки, переживавшей период коренной ломки, реорганизации, становления на рельсы марксистско-ленинского учения, и для судеб многих народов поработанного Востока, вставших на путь борьбы за освобождение и политическую самостоятельность.

Изучение деятельности ВНАВ показывает, как на заре советского востоковедения, когда востоковедные силы были незначительны в количественном отношении и недостаточно сильны в марксистско-ленинской методологии, создание Ассоциации позволило объединить подавляющую часть востоковедных кадров и направить коллективные усилия на разрешение именно тех проблем современного Востока, которые тогда представляли наибольшую трудность в понимании и теоретическом осмыслении и решение которых было остро необходимым для практики молодого Советского государства и мирового рабочего и коммунистического движения. В этом основная заслуга ВНАВ.

Опыт ВНАВ поучителен и во многих других отношениях. Относительно небольшой контингент лиц, занимавшихся научным исследованием Востока или связанных с практической деятельностью в странах Азии и

Африки, сумел привлечь всеобщее внимание к проблемам национально-освободительной борьбы народов Востока и политики империалистических держав в Азии и Африке, истории и экономики стран Востока, столь необходимым для практики советских государственных учреждений и различных общественно-политических организаций, и, что важно подчеркнуть, сумел оказать заметное влияние на решение многих вопросов, связанных с восточной политикой Советского государства. ВНАВ способствовала становлению марксистско-ленинского советского востоковедения и сделала первые шаги к объединению «академического» востоковедения с новым направлением в этой науке, синтез которых впоследствии и послужил благотворной основой для успешного развития советского востоковедения.

ВНАВ стала инициатором издания первого советского востоковедного журнала — «Новый Восток», одновременно научного и научно-популярного, рассчитанного не только на научные востоковедные кадры, но и на широкие народные массы, стремившиеся узнать правду о Востоке, который в те годы показывал яркие примеры революционной борьбы и с полным основанием рассматривался как резерв мировой социалистической революции. Для журнала был характерен марксистский подход ко всем явлениям и событиям, марксистский в основе и по сути, как это тогда понимала основная масса действовавших в Ассоциации востоковедов, хотя некоторые выдвинутые в 20-е годы положения при дальнейшем развитии марксизма или при более глубоком изучении трудов основоположников марксизма-ленинизма оказались и не вполне правильными. Но дело не в этом. Важнее было доказать научность марксистско-ленинского подхода ко всем социально-экономическим и политическим проблемам, возможность на основе марксистской методологии разобраться в сложнейших проблемах современного Востока и в историческом прошлом народов Азии и Африки. Ошибки были от недостаточного глубокого знания марксизма, но не было среди востоковедов тех, кто сознательно искажал марксизм. «Новый Восток» — это удивительный документ эпохи, заслуживающий сегодня пристального изучения не только с точки зрения истории востоковедения.

Востоковеды и невостоковеды, группировавшиеся вокруг ВНАВ, представляли на первом этапе довольно однородную по кровной заинтересованности в восточных делах когорту. Были здесь организаторы науки и видные практические работники, «теоретики» и своеобразные репортеры, известные ученые и начинающая молодежь, истинные марксисты и лица, считавшие себя марксистами, но использующие в своих работах только некоторые элементы марксистского анализа. Во всем чувствовалось влияние яркой, неповторимой эпохи 20-х годов, которая дала образцы небывалого взлета теоретической мысли, беззаветного служения великим идеалам, глубоких научных исследований, большого числа информационной, публицистической литературы, так необходимой для просвещения нового советского читателя.

История советского востоковедения за первое десятилетие Советского государства, и в том числе история ВНАВ, неоднократно привлекала внимание советских и зарубежных востоковедов. Да иначе и быть не могло. Это был период больших исканий, возникновения новых организационных форм, революционной перестройки всей востоковедной науки. Среди ученых, изучавших этот период истории советского востоковедения, следует назвать С. Л. Агаева, А. П. Базиянца, Д. Е. Бертельса, А. Н. Кононова, В. Н. Никифорова, М. А. Персица, А. В. Резникова, П. М. Шаститко и многих других.

Новое обращение к истории ВНАВ не случайно. Уже давно востоковеды говорили о необходимости организации общества советских востоковедов. И если это было важным еще на заре развития и становления советского востоковедения, то в настоящее время, при наличии нескольких центров изучения стран Востока в нашей стране и сравнительно большого количества востоковедных кадров, создание такого общества стало насущной необходимостью. Поэтому вся научная общественность с большим удовлетворением встретила постановление Президиума АН СССР от 28 июня 1979 г. о создании Всесоюзной ассоциации востоковедов. В Уставе Ассоциации указывается, что ее задачей является содействие исследованиям на основе марксистско-ленинской идеологии истории, политики, экономики, языков и литературы стран Востока, пропаганда знаний о

народах и странах Востока и достижениях советского востоковедения среди научных и широких кругов СССР и за рубежом. Ассоциация призвана оказывать помощь проводимой Советским государством ленинской политике мира и дружбы народов Азии и Африки, взаимопонимания и сотрудничества Советского Союза со странами Востока. Есть все основания полагать, что объединение востоковедов в добровольном научном обществе будет способствовать подъему востоковедной работы в стране, поможет организации общесоюзных мероприятий: конференций, дискуссий, созданию обобщающих трудов по востоковедению, коллективных монографий, сборников статей и других материалов по наиболее острым проблемам современного Востока, популяризации востоковедных знаний в стране и т. п.¹.

Анализ задач новой Ассоциации и ее организационные формы позволяют сказать, что она наследовала многое из того лучшего, что выработала ВНАВ за свой десятилетний опыт. Поэтому изучение деятельности ВНАВ, рассмотрение ее достижений и ошибок поможет в деле организации новой востоковедной ассоциации.

С первых лет существования молодого Советского государства были заложены основы принципиально новой политики в отношении народов Востока. Пробуждение народов Азии к активной политической жизни и охватившая весь колониальный и зависимый мир национально-освободительная борьба, развернувшаяся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, поставили перед Советским государством важные политические задачи. Востоковедение приобрело необычайную актуальность. От востоковедов требовались не только разработка и объяснение сложных экономических, политических, социальных, культурных процессов, происходящих в странах современного Востока, но и оказание практической помощи при установлении дипломатических, торговых и культурных связей с народами Востока. Без освоения востоковедами марксистско-ленинской методологии и применения ее при конкретно-исторических исследованиях развитие советского востоковедения было немыслимо.

Огромное значение для развития советского востоковедения имели исследования К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, посвященные истории стран и народов

Востока, конкретным проблемам их экономики, политики, а также важнейшие теоретические и практические положения, содержащиеся в решениях Коминтерна и документах РКП(б).

В. И. Ленин занимает видное место в истории изучения Востока не только потому, что с его именем связана новая эра в отношениях нашей страны с народами Азии и Африки, но и потому, что, как ученый и теоретик, он разработал ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к задачам востоковедения и тем подготовил почву для решительной и фундаментальной перестройки старого, буржуазного востоковедения и создания нового, советского, марксистско-ленинского востоковедения.

Творчески развивая марксистскую теорию применительно к эпохе империализма, В. И. Ленин разработал научную программу освобождения колоний и зависимых стран от ига колониализма. В. И. Ленин показал, что монополистический капитал является главной силой, угнетающей народы Азии и Африки, что иностранные монополии владеют в странах Востока нефтепромыслами, банками, концессиями, фабриками и заводами и наживаются на эксплуатации народов этих стран баснословные барыши.

Разработанные В. И. Лениным положения об империализме и его колониальной политике, о неизбежности роста антиимпериалистической, антиколониальной борьбы народов Востока имеют самое актуальное значение и в наши дни, когда наступил полный крах колониальной системы империализма и освободившиеся страны встают на путь социального прогресса.

Особенно важны для советского востоковедения работы В. И. Ленина по национально-колониальным проблемам, его учение о некапиталистическом пути развития стран Востока, труды по аграрному вопросу, о характере и формах национально-освободительных движений на Востоке.

С именем В. И. Ленина были связаны и первые практические шаги по становлению советского востоковедения. В деле построения коммунистического общества В. И. Ленин придавал первостепенное значение науке. С первых дней Советской власти он заботился о развитии науки, сохранении научных кадров, внимательно относился к быту ученых. Неоднократные ходатайства

А. М. Горького за некоторых ученых всегда находили у В. И. Ленина поддержку. А. В. Луначарский имел прямые указания В. И. Ленина «относиться к Академии бережно и осторожно и лишь постепенно, не рая ее органов, ввести ее более прочно и органично в новое коммунистическое строительство»².

Особенно внимательно относился В. И. Ленин к становлению молодой советской науки. Широко известен факт об участии В. И. Ленина в создании двух новых учебных востоковедных институтов — Московского института востоковедения и Петроградского института живых восточных языков. В. И. Ленин поддержал идею создания ВНАВ. М. П. Павлович, который был первым председателем Ассоциации, называл В. И. Ленина «духовным отцом» ВНАВ. Он рассказывал, что В. И. Ленин живо интересовался ее созданием, «торопил инициативную группу, сам указывал, каких ученых-специалистов следует привлечь»³.

Ассоциация востоковедов была организована при Народном комиссариате по делам национальностей. Наркомнац, созданный в ноябре 1917 г., был призван не только разрешать возникавшие трудности национального, экономического и культурного характера, но и руководить всей востоковедной работой в нашей стране в первые годы Советской власти. Организация двух востоковедных институтов — московского и петроградского, созыв Первого съезда народов Востока в Баку и Съезда народов Дальнего Востока в Москве, созывы съездов женщин Востока и т. п., издание газеты (журнала) «Жизнь национальностей», в которой выступали государственные и общественные деятели, а также многие начинающие востоковеды со статьями и заметками о жизни народов советского и зарубежного Востока, и, наконец, организация ВНАВ — таков далеко не полный перечень мероприятий Наркомнаца, способствовавших становлению советского востоковедения⁴.

Вопрос об объединении сил востоковедов был очень актуален для развития советского востоковедения в первые годы Советской власти. Изучение Востока было рассредоточено по многочисленным институтам, учебным заведениям и учреждениям, поэтому, как пишет М. П. Павлович, «необходимость организации дела изучения Востока в государственном масштабе сознавалась

уже давно не только руководителями Наркомнаца, но и ответственными работниками других заинтересованных учреждений, как-то: Наркоминдела, Академии генштаба и т. д.»⁵.

Понимало это и большинство востоковедов. В 1921 г. по инициативе ученых-востоковедов Петрограда была создана Коллегия востоковедов, объединившая в своих рядах профессоров и преподавателей, читающих лекции по языкам, литературе, истории и быту и культуре восточных народов или «известных своими специальными востоковедными познаниями»⁶. Сам состав Коллегии востоковедов определял ее функции, состоящие в основном в оказании помощи в учебно-педагогической и научной работе востоковедов. Это общество не могло осуществить все те задачи, которые поставило перед востоковедами советское правительство. Необходима была более широкая востоковедная организация, которая объединила бы в своих рядах не только профессорско-преподавательские кадры востоковедов, но и практических работников, занимающихся изучением современной Востока⁷. «Необычайно усложнившиеся задачи советской политики, дипломатии и экономики в странах зарубежного и советского Востока вызвали естественную потребность в более углубленном, дифференцированном изучении Востока в отдельных аспектах его жизни. При непригодности для осуществления этих целей старых востоковедных аппаратов необходимо было устроить как бы лабораторию нового революционного востоковедения»⁸.

Такой организацией, по мысли ее инициаторов, и должна была стать ВНАВ. В своем обращении Комиссия по организации ВНАВ так определила задачи Ассоциации: «...наука о новом Востоке должна интересоваться тем, как живут и страдают эксплуатируемые классы и народы Востока, за что они борются, какие революционные и социальные возможности заложены в них; взамен науки о прошлом мы должны создать науку о настоящем, о перспективах будущего развития Азии, Африки, науку, охватывающую решительно все стороны жизни Востока, начиная с географии и кончая экономической и политикой»⁹.

Но ВНАВ не сразу обрела свои организационные формы. Вначале предполагалось создать Всероссийское

общество востоковедения — «высший орган, изучающий Восток, распространяющий в широких массах научно-прикладные знания о Востоке, собирающий и обрабатывающий все материалы по Востоку, необходимые для установления здоровых взаимоотношений между Советской Россией и странами Востока»¹⁰. Но в дальнейшем при выработке проекта положения о Научной ассоциации востоковедения перед ней были поставлены более широкие задачи и ее цели определялись так: «Научная ассоциация востоковедения изучает Восток, распространяет научно-прикладные знания о Востоке, выполняет задания правительственных органов в области практического и теоретического востоковедения и осведомляет их по современным вопросам Востока»¹¹. Таким образом, наряду с изучением Востока и научными проблемами упор делался на практическую помощь, которую Ассоциация должна была оказывать государственным учреждениям.

13 декабря 1921 г. ВЦИК принял декрет «Об организации Всероссийской научной ассоциации востоковедения»¹². В нем говорилось: «1) В целях объединения всех начинаний в области востоковедения и использования научных сил для всестороннего изучения Востока учреждается при Народном Комиссариате по делам национальностей Всероссийская научная ассоциация востоковедения. 2) Для осуществления указанных в п. 1 целей Ассоциация имеет право открывать свои филиальные отделения, библиотеки, читальни, курсы востоковедения, организовывать научные экспедиции, издавать научные труды, периодические издания Ассоциации и т. д. 3) Все существующие на территории РСФСР научные общества, ставящие аналогичные цели, переходят в ведение Научной ассоциации востоковедения. 4) Утверждение устава Всероссийской научной ассоциации востоковедения возлагается на Коллегию Народного Комиссариата по делам национальностей. 5) Впредь до утверждения устава и конструирования Правления Ассоциации учреждается Организационное бюро в составе представителей: Народного Комиссариата по делам национальностей, Народного Комиссариата просвещения, Социалистической Академии, Коммунистического университета трудящихся Востока, Института востоковедения и трех представителей ученых — специалистов

по истории и этнографии Востока по приглашению Народного Комиссариата по делам национальностей. Председателем Организационного бюро является представитель Народного Комиссариата по делам национальностей»¹³. В декрете подчеркивалось, что ВНАВ будет являться ведущей востоковедной организацией в Союзе, в обязанность которой входит организовывать, объединять и направлять всю востоковедную работу в стране.

В Оргбюро ВНАВ вошли: М. П. Павлович (предс.), С. И. Духовский (зав. политико-экономическим отделом), В. А. Гурко-Кряжин, И. Н. Бороздин (зав. историко-этнологическим отделом), А. Ф. Абуков (ученый секретарь), В. К. Трутовский, К. М. Трояновский, Т. Н. Бройдо¹⁴.

Вместе с положением о ВНАВ был утвержден и ее Устав, в котором были определены задачи Ассоциации, ее структура, членство¹⁵. Членами Ассоциации «могут быть все ученые — специалисты-востоковеды, практические работники на Востоке и в связи с этим и лица, интересующиеся Востоком и оказывающие услуги Ассоциации». Действительные члены ВНАВ избираются на общем собрании, а члены-корреспонденты приглашаются правлением Ассоциации¹⁶. «Вся научная деятельность Ассоциации сосредоточивается в 2-х отделах: политико-экономическом и историко-этнологическом. Отдел политико-экономический изучает вопросы, связанные с политико-экономическим и социальным состоянием современного Востока. Отдел историко-этнологический изучает Восток в отношении истории, археологии, лингвистики и этнографии. Оба отдела имеют право с разрешения правления организовывать секции как по странам Востока, так и по отдельным вопросам»¹⁷.

Всеми делами ВНАВ ведало правление в составе девяти членов, а текущей работой руководил президиум, в состав которого входили М. П. Павлович, И. Н. Бороздин, В. А. Гурко-Кряжин. Издательскую деятельность осуществляла редакционная коллегия в составе трех человек¹⁸. ВНАВ сплотила в своем составе ученых-марксистов, представителей академического востоковедения, журналистов, практических работников. Членами Ассоциации были Д. Н. Анучин, Б. П. Денике, Л. М. Карахан, Сэн Катаяма, Н. Я. Марр, Н. Нарима-

нов, В. С. Осетров, С. К. Пастухов, М. Н. Покровский, М. Рафаил, А. Н. Самойлович, А. А. Султан-заде, Б. В. Фармаковский, М. В. Фрунзе, А. Е. Ходоров, Г. В. Чичерин и др. В ее работе принимали участие преподаватели и студенты востоковедных учебных заведений и практические работники, связанные с Востоком¹⁹.

Многим обязана ВНАВ энергии и деятельности своего председателя М. П. Павловича²⁰. Для Павловича востоковедение было не обособленной областью знания, а частью науки об обществе, которая должна изучать не только далекое прошлое народов Востока, но и современность, способствовать развитию этих народов, помочь им освободиться от колониального и социального порабощения. М. Павлович был одним из первых, кто понял необходимость перестройки всей востоковедной работы в Союзе и активно включился в нее. На его плечи легла большая организационная работа по созданию новых учебных востоковедных учреждений, подготовки кадров, без которых нельзя было строить новое советское востоковедение. Многочисленные выступления и статьи М. П. Павловича о задачах советского востоковедения, о деятельности ВНАВ имели большое значение для становления и развития марксистского востоковедения²¹.

«Всероссийская научная ассоциация востоковедения,— писал М. П. Павлович,— должна явиться высшим научным органом, изучающим Восток, распространяющим в широких народных массах научные знания о Востоке и одновременно помогающим Советской власти в установлении правильной политики по отношению к народам Востока. Ибо такая правильная политика возможна лишь постольку, поскольку эта политика опирается на точное знание всей совокупности социального, хозяйственного и политического быта народов Востока. Отсутствие этого знания и незнакомство наше с современными политическими партиями и экономическим укладом жизни даже в таких близких к РСФСР, соприкасающихся с нашими границами странах, как Персия, Турция, с которыми дооктябрьская Россия была связана оживленными торговыми отношениями, было причиной многих роковых ошибок в нашей ближневосточной политике за самые последние годы»²².

— При разработке организационной структуры ВНАВ

М. П. Павлович ознакомился с работой многих западных востоковедных научных обществ и отметил, что Ассоциация должна коренным образом отличаться от них. Ассоциация востоковедения наряду с чисто научными задачами преследовала цель содействовать экономическому и духовному раскрепощению Востока, а по отношению к Советскому Востоку осуществляла эти задачи и практически²³.

С. Вельтман вспоминает, что «при организации ВНАВ Павловичу приходилось преодолевать массу трудностей, ибо не было кредитов, не было денег на бумагу и было немало противников нового востоковедения»²⁴. Понадобились неисчерпаемый запас энергии, кипучая деятельность и настойчивость М. П. Павловича, чтобы Ассоциация была создана, окрепла и завоевала заслуженный авторитет у широкой советской общественности.

Несмотря на все трудности, с которыми пришлось сталкиваться М. П. Павловичу при создании Ассоциации, она была его любимым детищем. Он говорил: «Ассоциация — это санаторий для меня»²⁵. Именно в ВНАВ воплотились идеи М. П. Павловича о создании и развитии советского востоковедения.

М. П. Павлович разработал и теоретическую программу развития советского востоковедения. Он писал: «Отличительной чертой молодого советского востоковедения, несомненно, является то, что оно стремится объяснить все социальные, политические, культурные процессы, происходящие в странах Востока, характер развития этих процессов, их формы классовой структурой населения этих стран, основными чертами хозяйственной жизни их, влиянием прошлой истории и т. д., причем вся жизнь современного Востока изучается советским востоковедением под углом зрения освободительной борьбы угнетенных народов Желтого и Черного континентов против империализма... Освещая марксистски политическую, экономическую и культурную жизнь народов Востока в ее прошлом и настоящем, изучая современное состояние промышленности, торговли, мелкого ремесла, земельных отношений в Китае, Персии, Индии и т. д., советские востоковеды исследуют все хозяйственные и социально-политические процессы, происходящие в этих странах, с точки зрения перспектив национально-революционного движения народов Востока».

ка и борьбы революционного пролетариата с мировой буржуазией»²⁶

14 января 1922 г. ВНАВ приступила к работе. Первые годы были особенно трудными в деятельности Ассоциации. Для успешного развития советского востоковедения было необходимо объединение всех востоковедных сил страны — от академиков, которые могли внести свои знания, традиции, опыт научного исследования, до начинающих востоковедов-марксистов и практических работников по Востоку, стремящихся на основе марксистско-ленинского мировоззрения осмыслить происходящие на Востоке события.

В 20-е годы отношения между представителями «старого» и «нового» востоковедения были достаточно напряженными²⁷. Академик С. Ф. Ольденбург вспоминает, что первое время между востоковедами старой и новой школы «долго не могли установиться вполне нормальные отношения. Обе стороны считали, что стоят на почве более правильных подходов к делу»²⁸.

Вопрос об использовании профессоров, знающих восточные языки, для создания литературы по изучению национально-освободительного движения в странах Востока и разоблачению империалистической политики стоял на заседании Политбюро ЦК РКП(б) РСФСР 3 октября 1921 г. При обсуждении этого вопроса высказывались сомнения в возможности создания такой литературы с помощью старых кадров востоковедов, но особо подчеркивалось, что профессора-ориенталисты могут быть использованы «для составления докладов о современном положении в странах Черного и Желтого континентов» на основании восточной прессы и литературы²⁹. М. П. Павлович и некоторые другие востоковеды — создатели ВНАВ хорошо понимали слабые и сильные стороны нового востоковедения и считали, что представителям молодого марксистского востоковедения не мешало бы поучиться кое-чему у востоковедов старой школы. Павлович подчеркивал, что «систематическое научное изучение Востока в социально-экономическом и политическом отношении начинается в России только с Октябрьской революции», но в то же время отмечал, что «велики заслуги Академии наук, Русского географического общества, Московского археологического общества и других центральных и местных учреж-

дений в деле изучения языка восточных народов, природных богатств и производительных сил Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, и в этой области мы имели блестящие работы и ценнейшие материалы, обязанные трудам наших академиков»³⁰.

В. А. Гурко-Кряжин также писал о достижениях русского дореволюционного востоковедения в изучении буддизма, суфизма, бабизма, истории древнего Востока, Средней Азии, лингвистики и лигературоведения. Он считал, что советское востоковедение может развиваться только «путем синтеза тех элементов, которые были сильны у старого востоковедения, с теми новыми началами, которые были стихийно привнесены революцией и оформлены Лениным»³¹.

Недостатки дореволюционного востоковедения понимали не только организаторы нового, марксистского востоковедения, но и сами представители старой школы востоковедения. Известный академик С. Ф. Ольденбург писал следующее: «Что сейчас нужно для революции? Естественно, знание современного Востока, его политической и экономической жизни. Что в этом отношении могло дать ему дореволюционное востоковедение? Очень мало, понятно, и понятно почему. Вопросы экономические очень трудные и сложные и требуют для правильного исследования очень большой предварительной подготовки; она особенно трудна за почти полным отсутствием или малой доступностью источников. Поэтому востоковедение в первую голову изучало языки, историю и литературу Востока, создавая твердый базис для его понимания; чтобы до конца понять народ, надо понять его язык»³².

Тенденции взаимопонимания среди востоковедов способствовали их сближению³³.

Однако сотрудничество двух направлений в советском востоковедении налаживалось не сразу. Как среди представителей старого востоковедения (В. Л. Котвич и др.), так и среди востоковедов-марксистов (С. М. Диманштейн и др.) были противники этого сближения. Но развитие комплексного советского востоковедения было невозможно без органического сочетания достижений, традиций старого востоковедения с новым, марксистским направлением. Несмотря на то что это соперничество в некоторые годы принимало особо острые формы,

жизнь подтверждала правоту тех, кто с первых лет победы Советской власти выступал за объединение востоковедов.

ВНАВ с самого начала стремилась проводить гибкую политику по объединению «старых» и «новых» востоковедов. С первых дней своего существования Ассоциация обратилась к виднейшим ученым, изучающим Китай, Монголию, Японию, Индию и другие страны Востока, с предложением принять деятельное участие в ее работе. Часть из них охотно откликнулась на призыв Ассоциации: поступили статьи от московских и ленинградских востоковедов — В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского, А. Н. Самойловича, Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, Ф. И. Успенского и др.³⁴

Когда Ассоциация в 1921 г. получила возможность издавать свой журнал — «Новый Восток», то уже в первых его номерах были помещены статьи видных ученых-востоковедов: Д. Н. Анучина («Азия как прародина и учительница человечества; ее настоящее и будущее»), В. А. Гордлевского («Религиозное движение среди кызыл-башей Малой Азии»), В. В. Бартольда («Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям»), Ф. В. Баллода («Две столицы Золотой Орды»), Б. П. Денике («Араб-месопотамская миниатюра»), Н. И. Конрада («Вопросы японского феодализма»), Н. Я. Марра («Об яфетической теории»), А. Н. Самойловича («Новый турецкий алфавит»), Н. И. Вавилова («О восточных центрах происхождения культурных растений»), В. А. Обручева («Об очередных задачах исследования Монголии») и др. Кроме того, востоковеды-академики печатали рецензии на советские и зарубежные книги по востоковедению, выступали с докладами на заседаниях Ассоциации. «Новый Восток» неизменно помещал доброжелательные рецензии на труды В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, Е. Э. Бертельса, Б. Я. Владимирцова, что лишней раз подчеркивало стремление руководства Ассоциации установить более тесные контакты с учеными-востоковедами старой школы³⁵.

Вся научная и организационная деятельность ВНАВ, как об этом говорилось ранее, сосредоточивалась в двух ее отделах: политико-экономическом и историко-этнологическом. В самой структуре этих двух отделов делалась попытка объединения обоих направлений востоко-

ведения. Но оно проходило уже на принципиально новой основе, так как изучение и современного положения Востока, и старых востоковедных дисциплин базировалось на марксистско-ленинской методологии.

Политико-экономический отдел представлял новое направление в советском востоковедении, занимаясь изучением современного состояния стран Востока, их политики, национально-освободительных движений, экономических проблем. В программе этого отдела отмечалось, что «в связи с отсутствием многих статистических сведений по странам Востока (Персия, Турция, Афганистан и др.) задача составить основательные труды по социальному строю и экономике большинства стран Востока является для настоящего времени невыполнимой»³⁶. Поэтому работу отдела предполагалось вести в трех направлениях: 1) научно-лабораторная работа по выработке методов изучения социально-экономического строя стран Востока; 2) составление предварительных очерков, обзоров и монографий статистическо-экономического и социально-политического характера; 3) разработка и подготовка материалов: а) по экономике стран Востока, в том числе по следующим разделам: земледелие и аграрный строй, кустарная, добывающая, обрабатывающая промышленность, процессы капитализации стран Востока, кооперация, внутренняя и внешняя торговля; б) по социальным отношениям: крестьянство, ремесленники, духовенство и т. д.³⁷. При накоплении достаточного и притом постоянно обновляющегося материала и после его обработки ВНАВ предполагала перейти к серьезному исследованию экономических отношений, социального устройства и соответственно политических процессов в странах Востока.

В отделе были созданы две научно-исследовательские секции: Ближнего и Среднего Востока и Дальнего Востока, где читались подготовленные на материалах, собранных в отделе, доклады о политическом положении в странах Азии и Северной Африки, по национальному вопросу в странах Востока, по экономическому состоянию стран Азии и т. д. С докладами на заседаниях отдела выступали С. Л. Вельтман, В. А. Гурко-Кряжин, Б. М. Данциг, А. А. Зонненштраль-Пискорский, Р. Н. Ким, А. М. Осипов, М. П. Павлович, С. К. Пастухов, И. М. Рейснер, А. Н. Самойлович, А. С. Свентиц-

кий, А. А. Султан-заде, А. Е. Ходоров, П. Я. Штейнберг и многие другие. Благодаря привлечению к работе значительных востоковедных сил отдел оперативно откликнулся на все крупные события, происходившие на Востоке.

В двух кабинетах отдела — экономики и революционного движения в странах Востока — подбирались и систематизировались материалы по современному Востоку. Кабинеты организовывали экспедиции в Среднюю Азию, Абхазию, Армению и др. с целью сбора материалов³⁸.

В историко-этнологическом отделе велись исследования по археологии, истории, этнологии, литературе, языкам Востока, т. е. изучались традиционные для востоковедения дисциплины. Отдел должен был знакомить общественность с состоянием востоковедения у нас и за рубежом, составлять рефераты и отзывы. Тематика научных исследований отдела была широка и разнообразна. Она включала проблему иранизма, происхождение и развитие иранской культуры, хеттской культуры, изучение Урарту, исследования по египтологии, археологии, этнологии и т. д. Составлялся критико-библиографический обзор по ориенталистике. С докладами в отделе выступали академики и профессора В. В. Бартольд, Д. Н. Анучин, Н. Я. Марр, И. Н. Бороздин, Б. В. Фармаковский, В. А. Гордлевский, В. А. Гурко-Кряжин, Б. П. Денике, Н. Ф. Яковлев, А. Н. Самойлович и др. На заседаниях отдела выступали и иностранные ученые — известный шведский путешественник Свен Андерс Гедин, археолог Арне.

Отдел организовал ряд научных экспедиций. Целью экспедиций В. А. Гурко-Кряжина в Западную и Среднюю Азию (Туркестан, Хива, Бухара) было изучение социально-этнологических отношений и ознакомление с деятельностью востоковедных учреждений. Под руководством заведующего отделом профессора И. Н. Бороздина состоялась экспедиция в Крым (1924 г.) для обследования памятников Гераклитского полуострова. В Дагестан была послана этнолого-лингвистическая экспедиция под руководством профессора Н. Ф. Яковлева; на базе материалов этой экспедиции был создан ряд интересных работ по этой малоизученной республике Северного Кавказа. Совместно с Саратовским науч-

ным центром отдел принимал участие в археологическом обследовании татарской культуры Поволжья³⁹.

При участии историко-этнологического отдела был создан в 1922 г. Первый Всероссийский съезд египтологов, приуроченный к празднованию столетнего юбилея дешифровки иероглифов.

Отдел провел совещание представителей Наркоминдела, Академии наук, Академии истории материальной культуры, Главнауки, Туркомстариса (Туркестанского комитета по охране памятников старины, искусства и природы) и других среднеазиатских учреждений по вопросу ведения научных работ в Средней Азии. Проект работ Средазкомстариса (Среднеазиатский комитет по делам музеев, охране памятников старины, искусства и природы) в значительной степени явился результатом этого совещания. Большое значение имело также совещание представителей научных учреждений Москвы по изучению вопросов труда и быта женщин Востока, проведенное ВНАВ в марте 1929 г. В совещании приняли участие сотрудники ВНАВ, женкомиссии Комакадемии, Музея народоведения, Музея восточных культур, института этнических культур народов Востока, ВОКС, отделов работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), женских комиссий ЦИК СССР и ВЦИК, Наркомтруда, ВЦСПС и др.⁴⁰.

Одной из задач советского востоковедения была и остается помощь народам Востока в изучении своей истории, культуры, национально-освободительной борьбы, а также в поисках путей и методов строительства социализма в республиках Советского Востока. И совещания подобного рода, неоднократно проводившиеся по инициативе или с участием ВНАВ, оказывали практическую помощь общественным и государственным организациям восточных республик.

С целью более углубленного изучения отдельных проблем востоковедения Ассоциация создавала многочисленные комиссии, бюро, секции: Бюро по изучению революционного движения на Востоке (председатель — М. П. Павлович), Комиссия по обзору восточной прессы, в которую входили М. П. Павлович, А. Н. Самойлович, В. А. Гордлевский, Комиссия по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа (председатель — И. Н. Бороздин), Комиссия по изучению Турции и Ирана в этнолого-лингвистическом отношении (во гла-

ве с В. А. Гордлевским и Л. З. Мсерянцем), Комиссия по изучению татарской культуры (председатель — А. Гисматуллин), Комиссия по изучению искусства Востока (председатель — Б. П. Денике), Секция по изучению Ближнего и Среднего Востока (председатель — В. А. Гурко-Кряжин), Комиссия по изучению тюркских народов СССР (председатель — А. Н. Иванов), Комиссия по финно-угорским народностям, Комиссия по изучению Туркмении, Комиссия по японоведению⁴¹.

Придавая большое значение изучению производительных сил стран Азии, Президиум ВНАВ на заседании 1 марта 1924 г. постановил образовать Комиссию по изучению естественных производительных сил Востока из специалистов, находящихся в Москве. Подобные же комиссии создавались при всех отделениях ВНАВ. В комиссиях работали две секции — геологическая и биологическая, велись полевые исследования, организовывались экспедиции, читались лекции и доклады по изучаемым темам. В организационный комитет комиссии вошли видные ученые и общественные деятели: М. М. Пригоровский (предс.), А. А. Крубер, С. В. Обручев, А. Н. Косыгин, В. С. Муралевич, Н. Н. Жислев, А. М. Жирмунский, В. И. Соболевский, А. Е. Ферсман⁴².

Однако деятельность ВНАВ не могла бы получить такого широкого резонанса в стране, способствовать объединению и организации востоковедов, оказать глубокое идейно-теоретическое влияние на развитие и становление молодого советского востоковедения, если бы не ее ведущий печатный орган — журнал «Новый Восток». Это был один из наиболее авторитетных советских журналов, в известной мере определявший и направлявший развитие востоковедения в Советском Союзе в первое десятилетие после Октября. Ответственным редактором его был М. П. Павлович, который много сделал для создания журнала.

В редколлегию журнала входили Г. И. Бройдо, И. Н. Бороздин, В. А. Гурко-Кряжин, Б. Н. Мельников, Д. М. Мышковский, С. Л. Вельтман (секретарь редколлегии). По своей структуре «Новый Восток» повторял ВНАВ. Политико-экономический отдел (редактор — В. А. Гурко-Кряжин) стал его теоретическим центром, печатая дискуссионные и проблемные статьи. В историко-этнологическом отделе (редактор — И. Н. Бороз-

дин) помещались в основном статьи по истории и филологии стран Востока. Именно этот отдел выступал инициатором по привлечению к своей работе востоковедов дореволюционной школы⁴³.

«Новый Восток» уделял значительное место составлению библиографии всей выходящей литературы по Востоку; в журнале существовал раздел публикации документов и материалов.

Он не только освещал жизнь стран Азии и Африки, но и поддерживал с ними постоянную связь. Письма, обзоры печати, корреспонденции, публикуемые из номера в номер, давали востоковедам ценный, оригинальный материал⁴⁴.

Большую, кропотливую работу проводил в журнале М. П. Павлович, который, по выражению И. Н. Бороздина, «был подлинной душой всего дела»⁴⁵. Он тщательно продумывал план каждого номера, участвовал в редактировании статей, выступал за освещение наиболее острых, актуальных вопросов с марксистско-ленинских позиций, с точки зрения классовой борьбы пролетариата, угнетенных и борющихся за освобождение и независимость народов Востока⁴⁶. Почти в каждом номере журнала появлялись статьи и рецензии М. П. Павловича. Ему принадлежали передовые статьи, задававшие тон всему журналу.

А. Н. Гладстерн в своих воспоминаниях пишет: «„Новому Востоку“ [Павлович] отдает свои помыслы. „Новый Восток“ — трибуна, с которой он говорит так же убедительно, так же горячо, так же пламенно. Он не расставался с „Новым Востоком“ до последних часов своей жизни... первый номер „Нового Востока“ содержал статью М. П. Павловича „Задачи советского востоковедения“, последний номер „Нового Востока“, последний вышедший при жизни М. П. Павловича, содержит статью на тему „Задачи советского востоковедения“. Тема одна и та же, мысли те же, с той лишь разницей, что в последнем номере журнала М. П. Павлович подводит итоги пятилетнего существования „Нового Востока“ и своей пятилетней работы на посту редактора. „Новый Восток“ становится энциклопедией востоковедения, в особенности в области политики и экономики»⁴⁷.

«Новый Восток» откликался на все важнейшие вопросы национально-революционного движения на Восто-

ке. В нем помещались статьи как общего, или теоретически программного, характера, так и проблемные. В целом ряде статей, посвященных Китаю, Японии, Турции, Ирану и другим странам, была показана борьба мирового пролетариата и угнетенных национальностей с империализмом, освещены экономические и социальные проблемы в разных странах Востока и дан статистический материал по аграрному вопросу, рабочему движению, железнодорожному строительству.

По объему публикуемых статей и корреспонденций «Новый Восток» наибольшее внимание уделял Китаю. Так, статьи А. Е. Ходорова, А. Ивина (А. А. Иванов), М. Волина (С. Беленький) и др. выделяются глубиной анализа. Много интересного материала содержали статьи по проблемам социально-экономического развития и национально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока — М. Сенджаби, В. А. Гурко-Кряжина, В. П. Осетрова (Ирандуста), С. Иранского (С. К. Пастухова), М. Павловича и др.⁴⁸.

За годы своего существования (1922—1930) «Новый Восток» приобрел широкую известность в Союзе и за рубежом. В 1922—1925 гг. выходило ежегодно по два номера журнала. Тираж его, составивший в первые годы 3 тыс. экземпляров, к 1925 г. поднялся до 4 тыс.

В газетах «Правда» и «Известия» неоднократно печатались положительные рецензии на журнал. Так, «Новый Восток» характеризовался как одно из самых интересных советских изданий. «Правда» писала: «Практика национально-освободительного движения на Востоке преломляется на страницах журнала сквозь призму революционного марксизма. Все многообразие своеобразной жизни пробужденного от вековой спячки Востока, его экономика, национальная и социальная борьба, перекликающаяся с борьбой против империализма,— все это находит свое отражение в данном журнале»⁴⁹.

Все это свидетельствовало о том, «что журнал взял правильную линию и действительно преломил на своих страницах всю практику национально-освободительного движения на Востоке сквозь призму революционного марксизма»⁵⁰.

Для развития советского востоковедения было важно объединить работу востоковедных центров и отдельных

ученых, рассредоточенных по всей стране, и здесь трудно переоценить значение ВНАВ. Ассоциация явилась координирующим центром всей востоковедной работы. Научные планы, проблематика, теоретические труды и статьи, издаваемые ВНАВ, помогли правильной ориентации в организации востоковедной работы на местах, позволили избежать ее дублирования. Именно по инициативе ВНАВ произошло определенное размежевание в изучении стран Востока. В Хабаровске, Владивостоке в основном изучались страны Дальнего Востока, в республиках Средней Азии и Закавказья — страны Ближнего и Среднего Востока. Эта специализация сохранилась и до наших дней и позволила сосредоточить местные востоковедные кадры на более углубленном и всестороннем изучении отдельных регионов стран Востока.

С целью налаживания связей с научными учреждениями, обществами и отдельными лицами, занимавшимися Востоком, Ассоциация направляла своих представителей в Закавказье, Среднюю Азию, Иркутск для организации там филиалов ВНАВ. Учитывая важность непосредственной связи со странами Востока, Ассоциация предложила сотрудничество корреспондентам, работающим в Турции, Иране, Афганистане, Индии, Монголии, Китае, Японии. Им были посланы письма и специальные инструкции, в которых намечался план их работы по освещению жизни зарубежного Востока. Ежемесячно корреспонденты должны были давать обзоры прессы, очерки, статьи, в которых всесторонне освещалась жизнь той или иной страны зарубежного Востока⁵¹.

Сотрудниками-корреспондентами Ассоциации в странах Востока были: А. Е. Ходоров, В. Д. Виленский (Китай), Ф. А. Ротштейн, В. П. Осетров, В. Г. Тардов (Иран), Ф. Ф. Раскольников (Афганистан), Д. С. Константиновский (Турция), (К. В. Антонов (Япония))⁵².

По инициативе консула в Исфахане В. Г. Тардова при представительстве СССР в Тегеране был создан кружок любителей востоковедения⁵³.

Ассоциация положила начало организации востоковедных ячеек на всей территории СССР. Если в дореволюционное время все научное востоковедение было сосредоточено в основном в Петрограде и Москве, то с

помощью ВНАВ уже в самом начале 20-х годов стали возникать многочисленные периферийные востоковедные организации Ассоциации⁵⁴.

В сентябре 1922 г. было создано Оргбюро для учреждения Дальневосточного отдела ВНАВ. До этого на Дальнем Востоке независимо друг от друга существовали Восточный институт во Владивостоке, Общество русских ориенталистов в Харбине, Восточный факультет и курсы восточных языков при Иркутском университете и ряд отделов Русского географического общества⁵⁵. Дальневосточный отдел ВНАВ должен был сосредоточить в своих руках всю востоковедную работу в крае. В январе 1922 г. было организовано Иркутское отделение во главе с профессором Б. К. Пашковым, 24 октября в Чите был создан Дальневосточный отдел ВНАВ под председательством А. В. Гребенщикова. В 1923 г. он был переведен во Владивосток, который являлся важным научным центром по изучению Китая, Японии и Кореи. В 1924 г. было организовано отделение ВНАВ в Хабаровске, состоявшее из двух секторов: китайского — по изучению помимо Китая Маньчжурии и Монголии и японского — по изучению кроме Японии Кореи и Тайваня. Отделение имело свои филиалы в Урге, Харбине, Верхнеудинске (Улан-Удэ) и Якутске⁵⁶.

В Симферополе был организован крымский отдел ВНАВ, который начал широкие археологические раскопки в Крыму.

Филиалы ВНАВ в Баку и Тбилиси вскоре превратились в самостоятельную Закавказскую научную ассоциацию по изучению Кавказа и Ближнего Востока.

В Ташкенте была создана Среднеазиатская ассоциация, в задачу которой входило прежде всего изучение Афганистана и Ирана, а также сбор архивного и информационного материала по экономике, культуре, быту, политическому состоянию Средней Азии и сопредельных стран. Деятельность ВНАВ способствовала развитию востоковедения в среднеазиатских республиках: открывались новые вузы, создавались организации по изучению стран Востока⁵⁷.

В 1926 г. была создана Всеукраинская научная ассоциация востоковедения с центром в Харькове (ВУНАВ). Ее филиалы были открыты в Одессе и Киеве⁵⁸. ВУНАВ ставила основной задачей изучение исто-

рии и этнографии Востока, экономических связей Украины с Востоком, а также изучение экономики Советского Востока и политического и экономического положения стран зарубежного Востока. Кроме того, Ассоциация готовила кадры востоковедов, способствовала расширению научных и культурных контактов Украины со странами Востока. Организационная структура ВУНАВ также предусматривала два отдела — политико-экономический и историко-этнологический, которые делились на секции. При Ассоциации работали специализированные комиссии: семитологическая, тюркологическая, по изучению истории взаимоотношений Украины с Турцией, а также были организованы курсы живых восточных языков. ВУНАВ насчитывала 193 действительных члена и 158 соревнователей⁵⁹.

~~Ассоциация издавала журнал «Східний світ», «Бюллетень», вела большую лекционную работу.~~ Росту научного авторитета ВУНАВ во многом помогали ее съезды. В мае 1927 г. в Харькове был проведен Первый съезд востоковедов Украины, который способствовал консолидации научных востоковедных сил республики. Второй съезд состоялся в ноябре 1929 г.

Среди активных участников ВУНАВ назовем А. Е. Крымского, А. С. Синявского, П. Н. Лозиева, А. Н. Гладстерна, Л. И. Величко, П. Г. Риттера, Л. И. Цукермана, Я. М. Шамраевского, В. Г. Федорова, Е. Г. Бурксера и др.⁶⁰.

Филиалы ВНАВ не только играли большую роль в развитии востоковедения на местах, но и являлись важными научными и культурными центрами. При непосредственном участии Ассоциации были созданы кружки по изучению Востока, восточных языков. Члены ВНАВ вели широкую лекционную работу для популяризации востоковедных знаний среди населения и освещения основных проблем современного Востока. Деятельность ВНАВ явилась важным фактором в развитии советской науки. Она создала базу для углубленного изучения нового Востока в экономическом, социально-политическом и историческом отношении и совместно с учеными востоковедных организаций и вузов содействовала познанию Востока, развитию и укреплению наших связей с восточными государствами.

16 октября 1923 г. ВНАВ была преобразована во Все-

союзную научную ассоциацию востоковедения⁶¹, а в 1924 г. в связи с ликвидацией Наркомнаца она перешла в ведение Президиума ЦИК СССР⁶². Расширение рамок работы Ассоциации до общесоюзных было закономерным явлением. «ВНАВ за короткий период своего существования широко развила свою деятельность, положила начало организации востоковедных филиалов по всей территории СССР... и сумела сплотить вокруг себя группу политических и научных работников в области изучения Востока»⁶³, — указывалось в решении о ее преобразовании.

В связи с преобразованием Ассоциации вместо Оргбюро ВНАВ было создано Правление в составе М. П. Павловича (предс.), И. Н. Бороздина, В. А. Гурко-Кряжина, С. Л. Вельтмана, Г. Клигера, Б. Н. Мельникова, Д. М. Мышковского⁶⁴. Формальное распространение деятельности Ассоциации по всей стране соответствовало ее фактической работе⁶⁵. Число членов и корреспондентов ВНАВ достигало тысячи человек⁶⁶. Такая концентрация востоковедных сил облегчила работу по организации востоковедной науки. Практически не было ни одного востоковедного вуза, учреждения, общества, которые не были бы так или иначе связаны с Ассоциацией. Она оказывала активную помощь в работе востоковедных вузов. Так, в 1923 г. по инициативе ВНАВ была созвана конференция ректоров этих вузов; кроме того, представители Ассоциации принимали участие в рассмотрении и составлении программ, организации преподавания востоковедных дисциплин и т. п.

ВНАВ участвовала в работе Научной ассоциации востоковедения при Московском институте востоковедения (НАВ). По инициативе ВНАВ подготовка научных кадров востоковедов была сосредоточена в НАВ. В работе ее пяти секций (Ближневосточной, Индийской, Советского Востока, Госправа и колониальных стран) принимали участие большинство научных и практических работников по Востоку. «Благодаря такой мобилизации всех востоковедных сил была обеспечена надлежащая подготовка молодых работников, осуществлялся их постоянный контакт с обширным кругом квалифицированных в данной области лиц, который позволил держать в курсе постоянно возникающих научных и политических проблем»⁶⁷.

По инициативе ВНАВ совместно с Обществом по изучению Азербайджана в 1926 г. был созван Первый Всесоюзный тюркологический съезд, в котором приняли участие ученые различных институтов и научных обществ Союза и зарубежные специалисты. Ассоциация выпустила к съезду сборник «За новый тюркский алфавит». На съезде наряду с В. В. Бартольдом, С. Ф. Ольденбургом, М. П. Павловичем, И. Н. Бороздиным, Н. Ф. Яковлевым и другими учеными выступили представители местных кадров востоковедов. Тюркологический съезд всесторонне обсудил вопрос о введении нового тюркского алфавита и наметил ряд мероприятий по осуществлению реформы алфавита, которая сыграла огромную роль в культурном развитии тюркских народов Советского Союза⁶⁸. Кроме центрального вопроса — об алфавите — на съезде обсуждались следующие проблемы: современное состояние и ближайшие задачи изучения истории, этнографии тюркских народов, система научной терминологии, орфография тюркских языков, методы преподавания тюркских языков, краеведческая работа, культурные достижения тюркских народов после Октябрьской революции⁶⁹.

Наряду с большой организационной работой Ассоциация развернула широкую издательскую деятельность.

Годы работы ВНАВ были наиболее трудными в истории советской науки. Это период становления и утверждения марксистско-ленинской методологии во всех ее отраслях. Ученым-марксистам приходилось вести ожесточенную борьбу против буржуазной идеологии. Для развития советского востоковедения в послеоктябрьские годы, как и для всей научной деятельности страны, характерен сложный творческий процесс овладения марксистско-ленинской методологией и применения ее при конкретных исследованиях.

«Наше марксистское востоковедение еще молодо; но все-таки, несмотря на многие недостатки, оно поставлено на правильные рельсы... Мы можем теперь сказать, что научная разработка востоковедных вопросов в СССР занимает уже определенное место в общей научной работе. Достижения наши бесспорны»⁷⁰, — писал сменивший в 1928 г. М. П. Павловича на посту председателя ВНАВ С. М. Диманштейн, подводя итоги работы Ассоциации. Мощный подъем освободительной борьбы угне-

тенных народов Востока, толчком к которому послужила победа социалистической революции в России, выдвинул проблему изучения национально-освободительного движения на первый план в советском востоковедении.

В сборнике статей «Ленин и Восток» (М., 1924), посвященном памяти В. И. Ленина, впервые в советской литературе было показано, какова роль вождя в «пробуждении Азии», в возникновении коммунистических партий в странах Востока, в национально-освободительном движении народов Востока, в развитии принципиально новых, равноправных, дружественных отношений Советской России с восточными государствами.

ВНАВ была выпущена серия работ «Восток в борьбе за независимость», куда вошли книги о борьбе за независимость Китая, Индии, Персии, Турции, Египта, Туниса, Алжира, Марокко. Несмотря на научно-популярную форму изложения, эти работы представляли большой научный интерес. В них был дан анализ национально-освободительного движения в странах Востока, показаны его особенности в зависимости от внутренней экономической структуры каждой страны, перспективы развития революционного движения ⁷¹.

Однако в некоторых случаях познанию характера и перспектив освободительного движения в колониальных и зависимых странах мешало недостаточно глубокое знание реальной ситуации. Большое влияние на советскую востоковедную литературу оказали и левосектантские настроения, появившиеся в коммунистическом движении на Востоке ⁷².

Не менее важной темой в работах ВНАВ было изучение международных отношений новейшего периода, политики империалистических держав. Молодая марксистская наука о международных отношениях создавалась по горячим следам событий. Объектом ее исследований были острые проблемы самого недавнего прошлого и настоящего. Наибольшее внимание привлекали вопросы, связанные с развитием противоречий между империалистическими странами, колониальной политикой империализма, и в частности политикой великих держав на Ближнем и Дальнем Востоке. Таковы работы М. П. Павловича, В. А. Гурко-Кряжина, А. Е. Ходорова, В. Д. Виленского, А. А. Султан-заде и др. В них разоблачалась агрессивная политика империалистиче-

ских держав на Востоке, анализировались способы и методы колониального закабаления слаборазвитых и зависимых государств. Заслугой авторов явилось разоблачение внешней политики русского царизма по отношению к странам Востока. Показ агрессивной сущности внешней политики царизма В. И. Ленин считал одной из актуальных задач идеологической работы⁷³. Сильная сторона этих работ — их обличительный характер, публицистическая заостренность, антиимпериалистическая направленность.

В конце 20-х годов прошла полоса теоретических дискуссий, которые подводили итоги изучения истории Востока за годы Советской власти. В ходе дискуссий определялось направление научных исследований на последующий период.

Важнейшее место среди обсуждений тех лет заняла проблема о так называемом «азиатском способе производства». ВНАВ была издана книга зачинателя дискуссий С. М. Дубровского «К вопросу о сущности „азиатского способа производства“, феодализма, крепостничества и „торгового капитала“» (М., 1929). В дискуссии ставился вопрос, является ли азиатский способ производства самостоятельной формацией, или это разновидность феодализма в странах Востока⁷⁴. Большое внимание проблемам феодализма уделяли в своих работах И. Н. Бороздин, В. А. Гордлевский и др.

Широкая дискуссия среди иранистов развернулась по оценке переворота Реза-хана в Иране в 1925 г. Обсуждение этой проблемы шло на страницах «Нового Востока», но, учитывая ее важное теоретическое и практическое значение, ВНАВ издала отдельный сборник «Проблемы современной Персии» (М., 1927). Среди иранистов существовали различные мнения по оценке социальной сущности власти Реза-хана и путях развития освободительного движения в стране⁷⁵.

В 1923 г. ВНАВ издала сборник статей по Афганистану (Д. Н. Анучин, В. А. Гурко-Кряжин, В. А. Городцов). В нем исследовалась героическая борьба народов Афганистана против британских колонизаторов, анализировалась социальная природа нового афганского государства, восстановившего в 1919 г. при поддержке Советской России свою политическую независимость.

Ассоциация выпустила ряд работ по истории совет-

ского востоковедения: «5 лет советского востоковедения» (1927), «Памяти М. П. Павловича» (1928), а также «Библиографию Востока» (1928).

Высокой оценки заслуживает деятельность ВНАВ по изданию научно-популярной литературы, предназначенной для широких трудящихся масс и удовлетворения их интереса к событиям на Востоке. Эта литература выполняла важную общественно-политическую функцию, способствуя воспитанию советского народа в духе интернационализма и братской солидарности с трудящимися колониальных и зависимых стран.

Работы, изданные ВНАВ, как уже отмечалось, не были свободны от недостатков и были подвергнуты резкой критике в начале 30-х годов. Они носили преимущественно публицистический характер, не содержали глубокого анализа общественных отношений. Незнание восточных языков рядом авторов, сотрудничавших во ВНАВ, невозможность ознакомиться с местными материалами, отсутствие или недостаточность информации о событиях, происходящих на Востоке, приводили иногда к излишнему социологизированию, модному в 20-е годы. Увлечение современностью, отказ от глубокого изучения прошлого зачастую являлись причинами непонимания происходящих событий, неправильного толкования породивших их причин. Господствующая в исторической науке школа М. Н. Покровского, отождествлявшая развитие торгового капитала с развитием капитализма, оказала влияние на взгляды некоторых востоковедов.

Однако, несмотря на все эти недостатки, работы ВНАВ имели большое значение для развития советского востоковедения и, по существу, заложили прочный фундамент для развития науки о современном Востоке в последующие годы. Основное достоинство литературы 20-х годов — заостренная политическая постановка вопросов о социально-экономическом развитии, национальном движении, роли отдельных классов и социальных слоев в демократическом движении, политике империалистических держав на Востоке и т. п.

В. А. Гурко-Кряжин, давая оценку работы ВНАВ, отмечал, что она «сумела в основном выполнить порученные ей задачи: организационно — она сумела сплотить наиболее живые элементы старого востоковедения

в одно целое с представителями новой марксистской ориенталистики»⁷⁶.

Вместе с тем сложная политическая обстановка, в которой происходила деятельность ВНАВ, непрекращающаяся борьба на идеологическом фронте, отрицательное влияние складывавшегося культа личности на развитие общественных наук, в том числе на востоковедение, отсутствие такого авторитетного руководителя, каким был М. П. Павлович (он умер в 1927 г.), — все это подорвало авторитет ВНАВ среди востоковедов. В конце 20-х годов Ассоциация подверглась острой критике за непоследовательное проведение в жизнь марксистских положений в востоковедении, за публикацию неактуальных статей, за низкий теоретический уровень работ и т. п. С. М. Диманштейн в 1930 г. отмечал, что «общий авторитет ВНАВ был за последнее время невысок, с ней не были увязаны многие из новых марксистских сил», Ассоциация не была достаточно воинствующей организацией⁷⁷.

Снизился и теоретический уровень журнала «Новый Восток», — в нем резко сократилось количество проблемных статей. Украинский съезд востоковедов обвинил ВНАВ и журнал в «псевдомарксизме, использовании неподходящих источников»⁷⁸.

В октябре 1928 г. деятельность ВНАВ обсуждалась в ЦК ВКП(б). В ее работе наряду с положительными моментами были отмечены серьезные недостатки как в научно-теоретической деятельности, так и в подборе и расстановке кадров⁷⁹. Становилось очевидным, что Ассоциация уже не могла руководить востоковедной работой в Союзе. В 1930 г. она была упразднена.

Но, несмотря на это, оценивая деятельность ВНАВ сейчас, через 50 лет, необходимо отметить, что ее значение в истории советского востоковедения очень велико. Она способствовала организационному объединению советских востоковедов, созданию востоковедных центров, наметила новые типы исследований по современному Востоку, которые на многие годы определили направление востоковедения, создала базу для углубленного изучения Востока в экономическом, социально-политическом, историческом отношении и способствовала развитию и укреплению связей Советского Союза с восточными государствами.

Работу востоковедов 20-х годов по организации и развитию советского востоковедения трудно переоценить. Без их плодотворной и разносторонней научной, организационной деятельности вряд ли были бы возможны те успехи и достижения в востоковедной науке, которых она достигла. Говоря о позитивных сторонах деятельности первых советских востоковедов, директор Института востоковедения АН СССР, академик Е. М. Примаков подчеркивал, что в этот период «впервые востоковедные исследования стали тесно сочетаться с практикой. Востоковеды приступили к изучению важнейших проблем национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки, внесли свой вклад в экономическое и культурное строительство в республиках Советского Востока. В востоковедную науку пришли ученые-коммунисты, работники Коммунистического Интернационала, немало сделавшие для разработки стратегии и тактики национально-освободительного движения на Востоке. Новые идеи захватили умы и старшего поколения русских востоковедов... Связь поколений — важная традиция советского востоковедения»⁶⁰.

История ВНАВ — лишнее свидетельство тому, что наука не может развиваться без преемственности поколений, без уважения прогрессивных традиций. Изучение истории развития и становления советского востоковедения является актуальным и в наши дни, так как помогает избежать многих ошибок и обобщить коллективный опыт деятельности большого числа востоковедов.

¹ Устав Всесоюзной Ассоциации востоковедов. — «Народы Азии и Африки». 1981, № 2, с. 172—174.

² А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. — «Новый мир». 1925, № 10, с. 110.

³ И. Бороздин. М. П. Павлович и Всесоюзная научная Ассоциация востоковедения. — «Новый Восток». 1927, № 18, с. XXXIX.

⁴ Н. А. Кузнецова. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР. — «Народы Азии и Африки». 1969, № 3, с. 56.

⁵ Мих. Павлович. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения. — «Новый Восток». 1922, № 1, с. 9.

⁶ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, л. 578.

Коллегия вначале была создана при факультете общественных наук Петроградского университета. Устав коллегии был утвержден 26 июня 1920 г. Впоследствии, с 14 мая 1921 г., по инициативе собрания востоковедов она была передана в ведение Азиатского музея Академии наук с целью лучшей организации научной деятельно-

сти востоковедов («Известия РАН». Сер. 6, 1921, т. 15, с. 184; А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт. М., 1977, с. 11—12).

⁷ Д. Е. Бертельс. Введение.— Азиатский музей — Ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 37.

⁸ В. Гурко - Кряжин. 10 лет востоковедной мысли.— «Новый Восток». 1927, № 19, с. XV.

⁹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 4.

¹² Н. А. Кузнецова. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР, с. 57—58.

¹³ «Известия», 29.XII.1921.

¹⁴ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1, с. 456.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 1, л. 7; «Новый Дальний Восток». 1923, № 1—3, с. 33.

¹⁶ «Новый Дальний Восток». 1923, № 1—3, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 37.

¹⁸ «Научный работник». 1925, № 1, с. 86.

¹⁹ М. П. Павлович. Научная ассоциация востоковедения СССР.— «Научный работник». 1925, № 1, с. 86.

²⁰ См.: Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Михаил Павлович Павлович (Вельтман).— М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость, с. 5—62.

²¹ М. П. Павлович: Всероссийская научная ассоциация востоковедения.— «Жизнь национальностей». 1923, кн. 1, с. 267—271; Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1, с. 3—16; Восток в борьбе за независимость, с. 245—251, с. 256—263.

²² «Новый Восток». 1922, № 1, с. 10.

²³ М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость, с. 245.

²⁴ С. Вельтман. Жизнь и смерть М. П. Павловича.— Памяти М. П. Павловича (Вельтмана). Сб. статей. М., 1928, с. 66—67.

²⁵ А. Е. Ходоров. Памяти М. П. Павловича.— «Новый Восток». 1927, № 18, с. XV.

²⁶ М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость, с. 245—248.

²⁷ См.: Вл. Котвич. Рец. на журн. «Новый Дальний Восток». 1923, № 1—3.— «Восток». 1924, № 4, с. 179.

²⁸ С. Ф. Ольденбург. Памяти М. П. Павловича.— «Новый Восток». 1927, № 18, с. XXV.

²⁹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 345, л. 1.

³⁰ М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость, с. 77.

³¹ В. А. Гурко - Кряжин. 10 лет востоковедной мысли.— «Новый Восток». 1927, № 19, с. XIV.

³² С. Ф. Ольденбург. Востоковедение в Петрограде 1918—1922 гг.— «Научный работник». 1925, № 1, с. 242.

³³ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1, с. 454—455.

³⁴ Там же.

³⁵ Н. А. Кузнецова. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР, с. 60—61.

³⁶ «Новый Восток». 1922, № 1, с. 454—455.

³⁷ Мих. Павлович. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения, с. 13.

³⁸ Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. М., 1970, с. 21—22.

³⁹ См.: И. Н. Бороздин. Новейшие археологические открытия в Крыму. М., ВНАВ, 1925; он же. Солхад. М., ВНАВ, 1926; В. А. Гурко-Кряжин. Абхазия. М., ВНАВ, 1926; он же. Хевсуры. М., ВНАВ, 1928; Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму, ВНАВ, 1927.

⁴⁰ Е. Ш. Совещание научных учреждений Москвы по вопросу о научном изучении вопросов труда и быта женщин Востока.— «Новый Восток». 1929, № 26—27, с. 422—427.

⁴¹ М. П. Павлович. Научная ассоциация востоковедения СССР, с. 90; Н. А. Кузнецова. У истоков марксистско-ленинского востоковедения в СССР, с. 65.

⁴² А. Жирмунский. Об организации Комиссии по изучению естественных производительных сил Востока при ВНАВ.— «Новый Восток». 1924, № 5, с. 456—457.

⁴³ З. Н. Степанова. Журнал «Новый Восток» и его роль в становлении советского востоковедения.— Международная научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии (20—22 декабря 1966 г.). Тезисы докладов. М., 1966, с. 13.

⁴⁴ Конечно, не сразу «Новый Восток» обрел свой научный уровень: были в нем и слабые материалы. Так, например, Б. Шумяцкий сообщает в своем письме из Ирана от 16 октября 1922 г., что, по его мнению, «почти весь персидский материал первого номера какой-то либеральный набор компиляций». Составлялся он по справкам, которые без тщательной обработки и проверки попадали на страницы московских изданий (ЦГАОР, ф. 1335, оп. 1, д. 1, л. 60).

⁴⁵ И. Бороздин. М. П. Павлович и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения, с. XI.

⁴⁶ Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Михаил Павлович Павлович (Вельтман), с. 21—22.

⁴⁷ А. Н. Гладстерн. М. П. Павлович.— Памяти М. П. Павловича (Вельтмана). Сб. статей, с. 82—83

⁴⁸ В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970; С. Л. Агаев. Советское ирановедение 20-х годов. М., 1977.

⁴⁹ «Правда», 3.V.1925; «Известия», 23.IV.1923.

⁵⁰ М. П. Павлович. Восток в борьбе за независимость, с. 249.

⁵¹ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1922, № 1, с. 454.

⁵² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 1, д. 4, л. 2.

⁵³ Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 439, л. 3.

⁵⁴ «Бюллетень Иркутского филиала ВНАВ», 1926, № 1, с. 3—4.

⁵⁵ Дальневосточный отдел ВНАВ.— «Новый Восток». 1922, № 3, с. 578.

⁵⁶ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1924, № 6, с. 506; В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая, с. 81—84.

- ⁵⁷ М. А. Ахунова, Б. В. Лунин. История исторической науки в Узбекистане. Таш., 1970, с. 45.
- ⁵⁸ «Бюллетень Всеукраинской научной ассоциации востоковедения». Харьков, 1927, № 2—3. В 1925 г. в Киеве был создан филиал ВНАВ, но через несколько месяцев он был преобразован в самостоятельный Всеукраинский центр научного востоковедения (см.: И. М. Фалькович. К истории советского востоковедения на Украине.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 4).
- ⁵⁹ И. М. Фалькович. К истории советского востоковедения на Украине, с. 273.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1924, № 5, с. 453.
- ⁶² «Правда», 16.VII.1924.
- ⁶³ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 223, л. 49.
- ⁶⁴ М. П. Павлович. Научная ассоциация востоковедения, с. 86.
- ⁶⁵ Деятельность Научной ассоциации востоковедения.— «Новый Восток». 1924, № 5, с. 453.
- ⁶⁶ ЦГАОР, ф. 1318, д. 439.
- ⁶⁷ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 2, д. 42 (Из постановления «О необходимости подготовки при НАВ востоковедных работников и научно-исследовательских и педагогических кадров»).
- ⁶⁸ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 7—8.
- ⁶⁹ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля — 6 марта [1926]. Стенограф. отчет. Баку, 1926.
- ⁷⁰ С. Диманштейн. Поворотный пункт в советском востоковедении.— «Новый Восток». 1930, № 28, с. XIX.
- ⁷¹ Н. Н. Селихов, С. Л. Вельтман. Ленин и первые шаги советского востоковедения.— «Советское востоковедение». 1958, № 2, с. 23.
- ⁷² См.: С. Л. Агаев. Советское ирановедение 20-х годов, с. 28.
- ⁷³ В. И. Ленин. Воинствующий милитаризм.— Т. 17, с. 194—195.
- ⁷⁴ См.: В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая, с. 217—240.
- ⁷⁵ См.: С. Л. Агаев. Советское ирановедение 20-х годов, с. 57—85.
- ⁷⁶ В. А. Гурко-Кряжин. 10 лет востоковедной мысли, с. XV.
- ⁷⁷ С. Диманштейн. Поворотный пункт в советском востоковедении, с. XX—XXI.
- ⁷⁸ З. Н. Степанова. Журнал «Новый Восток» и его роль в становлении советского востоковедения, с. 13.
- ⁷⁹ С. Диманштейн. Поворотный пункт в советском востоковедении, с. XX—XXI.
- ⁸⁰ «Народы Азии и Африки», 1981 № 1, с. 11.

Часть II

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Об Армянском институте в Москве (Положение)
(«Известия ВЦИК» № 55 от 12 марта 1919 г.— Собр. Указ. и Расп.
от 21 апреля 1919 г. № 10—11, ст. 109)

1. Армянский институт в Москве (быв. Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс, состоит из Единой трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языках.

2. Впредь до полной реорганизации института и опубликования Устава все хозяйственное и учебное дело института находится в непосредственном ведении Комиссариата по армянским национальным делам, который работает под общим руководством Народного Комиссариата просвещения. Постановления и решения всех коллегий советов Института входят в силу лишь по утверждению комиссара.

3. Комиссар Армянского института в Москве назначается Комиссариатом по армянским национальным делам и утверждается Народным Комиссариатом просвещения.

4. Все имущество, а также все капиталы, принадлежавшие быв. Лазаревскому институту, остаются за Армянским институтом в Москве и находятся в распоряжении Комиссариата по армянским национальным делам.

5. На капиталы Института содержатся и пополняются: 1) Армянский музей при Институте; 2) Фундаментальная библиотека; 3) издаются материалы по истории, по армянскому языку и по истории литературы Армении.

6. Суммы на содержание Единой трудовой школы, а также факультетов отпускаются Народным Комиссариатом просвещения по сметам, утвержденным Отделом просвещения национальных меньшинств.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар юстиции Д. Курский

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

В. Д. Бонч-Бруевич.

4 марта 1919 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

205. О Центральном институте живых восточных языков
(«Жизнь национальностей», № 29 от 24 сентября 1920 г.)

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Для преподавания живых восточных предметов практического востоковедения существующий в Москве бывший Лазаревский (ныне Армянский) институт преобразовывается в Центральный институт живых восточных языков.

Примечание. По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского института Институт временно открывается в Петрограде.

2. Выработка положения о Центральном институте поручается Наркомнацу совместно с Наркомпросом и Наркоминделом.

3. Институту предоставляется право устраивать общедоступные востоковедные курсы, организовывать музеи, выставки и отделения Института в других городах.

4. Центральный институт находится в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и Наркоминдела, причем утверждение состава преподавателей и учебных планов остается за Наркомпросом. Комиссары Института и его отделений назначаются Наркомнацем.

Комплектование Института слушателями, вся организация хозяйственного и учебного дела производится Наркомнацем. Распределение окончивших институт производится через Наркомнац и Наркоминдел.

5. Институт и его отделения имеют постоянный штат преподавателей, общежитие для слушателей и приравниваются к специальным военно-техническим учебным заведениям со всеми правами и выдачами довольствия

для преподавателей и учащихся, присвоенными таким заведениям.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Управл. делами Совета Нар. Комиссаров

В. Д. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета Народных Комиссаров

Л. Фотиева

г. Москва, Кремль, 7/IX—20 года.

УСТАВ

Всероссийской научной ассоциации востоковедения
при Народном Комиссариате по делам национальностей
(Учрежд. Президиумом ВЦИК 13.XII.21 г.)

Раздел I

Общие положения (цели и задачи)

§ 1. Всероссийская научная ассоциация востоковедения имеет целью всестороннее изучение стран Востока, а также распространение научных и прикладных знаний о них.

§ 2. Для достижения указанной цели Ассоциация:

а) объединяет все существующие на территории РСФСР общества и организации, преследующие аналогичные цели, на началах соглашения, устанавливаемого существующими обществами и организациями, использует все научные силы, материалы, библиотеки, архивы, музеи и проч. последних и открывает свои филиальные отделения;

Примечание 1. Ассоциация имеет право открывать свои филиальные отделения и информационное бюро за границей по соглашению с НКВД.

Примечание 2. Предметы ведения отделений, их устройство и порядок деятельности устанавливаются Правлением Ассоциации, особо в каждом отдельном случае, в рамках, определяемых настоящим Уставом Ассоциации.

б) вступает в сношения с существующими научными обществами, организациями и отдельными лицами, находящимися в разных странах, в интересах научной взаимопомощи;

в) собирает и обрабатывает материалы, причем в

первую очередь материалы о положении в колониальных и полуколониальных странах;

г) содействует организациям, учреждениям и отдельным лицам в деле осуществления заданий Ассоциации;

д) устраивает библиотеки, читальни, публичные лекции, выставки и экскурсии;

е) созывает международные конгрессы и всероссийские съезды, конференции и совещания научных и практических работников на Востоке и в связи с ним;

ж) организует научные экспедиции и

з) издает научные труды, журналы, сборники по отдельным вопросам и т. д.

§ 3. Всероссийская научная ассоциация востоковедения, согласно постановлению Президиума ВЦИК от 13.XII.21 г., учреждается при Народном Комиссариате по делам национальностей и подотчетна последнему.

§ 4. Ассоциация имеет гриф и печать с обозначением своего наименования.

§ 5. Руководящими органами Ассоциации являются:

а) Съезды членов Ассоциации;

б) Правление и Президиум Правления.

§ 6. Членами Ассоциации могут быть все ученые специалисты-востоковеды, практические работники на Востоке... и лица, интересующиеся Востоком и оказывающие услуги Ассоциации.

§ 7. Члены Ассоциации делятся на действительных членов и членов-корреспондентов.

§ 8. Действительные члены избираются общим собранием членов Ассоциации большинством голосов, по письменному предложению двух членов Ассоциации, из числа [лиц], указанных в § 6, и пользуются правом решающего голоса.

§ 9. Члены-корреспонденты приглашаются Правлением Ассоциации и его отделений из числа лиц, указанных в § 6 и находящихся в зарубежных странах Востока и Запада, и утверждаются ближайшим общим собранием членов Ассоциации.

Члены-корреспонденты информируют Ассоциацию по всем интересующим ее вопросам, выполняют отдельные задания последней и пользуются правом решающего голоса.

Раздел II

Съезд членов Ассоциации

§ 10. Всероссийский съезд членов Ассоциации созывается не реже одного раза в год, в заранее установленный Правлением Ассоциации срок, причем о дне и вопросах съезда местные отделения Ассоциации извещаются за месяц до съезда. Чрезвычайные съезды созываются по требованию одной трети членов по постановлению Коллегии НКН и особому постановлению Правления с утверждения Коллегии НКН.

§ 11. Норма представительства на съезд — 1 делегат на 10 членов Ассоциации.

§ 12. Выборы делегатов на съезд производятся на общих собраниях членов Ассоциации, созываемых Правлением отделений Ассоциации на местах.

§ 13. Ведению Съезда подлежит:

а) заслушивание, обсуждение и утверждение докладов, отчетов и плана работы Правления и отделений на местах;

б) решение вопросов, связанных с изменением Устава Ассоциации;

в) установление общей линии работы Ассоциации;

г) избрание членов Правления.

Раздел III

Правление

§ 14. Всеми делами Ассоциации ведает Правление в составе 9 членов, из коих трое делегируются от НКН, НКИД и НКП, а шесть членов и три кандидата избираются на ежегодных съездах членов Ассоциации сроком на один год и утверждаются Коллегией НКН.

Примечание. До созыва первого Всероссийского съезда членов Ассоциации Правление конструируется на началах, изложенных в настоящем параграфе, на общем собрании учредителей, созванном Оргбюро Ассоциации, и утверждается Коллегией НКН.

§ 15. Ведению Правления Ассоциации подлежит:

а) наблюдение за проведением в жизнь постановлений съездов членов Ассоциации;

б) разрешение вопросов о созыве конференций и совещаний научных и практических работников на Востоке, входящих в компетенцию Ассоциации;

в) предварительное рассмотрение и утверждение планов и сметы Ассоциации;

г) разрешение вопросов об открытии новых отделений и вспомогательных учреждений Ассоциации;

д) разрешение вопросов об организации научных экспедиций и об отношениях с заграничными учреждениями и отдельными лицами;

е) утверждение заведующих отделениями Ассоциаций;

ж) утверждение трудов, подлежащих изданию за счет Ассоциации, и присуждение премий;

з) разработка всех вопросов, предложенных съездом Правлению и вносимых Президиумом на рассмотрение Правления.

§ 16. Кворум заседания Правления определяется в $\frac{2}{3}$ числа членов Правления. Все вопросы в заседаниях Правления решаются путем открытого голосования простым большинством голосов. В случае разделения голосов голос председателя дает перевес.

§ 17. Правление созывается Президиумом не реже одного раза в месяц.

Примечание. Экстренные заседания Правления созываются Президиумом или по требованию не менее трех членов Правления.

Раздел IV

Президиум

§ 18. Для руководства всей текущей деятельностью Ассоциации Правлением выделяется Президиум в составе председателя, тов. председателя и ученого секретаря. В частности, на Президиум возлагается:

а) проведение в жизнь всех постановлений съезда членов Ассоциации и Правления;

б) руководство работой отделов, учреждений и отделений Ассоциации;

в) приглашение и увольнение сотрудников Ассоциации;

г) составление ежегодных смет и планов работ Ассоциации;

д) подготовка материалов к заседаниям Правления;

е) сношение со всеми ведомствами, учреждениями и отдельными лицами.

Раздел V

Отделы и учреждения Ассоциации

§ 19. Вся научная деятельность Ассоциации сосредоточивается в двух отделах: Политико-экономическом и Историко-этнологическом (истории, археологии и этнографии).

§ 20. Отдел Политико-экономический изучает вопросы, связанные с политико-экономическим и социальным состоянием современного Востока.

§ 21. Отдел Историко-этнологический изучает Восток в отношениях: историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом.

§ 22. Оба отдела имеют право с разрешения Правления организовать секции как по странам Востока, так и по отдельным вопросам.

§ 23. На отделы возлагается, помимо собирания и обработки материалов, подготовка научных и научно-популярных изданий, научных экскурсий и экспедиций в страны Востока и организация научных заседаний, дача заключений по заданиям Правления и его Президиума по отдельным практическим или теоретическим вопросам востоковедения в пределах своей компетенции.

§ 24. Заведующие отделами утверждаются Правлением из числа членов Правления или из лиц, приглашенных Президиумом Правления.

§ 25. Для руководства редакционно-издательской деятельностью Правления Ассоциации образуется коллегия из 3-х лиц. Председателем коллегии является один из членов Правления или лицо, приглашенное Президиумом и утвержденное Правлением, членами коллегии — заведующие Политико-экономическим и Историко-этнологическим отделами.

§ 26. На редакционно-издательскую коллегия возлагается:

а) разработка издательского плана Ассоциации и наблюдение за его выполнением и

б) рассмотрение трудов как самостоятельных, так и переводных, предлагаемых к печатанию, и дача по ним заключений.

§ 27. Редакционно-издательская коллегия может пользоваться для издания своих трудов аппаратом Редакционно-издательского отдела НКН.

§ 28. Вся информационная, организационная и административная деятельность Правления Ассоциации сосредоточивается в Секретариате, в состав коего входят три подотдела:

1. Информационный подотдел — по всем вопросам текущей жизни современного Востока.

2. Организационный подотдел, ведающий вопросами организации съездов, конференций, совещаний, экспедиций, экскурсий, отдельных ученых командировок и связей как в пределах РСФСР, так и за границей и

3. Общий подотдел, ведающий общей перепиской.

§ 29. Во главе Секретариата стоит член Президиума Правления, он же ученый секретарь Правления.

§ 30. Президиум Ассоциации может организовывать библиотеки и прочие учреждения, существующие на основании особых положений, утвержденных Правлением Ассоциации.

Раздел VI

Финансы Ассоциации

§ 31. Финансы Ассоциации составляют из ассигнований заинтересованных Комиссариатов, членских взносов и доходов от продажи изданий и других учебно-учебных предприятий.

С. Ф. Ольденбург

**НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. И. И В. И. УЛЬЯНОВЫХ
«КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ» (Л., 1924, № 2 (11))**

Из двух братьев я сперва познакомился с Александром Ильичем, студентом-естественником. Он принадлежал, как и я, к студенческому научно-литературному обществу, которое объединяло наиболее активные элементы научно работавшего студенчества. Он принадлежал, как и я, к научному отделу общества и сделался его секретарем. А. Ульянов был зоолог, много и упорно работавший, работе его была присуждена золотая медаль. К своим секретарским обязанностям в обществе он относился ревностно, принимая деятельное участие в организационных вопросах. Общество ставило себе задачи, кроме объединения студенчества, и укрепление связи с кончившим курс, мечтая, таким образом, соединить чисто научную работу с жизнью. Общество издавало программы для собирания разного рода сведений на местах по всем наукам. Слово «краеведение» тогда еще не произносилось, но в сущности уже в довольно широком масштабе студенты вели краеведческую работу.

Что побудило А. Ульянова работать в обществе? Ведь он несомненно в это время уже готовился к террористическим выступлениям, потеряв веру в возможность успешной мирной, культурной борьбы. Этот вопрос я ставил себе после его смерти не раз. И удовлетворительный ответ на него получил только, когда познакомился потом с его братом, Владимиром Ильичем. Да, Александр Ильич был, как и брат, прежде всего человеком воли и действия. Эта сторона его характера определила для него ту террористическую деятельность, которая и привела его к смерти. Но наряду с этим в нем, как и в его брате, была заложена глубокая вера и любовь к

науке: разрушая старую жизнь, которая рисовалась ему как сплошное рабство, он понимал, что новую, свободную, рациональную жизнь, для которой он не жалел жизнью, своей и чужих, можно создать, только опираясь на науку с ее неуклонным свободным исканием. Оттого он с такой любовью вел свои глубоко специальные лабораторные занятия по зоологии, оттого он писал с таким увлечением специальную, столь, казалось, далекую от жизни, а особенно от террористического акта, работу, за которую ему присудили потом золотую медаль.

Так хорошо помню его лицо, всегда несколько суровое, даже часто мрачное; говорил он мало и не любил слушать длинные разговоры — типичная особенность людей действия и людей мысли. В кругу научно-литературного общества и специально научного отдела он не любил поднимать политических разговоров, зато разговоры на темы научные всегда находили в нем живой отклик. Мы смутно догадывались, что рядом с этой общей с нами научной жизнью у него есть какая-то другая, но так как он молчал, то молчали и мы.

Об аресте его мы скоро узнали, с ним были арестованы и многие другие наши знакомые и товарищи. Начался процесс, о котором до нас долетали иногда слухи. Теперь этот процесс давно общеизвестен, даже в мелких подробностях, но мне хотелось бы подчеркнуть в нем одну черту, столь характерную для Александра Ильича: он старался как можно больше ответственности перенести на себя, выгораживая других, умер он просто и спокойно¹.

Знакомство с Александром Ильичем привело меня и к первой встрече с его братом, студентом. По просьбе общих знакомых я оказал несколько услуг молодой курсистке, сестре моего покойного товарища по научно-литературному обществу, Ольге Ильинишне, которая вскоре заразилась тифом и умерла. У меня сохранилось о ней воспоминание как об удивительно милom, скром-

¹ За себя и за своих товарищей он заявил на суде, что *не боится* (курсив наш.— *Ред.*) смерти, «ибо нет смерти почетнее, как смерть за благо родины, и она не может испугать честного истинного гражданина» (см. сборник «Последние слова казненных». Изд. «Современник». Петербург, 1906 г.). [Сноску приводит редакция журнала «Красная летопись».]

ном и молчаливом молодом существе, — она хотела учиться и много занималась.

Владимир Ильич пришел ко мне в один из приездов в Петербург, чтобы поговорить о сестре и о брате. Помню его мрачным и молчаливым, смерть брата он переживал трудно. Ему, видимо, хотелось услышать о нем от человека, с ним работавшего. Вопросы его касались главным образом научной работы, и это одно из самых сильных воспоминаний от этой встречи. Владимиру Ильичу было, видимо, особенно дорого и важно, что брат его занимался именно научной работой. Казалось бы, при тех обстоятельствах, в которых мы встретились, нам обоим было не до научных вопросов, между тем о них в сущности и шла только речь. Может быть, людей, ближе меня знавших Владимира Ильича, эта черта не поразила бы так, но для меня это подавление личных переживаний, подавление даже упоминаний о политической стороне дела было чем-то совершенно новым, большинство моих товарищей, из активных революционеров, к науке относилось с некоторым пренебрежением, в лучшем случае — с нетерпением, как к чему-то, чем не время заниматься в борьбе. За всеми вопросами Владимира Ильича чувствовался живой, непосредственный интерес, и, если бы я не знал, что он занят активной борьбой, я подумал бы, что он решил посвятить себя науке.

Не могу точно установить даты этой встречи. Это было после смерти его брата², но отчетливо помню молодое, мрачное, ни разу не улыбнувшееся лицо, напряженное выражение...

После этой встречи я уже встретил его как Председателя Совнаркома Советской России, и разговор наш опять коснулся науки.

² Владимир Ильич был в Петербурге в марте 1891 г., когда хлопотал о допущении его держать экстерном государственные экзамены по юридическому факультету Петербургского университета. [Примеч. редакции журнала «Красная летопись».]

С. Ф. Ольденбург

ВОСТОК И ЗАПАД В СОВЕТСКИХ УСЛОВИЯХ

М.—Л., 1931, стр. 3, 4

Все мы сознаем, какую громадную, коренную перемену в нашем научном мировоззрении произвела Октябрьская революция.

Причина этого лежит в совершенно новой целевой установке научной работы, в новом понимании задач самой науки—в теснейшем сближении ее с жизнью. Раньше мы, работая научно, стремились выявить и обосновать известные научные истины, вполне отвлеченные, или установить ряд фактов, не считаясь с тем, имеют ли эти истины и факты отношение к жизни и к ее задачам. Теперь мы говорим совершенно определенно: наука должна служить нам основой социалистического строительства. Истины, которые мы теперь выясняем, касаются понимания жизненного процесса вообще и должны вместе с тем помочь нам в выработке правильного строительства жизни.

На этих новых путях науки среди общественных научных дисциплин в настоящее время особенное место занимает востоковедение, которое, как я выясню дальше, не имеет, собственно, права называться самостоятельной научной дисциплиной.

Особенность положения востоковедения стоит в прямой связи с крупнейшим вопросом о Востоке и Западе—вопросом, в котором советская наука заняла иное положение, чем то, какое занимает Запад в большинстве его представителей. Так как в нашем социалистическом строительстве вопрос о Востоке и Западе имеет большое значение (достаточно вспомнить о значительном числе республик восточных в нашем Союзе и о нашем отношении к странам зарубежного Востока), то необходимо его осветить надлежащим образом.

В истории противопоставления Востока Западу главную роль играли захватнические тенденции. Для древности — это период Александра Македонского и его преемников и затем Рим, в новые времена — это европейские государства, создающие свои колониальные империи. Вопрос имеет свою длинную и сложную историю, но она еще не написана, и я поэтому ограничусь ссылкой на наиболее яркие и характерные проявления противопоставления Запада Востоку в новейшие времена в империалистических кругах Англии.

Известный поэт Тениссон говорил в середине 19-го века, что «лучше 50 лет Европы, чем целый жизненный цикл Китая!» Всем хорошо известны слова Киплинга в его «Балладе о Востоке и Западе»: «О, Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и никогда оба они не сойдутся, пока земля и небо не предстанут перед великим судилищем бога». И ничего по существу не изменяет то, что Киплинг как будто сам этим словам противопоставляет другие, где говорит, что, где встретятся два сильных человека, там нет ни Востока, ни Запада, потому что из текста баллады видно, что сильный человек Востока подчиняется сильному человеку Запада. Можно, конечно, сказать, что поэты недостаточно показательны, хотя приведенные два имени — Тениссон и Киплинг — принадлежат людям, которые особенно ярко представляют империалистическую Англию. Чтобы подкрепить эти цитаты, я сошлюсь на исторический труд по Индии 1924 г., где в конце очерка истории древней Индии сказано: «Политическая история Индии не может соперничать в значении с историей Греции, Рима или современной Европы для выявления эволюции конституций в городах и государствах. Индийцы, как и другие народы Востока, обыкновенно довольствовались простым деспотическим управлением, потому что разница между одним правительством и другим заключалась скорее в личных свойствах и способностях различных деспотов, чем в переменах, происшедших вследствие постепенного развития учреждений. Установления отдельных талантливых самодержцев, как Чандрагупта-Маурья, Ашока и Акбар, погибли по большей части вместе с их создателями. Нарождающаяся индийская конституция, которая теперь создается, является иноземным импортом, не вполне понятным народу, ко благу которого она пред-

назначается, и, может быть, она никогда не будет им вполне понятна»¹.

Трудно более определенно выразить точку зрения империализма по отношению к колонии ...[нет] никакого сомнения в превосходстве Запада над подлежащим опеке Востоком! Насколько непоколебимо это убеждение, что автор, историк, забывает о том, что в истории исследования общины, в истории права история индийских учреждений сыграла крупнейшую роль и что исследователями были здесь главным образом англичане.

Полагаю, что нет надобности множить примеры. Практически этот взгляд имел громадное значение по отношению к научному исследованию Востока, который оказался в значительной мере на положении колонии, с одной стороны, и на положении какого-то особого мира экзотики — с другой. Этому обособлению и специальному выделению в изучении Востока явлений надстроечного порядка немало способствовали и религиозные установки старого строя, создавшего подробнейшее исследование всего, связанного с изучением Библии, которая выдвигалась как характерное произведение Востока.

На этой почве и возникла та своеобразная научная дисциплина, которая носит название «востоковедение» и которая, на самом деле, является объединением разного рода исследований специально по одному Востоку, притом главным образом в области языкознания, истории религии, литературоведения, искусств изобразительных и археологии; она касается в значительной мере и политической истории, и лишь в редких случаях экономики. Востоковедение отличается еще одною чертою, которую оно разделяет, впрочем, и с другими общественными научными дисциплинами: оно почти не занимается современностью, разве что в области языка, фольклора и отчасти быта.

Эта особенность коренится в старом, дореволюционном у нас, а на Западе и поныне широко распространенном среди представителей общественных наук взгляде, что современность не может быть настоящим образом научно изучаема вследствие невозможности относиться к ней с должной объективностью. Хотя неверный взгляд

¹ Послесловие S. M. Edwardes к четвертому (посмертному) изданию 1924 г. книги: V. A. Smith. The Early History of India. Oxford.

на так называемую научную объективность получил, казалось бы, решающую отрицательную оценку, все же он продолжает влиять, особенно на Западе.

Если присмотреться ближе к современной западной востоковедной литературе, то придется признать, что исследование современного Востока в ней почти отсутствует и очень слабо развито изучение экономики, даже для прежнего времени. Современным Востоком занимаются на Западе не востоковеды, а главным образом люди практики, в широкой мере администраторы. Это ненормальное положение дела пока мало сознается и мало подвергается критике, потому что, как я уже указал, до сих пор господствует представление о коренной разнице между Востоком и Западом. Тем любопытнее указать, что все же, кроме нас, в одной стране не так давно раздался голос, предостерегающий востоковедов, что они идут по неверным путям и что им надо... изменить свои научные установки.

Я имею в виду президентскую речь К. Адлера при вступлении в президентство Американского Восточного Общества в 1924 г.² Тема его была, как и моя, — «Восток и Запад». Прежде всего Адлер предостерегает западных людей против увлечения мыслью о превосходстве Запада над Востоком, которое, как он справедливо указывает, ничем не доказано. Вместе с тем он делает совершенно верные указания, что востоковеды в своей области, области надстроечных явлений, почти ничего не делают для того, чтобы изучить современную жизнь многочисленных народов Востока. Адлер метко отмечает: «Все сознают, что специалист в области физических наук имеет свое место в области народного хозяйства. Никому в голову не придет учредить гигиеническую лабораторию или вести работу в государственных учреждениях, имеющих отношение к гигиене и биологическим наукам, не обратившись за консультацией к соответствующим специалистам. Но, по-видимому, правительству и в голову не придет обратиться за советом к нашему обществу (Американскому Восточному Обществу) в делах, связанных со сложными и трудными проблемами, которые касаются стран и народов, относительно которых наше общество обладает специальными знаниями».

² C. Adler. East and West.— JAOS, 1924.

Приведя затем ряд примеров из области японо-американских отношений и переговоров, связанных с ликвидацией последствий империалистической войны, где он указывает на проявление плохой осведомленности у соответствующих правительств, Адлер продолжает: «За это невежество порицать приходится далеко не их одних. Я думаю, что эта наша ошибка — ошибка обществ, подобных нашему, которое ограничивает свою работу слишком узким кругом вопросов или не находит времени, чтобы применить ее к познанию мира сегодняшнего дня». Адлер затем справедливо говорит, что в начале жизни Общества, восемьдесят лет тому назад, у него была живая связь с работниками на местах, дипломатами, работниками разных министерств, путешественниками, которые дорожили связью с научным центром, но постепенно связь ослабла, когда люди кабинетного труда остались в кабинетах, и, поскольку они недостаточно дорожили связью с жизнью, постольку и жизнь прошла мимо них своим путем и нашла других, не кабинетных людей. Адлер кончает горячим призывом к членам Общества привлечь в свою среду людей, работающих непосредственно на Востоке, связать с ними свою кабинетную работу и сделать ее таким образом жизненной.

Тогда общество могло бы приступить и к популяризации таких общепользных знаний и способствовать установлению взаимного понимания между людьми Востока и Запада, ибо невероятно, чтобы то обстоятельство, что люди живут на разных континентах или отделены друг от друга океаном, лишало их возможности понимать друг друга.

Но призыв Адлера, видимо, не был услышан, — слишком еще глубоко на Западе держится представление о Востоке и Западе как разных мирах, и слишком слабо еще сознание, что научное изучение современности не только возможно, но и обязательно. Это тем более характерно, что Адлер имел в виду, несомненно, интересы империализма по отношению к рассматриваемому главным образом как колония Востоку.

Просматривая специальную востоковедную литературу последних лет, работу востоковедных научных учреждений Запада, мы не видим сдвигов в сторону, указанную Адлером. Востоковедная работа Запада значительна, но идет в старом русле, и признаков близкого,

готовящегося изменения не видно: для Запада Восток пока еще остается особым миром, изучение которого тоже ведется особым образом. Западное востоковедение не готовится к коренной перемене своих целевых установок. По-прежнему современным Востоком занимаются главным образом люди практики, люди жизни.

Мне пришлось подробнее остановиться на положении вопроса о Востоке и Западе в западной его постановке, которая пока находит себе отклик и на Востоке, так как я хотел показать, что иная, новая установка, которая представлена почти исключительно нашим Союзом и его научными работниками, встречается и будет еще встречать в течение известного, по крайней мере, времени серьезные препятствия своему развитию, которое должно идти быстрым темпом, так как жизнь не ждет и оставляет в стороне все и всех, кто не хочет с нею считаться. Задачи буржуазной науки — иные, чем науки социалистической, и потому вполне естественно, что и постановка и задачи советского, нового востоковедения — иные, чем у востоковедения западного. Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изучаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения.

Нам приходится пока еще фактически признавать востоковедение, несостоятельность которого как особой, самостоятельной дисциплины мы вполне сознаем, потому что ни одна из общественных дисциплин, в которые как естественная часть должны войти те или другие востоковедные исследования, не готова еще к этому слиянию: и экономика, и история, и языковедение, и литературоведение должны еще основательно поработать над собою, чтобы соответствующие части исследования Востока могли с ними слиться.

Кроме того, большая часть наших востоковедов, старшее поколение, еще только переключается. При всем своем желании идти новыми путями, пользоваться марксистской методологией наши востоковеды зачастую недостаточно еще подготовлены.

Большая работа по проверке установок старых и новых исследований, которая, естественно, является одним из первых шагов на новом пути, встречает серьезные препятствия в нашей собственной востоковедной среде. Эта критика, зачастую, правда, крайне резкая и далеко недостаточно обоснованная, к сожалению, вызывает недовольство и иногда даже негодование наших старых работников, которым представляется, что они стоят перед крайним снижением, если не прямым разрушением любимой ими науки. Они совсем не учитывают необходимости, пользы и неизбежности критики старого при построении нового.

Суть правильного развития нашего востоковедения, пока оно еще должно продолжать развиваться как нечто целое,— та же, какая и для развития всей нашей советской науки: теснейшая ее увязка с жизнью, что особенно важно для науки общественной, изучение сегодняшнего дня, современности, для правильного на нее воздействия в целях социалистического строительства. При этом ясно, что не одинаковы задачи изучения советского Востока и Востока зарубежного, так же как разные задачи изучения советского и зарубежного Запада...

По отношению к советским республикам Востока задачи нашего востоковедения теснейшим образом связаны с вопросами культурной революции, которые, в свою очередь, тесно связаны с вопросом о поднятии национальной культуры... Здесь — широкое поле для работы наших востоковедов, так как мы стоим перед фактом десятков разных национальностей в нашем Союзе, десятком разных языков. Приходится признать, что значительная часть их не изучена, как не изучены у нас и многие западные языки, причем часто даже трудно сказать, должны ли мы данные языки считать даже по старой номенклатуре западными или восточными...

Для нас изучение языков и создание возможности для широких масс успешно и быстро учиться разным языкам — первоочередная задача, и наши востоковеды уделяют ей особенное внимание. Она для них тесно объединяется с очередной задачей латинизации, над которой наши востоковеды дружно работают под объединенным методологическим руководством Комитета нового алфавита. В связи с этим стоит важнейший и актуальнейший вопрос о новых литературных языках, ибо благодаря

Октябрьской революции, благодаря Советскому Союзу появилась литература на многих языках, которые ее до сих пор не имели; с культурной революцией явилась потребность в новых средствах общения и выявления как нового творчества, так и выявления путем литературы классовой борьбы.

Помня завет Ленина, что «марксисты говорят: необходимо отсутствие обязательного государственного языка», наши востоковеды работают над выявлением для широкого пользования многочисленных наших восточных языков. Слепы те, кто не видит громадного научного значения этой глубоко практической задачи. С громадным напряжением под влиянием потребностей жизни идет словарная работа по языкам Союза, потому что словарь и грамматика — первые орудия в языковой борьбе, а словарь вместе с тем помогает выявлению классовой сущности языка и дает материал для выяснения стадий его развития. Рядом с языковедческой работой идет работа литературоведческая: изучается и новая пролетарская литература, и старая письменная, и та широко развитая устная массовая литература, которая так ярко отражает разные стадии развития масс и отдельных классовых группировок. И опять приходится отметить для тех, кто не хочет видеть глубокой научности современных, новых подходов к научной работе, что все эти исследования, служащие делу культурной революции, поднятию национальной культуры, одновременно дают богатейший материал для теоретических построений, которые, в свою очередь, сделают возможным улучшение работы практической.

Старое востоковедение почти не уделяло внимания вопросам экономики, исключительное практическое и теоретическое значение которой понятно теперь каждому. Малая подготовка в этой области старых работников и ограниченность кадров новых работников делают работу на этом фронте пока довольно слабой, потому что занятия экономикой, исключительно ответственные, требуют и соответственной подготовки. Сюда необходимо направить все силы.

Несколько более благополучно, но тоже далеко не удовлетворительно стоит дело с изучением новейшей истории Востока Союза, его революционных движений и классовой борьбы. Перестраивающаяся этнография,

приступившая к изучению колхозного строительства, а также и фабрично-заводского, городского строя, обещает богатые результаты.

Все эти жизненные явления и движения тесно связаны с вопросом национальных культур наших советских республик, с национальной политикой...

Большую научную работу в связи с вопросами национальных культур вели и ведут востоковеды Советского Союза. Создаваемые теперь Академией наук научные базы в республиках должны в этом отношении проявить максимальное напряжение, ибо объединение в научной работе местных научных работников с их большим местным опытом и работников центра с основательной теоретической специальной подготовкой особенно плодотворно.

В странах зарубежного Востока необходимо старому востоковедению с его преимущественно надстроечными установками и интересом к прошлому и малым вниманием к настоящему противопоставить наше новое, советское востоковедение. Здесь на первом месте будет особое внимание к экономике, к изучению всех революционных и аграрных движений новейшего времени, аграрной революции, к тщательному изучению классовой борьбы в прошлом и настоящем с учетом все время первоисточников на восточных и западных языках.

Замедляет нашу работу значительное ослабление наших научных сношений с границей, которое в большой мере зависит от разницы наших взглядов на задачи исследования Востока и вообще от коренной, указанной выше, разницы во взглядах на отношения Запада и Востока. Несомненно, что должны быть приложены все усилия к тому, чтобы интенсифицировать наше изучение зарубежного Востока, особенно еще и потому, что без нас нашими методами никто его изучать не будет. Между тем это изучение все более и более осложняется той дифференциацией, которая выявляется в странах Востока в связи с их отношениями к Западу...

Моей задачей было в кратком сопоставлении указать на две противоположные друг другу установки в важнейшем вопросе о Востоке и Западе: одну — западную, по-моему отживающую, другую — советскую, которой, несомненно, принадлежит будущее и которая имеет уже теперь большое значение. Для Запада Восток и Запад —

два совершенно разных мира, противоположных друг другу, для Советского Союза пролетарские Восток и Запад — единое.

От этих двух установок зависит и противоположная постановка изучения Востока: на Западе — главным образом изучение прошлого Востока и его надстроечных явлений. У нас — изучение современного Востока в целом и в тесном единении с изучением Запада.

Подводя итоги, скажу: советская постановка вопроса о Востоке и Западе делает его вопросом решенным, конечным в смысле окончательного объединения Востока и Запада для будущего единого, мирового, социалистического строительства.

Перед тем чтобы кончить свой краткий доклад, я хотел бы напомнить вам, что вопрос, в нем затронутый, имеет совершенно особенное значение: современный Восток это *миллиард* людей, вступивших и вступающих в борьбу за свое освобождение. Вы согласитесь со мной, что тщательное изучение и знание этого миллиарда людей является одною из актуальнейших задач нашего социалистического строительства. Понятен поэтому тот особый интерес, который питал к изучению Востока Владимир Ильич, хорошо сознававший его громадное боевое значение. В круг тех знаний, которые раньше считались необходимыми для так называемого образованного человека, не входило знание современного Востока; теперь мы, на новых путях, требуем от нашей школы знания и Востока. Ведь наш лозунг: нет отдельно Востока и Запада, а есть единое человечество, задача которого — построить социализм.

ИЗ КНИГИ: ОЛЕГ БАБИШКИН. АГАФАНГЕЛ КРИМСКИЙ
Київ, 1967, с. 27.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Аг. Крымского в Москве профессором Лазаревского института восточных языков. О его прогрессивных взглядах свидетельствует факт, зафиксированный в биографии ученого и в истории Октябрьских событий в Москве. Запись¹ гласит: «Когда в Москве произошла Октябрьская революция 1917 г., я был секретарем профессорского совета Лазаревского института. В то время ученые высшей школы Москвы, начиная с университета, постановили бойкотировать новую, Советскую власть. Я, наоборот, искренне ее приветствовал и в первый же день, только умолкли пушки, собрав заседание Совета Института, склонил своих коллег послать как можно скорее депутацию к представителям Советской власти. Таким образом, из всех вузов Москвы Лазаревский институт был первым, который не замедлил заявить о своей верности Советской революции».

**ИЗ ПИСЬМА ПОЧЕТНОГО АКАДЕМИКА,
ПРОФ. МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЕСЕЛОВСКОГО
ПРОФ. ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГОРДЛЕВСКОМУ,
НАХОДИВШЕМУСЯ В ТО ВРЕМЯ В Г. УФЕ.**

«...с привычной работой теперь несравненно лучше прежнего оплаченной, в коллегии знакомой, но, обезвреженной и обезгидуляниной*, с перспективой обще-

¹ Рукописный отдел Публичной библиотеки АН УССР, ф. 1, № 23 526.

* К этому времени директор Лазаревского института восточных языков, профессор церковного права В. П. Гидулянов — ставленник реакционного министра просвещения Кассо — был снят с должности. (Примеч. редкол. сб.).

политического возрождения, которое не может не отразиться на прогрессе высшей школы, печати и т. д. ...»^{*}.
22 июля (4 августа) 1918 г.

**ИЗ МОНОГРАФИИ: В. А. МИХАНКОВА.
НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧ МАРР. ОЧЕРК ЕГО ЖИЗНИ
И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
М.—Л., 1949, с. 262—263.**

С первых же дней после Октября мы видим Н. Я. неутомимо работающим на своем посту «бойца научно-культурного фронта», помогающим своим опытом и знаниями «беспримерному по размаху революционному научно-культурному строительству»¹. Первое время не все свершающееся было ему вполне понятно, не всегда легко было расставаться с несущественными, может быть, но привычными взглядами и отношениями. Однако и тогда, «в памятные дни разрухи и невзгод, последствий войны империалистической и гражданской, слома прогнивших устоев общественности и власти... когда слабым нервам и утратившим устойчивость умам, особенно отрешенным от реальности, казалось, что со старым бытом, бесповоротно осужденным на гибель и идущим ко дну, гибнут все наши культурные гнезда, научные учреждения, идут ко дну с потерпевшими крушение кораблями весь экипаж и пассажиры, весь люд с интересом к нашим культурным сокровищам и обслуживавший их интерес ученый и технически подготовленный мир»², Н. Я. ни на минуту не поколебался. Он понял, что правда не на той стороне, которая, «с недоверием озираясь на грядущее, торопко тянется за последними гаснущими лучами колеса-солнца изжитой общественности, закатившегося волей жизни, волей неумолимого исторического процесса»³. С первых же дней Октябрьской рево-

^{*} Письмо хранится в Архиве АН СССР, ф. 688, оп. 4, д. 74. (Примеч. редкол. сб.).

¹ Выступление на XVI съезде ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930, с. 98.

² Задачи Секции научных работников.— «Научный работник». 1927, № 2, с. 67.

³ Яфегидология в ЛГУ.— Избранные работы Н. Я. Марра. Т. I, с. 254.

люции и до последнего дня своей жизни Н. Я. неизменно стоял в первых рядах советских ученых, силой своего личного, научного и общественного авторитета ободряя более слабых, заставляя задуматься сомневающихся, показывая им тот путь, на который они неизбежно должны вступить.

ИЗ КНИГИ:

К. Н. ЮЗБАШЯН. АКАДЕМИК ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ.
М., 1964, с. 47—48.

Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция. Перед ученым миром Петрограда, так же как и всей России, встала жгучая проблема: как относиться к свершившемуся историческому событию? Одни (таких было немного) остались верны своим кастовым воззрениям и оказались в лагере врагов революции. Другие растерялись, чему в немалой степени способствовал вынужденный отказ от привычных форм и условий работы, разрыв научных связей и пр. Но немало было и таких, которые, выдержав неизбежную ломку, определили свое отношение к новому строю и продолжали служить отечественной науке. Во главе этой группы петроградских ученых (речь идет о деятелях гуманитарных наук) оказался Н. Я. Марр...

Революция явилась экзаменом гражданских качеств и И. А. Орбели — Орбели-демократа и Орбели-патриота, и этот экзамен он выдержал.

Революция дала простор организаторскому таланту Иосифа Абгаровича. Ему, правда, и раньше приходилось направлять работу весьма сложного научного учреждения (осенью 1914 г. он был избран секретарем Восточного отделения Русского археологического общества)¹, но в послереволюционные годы масштабы его деятельности несравнимо возросли. Не прекращая исследовательской работы, он с присущим ему пылом отдается трудной задаче реорганизации целого ряда учреждений, характер деятельности которых необходимо было изменить коренным образом. В первую очередь это касалось Академии истории материальной культуры.

¹ С 1911 г. он был членом-корреспондентом Восточного отделения, с 1914 г. — его действительным членом.

ЛАЗАРЕВСКИЙ ПЕРЕДНЕ-АЗИАТСКИЙ ИНСТИТУТ

ЭТНОЛОГИЧЕСКО-ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вновь учрежденный факультет есть российская автономная высшая специальная школа, обслуживающая общие культурные востоковедные интересы России и армянского народа.

§ 2. Факультет, состоя из двух отделений, научно-теоретического и научно-практического, преследует следующие задачи:

а) разработку востоковедения по письменным и неписьменным, живым и мертвым языкам, литературе, истории и памятникам искусства народов Передней Азии;

б) сообщение учащимся систематического востоковедного образования по соответственным отраслям знания;

в) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института.

В текущем 1918-19 учебном году читаются следующие курсы:

1. АЛЯВДИН, А. П. Введение в изучение сирийского языка и словесности. Сирийский язык.
2. ГОРДЛЕВСКИЙ, В. А. История османской литературы. Османский язык.
3. ИОАННЕСИАН, А. Г. Аракел Таврический¹. Чтение и толкование текста.
4. КОСТАНЯНЦ, К. И. История армянской литературы. Армянский язык.
5. МАКСИМОВ, А. Н. Этнология и этнография.
6. МАРР, Н. Я. Введение в изучение Кавказского мира. Армянский древне-литературный язык. Грузинский древне-литературный язык. Монсей Хоренский. Чтение и толкование текста.
7. МСЕРИАНЦ, Л. З. История древнего Востока. Введение в языковедение. Древне-персидский язык.
8. ОРБЕЛИ, И. А. Введение в археологию. История Ани в его памятниках. Армянские и грузинские источники по истории Ани.
9. САМОЙЛОВИЧ, А. Н. Введение в изучение турецких народов и языков. Азербайджанский язык.

¹ Опечатка. Следует читать Тавризский.— А. Б.

10. ШМИДТ, А. Э. Арабский язык. Введение в исламоведение. Введение в изучение Корана. Чтение Корана.
11. ФРЕЙМАН, А. А. Введение в иранскую филологию. Ново-персидский язык. Историческая грамматика персидского языка.

Факультет помещается на углу Армянского и Кривоколенного переулков, вход со двора.

Подробности можно узнать у секретаря факультета А. П. Алявдина по воскресеньям от 12 до 1 часа дня и по понедельникам от 7 до 8 час. вечера и ежедневно в Совете старост от 6 до 8 час. вечера в помещении факультета.

ЛАЗАРЕВСКИЙ ПЕРЕДНЕ-АЗИАТСКИЙ ИНСТИТУТ

(Армянский пер., 2)

ЭТНОЛОГИЧЕСКО-ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В текущем учебном году на факультете состоится ряд эпизодических курсов, посвященных архаической, христианской и мусульманской культурам в Передней Азии.

ЛЕКТОРАМИ ПРИГЛАШЕНЫ:

Акад. **В. В. БАРТОЛЬД.**

Эпоха халифов Омеядов по новейшим исследованиям.

Среда, 29-го января — суббота, 1-го февраля.

Проф. **Н. П. СЫЧЕВ.**

Задачи изучения армяно-грузинского искусства.

Среда, 12-го февраля — пятница, 14-го февраля.

Проф. **Б. В. ФАРМАКОВСКИЙ**

Археологические наслоения Передней Азии и Юга России.

Среда, 26-го февраля — суббота, 1-го марта.

Проф. **А. А. ВАСИЛЬЕВ.**

Роль Малой Азии в истории Византии.

Среда, 12-го марта — воскресенье, 16-го марта.

Акад. **С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ.**

Изучение Ирана в России.

Среда, 26-го марта — пятница, 28-го марта.

НАЧАЛО ЛЕКЦИЙ РОВНО В 5 ЧАС. ВЕЧЕРА.

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ.

ПЕРВАЯ БУДДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА В ПЕТЕРБУРГЕ

БУДДИЗМ В ТИБЕТЕ И МОНГОЛИИ

Лекция профессора **Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА**,
читанная 31 сентября 1919 года

ИЗДАНИЕ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

ПЕТЕРБУРГ 1919

ПЕРВАЯ БУДДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА В ПЕТЕРБУРГЕ

ОЧЕРК

академика **С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА**

ИЗДАНИЕ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ

ПЕТЕРБУРГ 1919

ПЕРВАЯ БУДДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА В ПЕТЕРБУРГЕ

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ БУДДИЗМА

Лекция академика **Ф. И. ЩЕРБАТСКОГО**,
читанная при открытии Выставки
24 августа 1919 года

ИЗДАНИЕ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ

ПЕТЕРБУРГ 1919

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Статьи	3
А. Н. Хейфец, П. М. Шаститко. В. И. Ленин и становление советского востоковедения	3
А. П. Базилянц. Из истории советского востоковедения в 1917—1922 гг.	29
Б. В. Лукин. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции	85
Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения. 1921—1930 (К 60-летию со дня основания)	131
Часть II. Документы и материалы	164

СТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

(Сборник статей)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Л. В. Яшина*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *П. С. Шим*

ИБ № 14538

Сдано в набор 02.09.82. Подписано к печати
30.12.82. А-11482. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага ти-
пографская № 1. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 10,5. Усл. кр.-отг. 10,71.
Уч.-изд. л. 10,78. Тираж 1700 экз. Изд. № 5098.
Зак. № 564. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выдет:

К. А. Бойко. Арабская историческая литература в Египте (VII—IX вв.). 14л.

Это третья книга об арабской исторической литературе раннего средневековья. Ее цель — отразить в наиболее полном виде источники и литературу по общим и частным вопросам арабо-египетской историографии за библиографических статей о знатоках местного предания и авторах исторических работ. Материал представлен в виде

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдет:

Тюркологический сборник. 1978. 20 л.

Очередной выпуск посвящен проблемам истории, филологии и источниковедения Османской империи. В книге указаны узловые проблемы новой истории, затронуты проблемы истории янычарского корпуса, реформ в армии в XVIII в., государственной и общественно-политической деятельности турецких реформаторов Танзимата и др. В источниковедческих статьях описаны отдельные формы архивов Москвы, Тбилиси, Болгарии. Исследованы категории пьес турецкого народного театра и т. д.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».